ЛЕКЦІИ

ПО

ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКѢ

РУССКАГО ЯЗЫКА,

читанныя ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго Университета

Романомъ Брандтомъ.

Выпускъ I.

ФОНЕТИКА.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892.

Извлечено изъ XVI тома Ученыхъ Записокъ Императорскаго Московскаго Университета по Историко-Филологическому факультету.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предметомъ издаваемыхъ теперь лекцій служитъ литературный русскій языкъ, который въ нихъ освѣщается діалектологіей и исторіей, а также сравненіемъ съ ближайшими (иногда и съ болѣе дальними) родичами. Въ отличіе отъ извѣстныхъ Лекцій Алексѣя Ивановича Соболевскаго, здѣсь предлагаются лекціи не по исторіи русскаго языка, а по его историко-сравнительной грамматикѣ.

Печатаются настоящія лекціи почти безъ дополненій противъ того, какъ они дѣйствительно читались: значительное распространеніе, думается мнѣ, легко могло бы придать задуманному университетскому учебнику характеръ справочной книги.

Романъ Брандтъ.

Гласные звуки.

Для гласныхъ звуковъ русскаго языка большое значеніе имѣетъ удареніе: только ударяемые гласники отличаются явственностью и опредѣленностью; при отсутствіи же ударенія совпадаютъ между собой два, а иногда и три звука. На явственности ударяемыхъ гласниковъ основано извѣстное школьное правило, что, когда мы сомнѣваемся, какую употребить гласную букву, то должны подобрать другую форму того же слова, съ удареніемъ на сомнительной буквѣ: можно напр. усумниться, слѣдуетъ-ли писать тяну́, тену́, или тину́, но 2-е лицо «тя́нешь» показываетъ, что нужно писать *я*.

Господство ударяемыхъ гласниковъ и ослабленіе безударныхъ есть явленіе довольно новое, развившееся въ XIV—XVI столѣтіи. Впрочемъ надо помнить, что хронологія языка отличается вообще большою неточностью: вѣдь письмо всегда только приблизительно передаетъ выговоръ словъ, и иная особенность, хотя не выражается на письмѣ, тѣмъ не менѣе можетъ существовать въ живой рѣчи. Ослабленіе безударныхъ гласниковъ—черта южно-великорусскаго говора и литературной рѣчи; эту особенность раздѣляетъ и нарѣчіе бѣлорусское. Напротивъ того нарѣчію малорусскому и сѣверно-великорусскому говору она почти чужда.

Въ обзорѣ гласныхъ звуковъ я буду отмѣчать съ одной стороны ихъ качественныя особенности, а съ другой—ихъ происхожденіе. Чтобы дать болѣе ясное представленіе о звукахъ русскаго языка, я при письменномъ изображеніи его словъ буду пользоваться не общепринятымъ правописаніемъ, а фонетическою транскрипціей. Обратимся прежде всего къ ударяемымъ гласникамъ, къ безударнымъ мы перейдемъ впослѣдствіи.

Звукъ á не требуетъ замѣчаній насчетъ качественныхъ своихъ особенностей [1]. Что же до его происхожденія, то русское *а* происходитъ 1) изъ праславянскаго ѧ—таковое *а* мы имѣемъ, напримѣръ, въ словахъ бáба, сáн. [2]. 2) Звукъ *а* является тамъ, гдѣ въ старославянскомъ языкѣ былъ ѧ [3]; а именно юсу узкому соотвѣтствуетъ *а* съ предшествующей мягкостью [4]. Эта мягкость иногда можетъ теряться, т. к. иные согласники, бывши первоначально мягкими, впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвердѣли; и въ такихъ случаяхъ мы на мѣстѣ ѧ находимъ просто *а*. ’А мы имѣемъ напр. въ глаголѣ ѣ́ду, соотвѣтствующемъ старославянскому **ѣдж**; въ существительномъ мáса, равномъ старославянскому **мясо**. Здѣсь въ обоихъ примѣрахъ мы видимъ *а* съ предшествующимъ мягкимъ согласникомъ. Простое *а* на мѣстѣ ѧ, безъ предшествующей мягкости, мы находимъ послѣ шипящихъ *ж* и *ш*. (О *ч* и *щ* рѣчь будетъ ниже). Мы имѣемъ, напримѣръ, существительное жáла, основная форма котораго будетъ **жало**; имѣемъ прилагательное шáткъй, находящееся въ связи съ церковно-славянскимъ **шатати ся**. (Русскій глаголъ шататься въ примѣръ не годится, потому что *а* въ немъ безударное). *А* безъ предшествующей мягкости въ соотвѣтствіе ѧ является также и послѣ согласнаго дифтонга *ч*, обозначать который я буду черезъ т͡ш, такъ какъ оба эти звука, тѣсно соединенные, слышатся въ нашемъ дифтонгѣ. Изъ указанныхъ элементовъ первый всегда мягокъ, а второй обыкновенно бываетъ среднимъ. (Средній выговоръ я буду обозначать точкой). Итакъ, русское *ч* состоитъ изъ

---

[1] О нѣкоторыхъ оттѣнкахъ его удобнѣе будетъ поговорить въ другомъ мѣстѣ.

[2] Удареніе русскихъ словъ я, при писаніи на доскѣ въ аудиторіи, а также и въ литографическомъ изданіи этихъ лекцій, обозначалъ отвѣсной чертой, такъ какъ обыкновенные знаки, ´и` (акутъ и грависъ) имѣютъ особыя значенія въ другихъ славянскихъ языкахъ. Но въ настоящемъ изданіи, чтобы не отливать новыхъ буквъ, я пользуюсь акутомъ.

[3] Въ виду того, что праславянскіе звуки почти всегда совпадаютъ со старославянскими, я обыкновенно буду выводить русскія слова изъ старославянскихъ.

[4] Мягкость я буду обозначать апострофомъ.

т+ш. При такомъ произношеніи слогъ ѫ находитъ подобное же отраженіе какъ жа и ша, т. е. представляетъ отсутствіе мягкости, напр. тиа́ст, равное староцерк. ѫсть. Но не вездѣ одинаково произносятъ *ч*, въ нѣкоторыхъ говорахъ *ч* мягко, т. е. представляетъ т+ш. При такомъ выговорѣ *ч* не стоитъ уже на ряду съ *ж* и *ш*, а подходитъ подъ общее правило. Сказанное про *ч* относится и къ согласному трифтонгу *щ*, который есть или шт͡ш, или же шт͡ш, а у иныхъ звучитъ и какъ простой, но протяжный согласный—какъ ш: паштша́да, или паштша́да, или же паша́да=староцерковному ***пощѧда**, праславянскому ***поцѧда**. Въ извѣстномъ смыслѣ къ исключеніямъ принадлежитъ и тотъ случай, когда ѧ предшествуетъ j, т. е., напримѣръ, какое-нибудь слово ја́дра (беру множественное число, а не единственное, чтобъ имѣть *а* подъ ударе́ніемъ), соотвѣтствующее старославянскому **ѧдра**. Здѣсь звуку *а* предшествуетъ мягкій согласникъ j, но всетаки самому ѧ соотвѣтствуетъ одинъ только звукъ *а*, потому что j на лицо и въ старославянскомъ языкѣ.

Есть нѣкоторые случаи, гдѣ русское *а* съ предшествующей мягкостью находитъ себѣ соотвѣтствіе въ старославянскихъ формахъ съ ѣ. Такъ, при нашемъ нарѣчіи пра́мо мы находимъ старославянское **прѣмо**; русской глагольной формѣ пама́ньт соотвѣтствуетъ старославянская **помѣнѣть**; русское прилагательное рум'а́нъй соотвѣтствуетъ старославянскому **роуменъ**. Но при глагольной формѣ **помѣнѣть** мы встрѣчаемъ также форму **поманѣть**. Старославянское **роуменъ** по-сербски будетъ ру́мен, румѐна, -о; а сербское *е*, если оно проходитъ по всѣмъ говорамъ сербскаго языка, предполагаетъ или основное ѣ, или ѧ, но не ѣ: если бы тутъ былъ ѣ, то при формѣ ру́мен должны бы существовать (въ западныхъ говорахъ) разновидности ру́м*је*н и -*ин*. Итакъ серб. ру́мен свидѣтельствуетъ объ основномъ **роуманъ**. За то польскій языкъ здѣсь предполагаетъ ѣ: по-польски rumiany, а польское 'а соотвѣтствуетъ славянскому ѣ, на мѣстѣ же ѧ было бы 'ą или 'ę: rumiąny или rumięny [1]. Такимъ образомъ праславян-

[1] Почти тожественныя фонемы rumiany и рум'а́нъй представляютъ поучительный примѣръ, что сходство можетъ иногда указывать на первоначальное различіе.

скія созвучія ѣм ѣн въ разсматриваемыхъ словахъ имѣли при себѣ разновидности ѧм, ѧн, и русскія *'ам, 'ан* можно возводить къ послѣднимъ.

Мы видѣли случаи, въ которыхъ русскіе слоги ја, жа, ша, ч̑ша произошли изъ праславянскихъ сочетаній съ ѧ; не слѣдуетъ однако думать, чтобъ эти слоги всегда имѣли такое происхожденіе. Существуютъ также слова въ родѣ ја́гъда, равнаго основному ѫгода, гдѣ *а* восходитъ къ праславянскому ѧ и къ славяно-литовскому ō—по-литовски это слово будетъ ůga, что̀ предполагаетъ славяно-литовское *ōgā. Далѣе, въ такихъ слогахъ, какъ ја, жа, ша, ч̑ша, ѧ славянскій и вмѣстѣ съ тѣмъ русское *а* стоитъ очень часто вмѣсто ѣ. Мы имѣемъ, напр., глаголъ кокти ся, 2-е лицо настоящаго кошиш ся; глаголъ стокти, 2-е л. стошиш — эти глаголы образованы такъ же, какъ летѣти, имѣющій 2-е л. летиш, но только въ неокончательномъ они послѣ ј вмѣсто ѣ представляютъ ѧ. Подобнымъ же образомъ и послѣ шипящихъ мы встрѣчаемъ ѧ вмѣсто ѣ, напр. лежати, 2-е лицо лежиш—лежати вмѣсто *легѣти. Въ литовскомъ языкѣ мы здѣсь находимъ *е узкое*, предполагающее ē, напр. нашему сѣдѣти въ литовскомъ соотвѣтствуетъ sėdė́ti. Подобное же *а* вмѣсто ѣ является и въ цѣломъ рядѣ существительныхъ, напр. въ словѣ жа́ба, которое имѣетъ соотвѣтствіе въ сербскомъ—жа̏ба (съ *а*: если бы тутъ въ праславянскомъ языкѣ былъ ѧ, то Сербы произносили бы же̏ба) и въ польскомъ żaba (а не żęba или żąba). Таково же слово ша́лъ ѣ̀т, находящееся въ связи съ сербскимъ ша́ла шутка (не ше̏ла), съ польскимъ szalony безумный (не szęlony или szą̨lony); далѣе слово т̑ша́ша, сербское ча̏ша и польское czasza. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что указанныя слова представляютъ *а* вмѣсто *ъ*, но точнѣе говорить, что *а* замѣняетъ тутъ ē, которое при другихъ условіяхъ дало бы *ъ*. Притомъ уже Праславяне послѣ ј и шипящихъ употребляли *а* вмѣсто ē, и русскіе унаслѣдовали готовое *а*.

Такъ какъ русскій звукъ *а* съ предшествующей мягкостью можетъ соотвѣтствовать или основному ѧ, или ѧ, то, при этимологическомъ толкованіи русскихъ словъ, надо себѣ всегда ставить вопросъ, чему соотвѣтствуетъ данное *а*. Замѣтимъ, что въ корняхъ *а* съ предшествующей мягкостью (именно, съ предшествующими мягкими

согласными, т. с., за исключеніемъ созвучій ja, жа, ша, ⁀ша) происходитъ изъ ѧ, и только въ суффиксахъ мы имѣемъ также древнее *а* съ предшествующей мягкостью, напр. русское слово з'имла́ соотвѣтствуетъ староперковному ѕемлѧ.

Замѣна ѧ черезъ 'а—замѣна древняя; вторичнымъ однако слѣдуетъ считать отвердѣніе (въ большей или меньшей степени) нѣкоторыхъ согласныхъ. Первоначально слогамъ съ ѧ соотвѣтствовали всегда мягкіе слоги: мы знаемъ, что *ч* можетъ быть мягкимъ, первоначально же оно всегда было таковымъ, точно такъ же и *ж, ш*. Такъ, напримѣръ, жа́ла первоначально звучало ж́а́лъ, ша́тъкъй—ш́а́тъкой. Что ѧ издавна былъ утраченъ русскимъ языкомъ это явствуетъ изъ первыхъ памятниковъ русскаго письма. Какъ извѣстно, въ памятникахъ XI столѣтія—въ Остромировомъ Евангеліи (1056—57 гг.), въ обоихъ Изборникахъ Святославовыхъ (1073 и 1076 г.) и въ Служебныхъ Минеяхъ за октябрь и ноябрь мѣсяцы (1095—97 гг.)—мы имѣемъ уже случаи смѣшенія буквы ѧ съ буквами ѧ и ѧ. Напр. діаконъ Григорій въ послѣсловіи пишетъ: «ПОУАХЪ ПИСАТИ», между тѣмъ какъ нужно было написать «ПОУАХЪ»; да и въ самомъ текстѣ Евангелія, при списываньи южно-славянскаго подлинника, онъ нерѣдко ошибался насчетъ употребленія буквъ ѧ, ѧ и ѧ. Можно, правда, привести нѣкоторыя соображенія въ пользу существованія въ русскомъ языкѣ, въ болѣе раннюю пору, носовыхъ гласныхъ, но эти доводы носятъ характеръ сомнительный. Они будутъ изложены ниже.

Что касается письменнаго знака ѧ, то онъ сохранялся въ русскомъ письмѣ на ряду съ ѧ и даже употреблялся предпочтительно передъ нимъ; ѧ преобладаетъ также въ церковныхъ книгахъ новой редакціи; изъ его скорописной разновидности вышла буква *я* гражданскаго письма́ и печати.

Обратимся теперь къ звуку *е*. *Е* есть звукъ средній между *а* и *и*, и какъ таковой можетъ занимать приблизительно середину между ними, или же приближаться болѣе къ *а*, или болѣе къ *и*. Въ русскомъ языкѣ существуютъ д в а *е*—одно болѣе близкое къ *а*, другое болѣе близкое къ *и*; кажется, въ нѣкоторыхъ, хотя и рѣдкихъ, случаяхъ встрѣчается еще *е* среднее, одинаково далекое какъ отъ *и*, такъ и отъ *а*. Звукъ *е* болѣе близкій къ *а* буду обозначать посредствомъ ѣ и называть *е* широкимъ. Широкое *е* тоже-

ственно съ нѣмецкимъ *e* въ словѣ Aehre (колосъ), и съ французскимъ è, напр. въ словѣ père: примѣромъ на такое *e* можетъ служить слово м̀ а л. У з к о е *e* равно нѣмецкому *e* въ словѣ Ehre (честь), французскому é, напр. въ словѣ bonté (доброта); такое *e* представляетъ напр. слово м̀ е л̀. (Узкое *e* буду выражать перевернутымъ э).

Двоякость звука *e* въ русскомъ языкѣ впервые была указана академикомъ Як. Карл. Г р о т о м ъ, въ статьѣ, помѣщенной въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ 1847-мъ году, и перепечатанной потомъ въ сборникѣ его грамматическихъ работъ, въ его «Филологическихъ разысканіяхъ». Статья эта озаглавлена «О произношеніи буквъ е, ѣ и э». Уже изъ приведеннаго заглавія видно, что указанная особенность звука *e* одинаково относится къ этому звуку, какъ бы онъ ни изображался на письмѣ. Позже Грота, но независимо отъ него, пришелъ къ тому же заключенію другой академикъ, извѣстный спеціалистъ по санскритскому языку—Бётлингъ (Böthlingk). Статья Бётлинга, въ которой онъ между прочимъ разсматриваетъ занимающій насъ вопросъ, озаглавлена «Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ» и напечатана въ Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ по 1-му и 3-му отдѣленіямъ, томъ I; она же появилась на нѣмецкомъ языкѣ во французско-нѣмецкомъ изданіи Академіи, Bulletin historico-philologique, v. IX, подъ заглавіемъ: «Beiträge zur russischen Grammatik».

Условія появленія въ русскомъ языкѣ того или другого *e* очень просты; тогда какъ во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ только изъ практики можно узнать, гдѣ будетъ ä, а гдѣ є, въ русскомъ языкѣ для этого существуетъ общій законъ, не допускающій исключеній. Я здѣсь дамъ свою формулу, впрочемъ почти совпадающую съ формулой Бётлинга. (У Грота мы находимъ неудовлетворительное опредѣленіе, потому что онъ въ указанной статьѣ говоритъ вмѣсто звуковъ о буквахъ). Формула моя слѣдующая: передъ мягкими согласными, въ числѣ которыхъ находится также легкій j, или, если употребить другой терминъ—*i* неслого́вое (звукъ, для котораго въ русской азбукѣ существуетъ знакъ й), является є, въ другихъ случаяхъ—ä. Значитъ, ä является пе-

редъ твердыми согласными и въ исходѣ [1]. Это можно видѣть уже на приведенныхъ выше примѣрахъ (мäл, мєл̇): въ первомъ случаѣ мы передъ твердымъ согласнымъ находимъ ä; во второмъ, передъ мягкимъ—є. Возьмемъ затѣмъ, какъ примѣръ на ä въ изглашеніи, нарѣчіе ъ д ä [2]. Сопоставимъ еще нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, какъ при чередованіи согласныхъ твердыхъ и мягкихъ мѣняется звукъ *є*. Произнося въ именительномъ падежѣ д̇ä́ла, мы въ мѣстномъ говоримъ (в) д̇є́л̇и, далѣе: ана̀ с̈а́ла, но анѝ с̈є́л̇и. Подобнымъ же образомъ является звукъ ä въ именительномъ падежѣ слова с̈в̇ät, а мѣстный будетъ (ф) с̈в̇є́т̇и, точно также уменьшительная форма этого слова будетъ с̈в̇є́т̇ьк. Возьмемъ еще мѣстоименіе «этотъ» въ женскомъ родѣ: напр. ʲ̈ä́та да́ма, но во множественномъ числѣ будетъ ʲ̈є́ти да́мы. Въ появленіи є передъ мягкими согласными мы должны видѣть родъ уподобленія: мягкій согласный содержитъ въ себѣ элементъ средненёбный, элементъ j, а согласный j ближайшій родичъ гласнаго *и*; поэтому-то *е* передъ мягкими согласными приближается къ *и*, приближаясь вмѣстѣ съ тѣмъ къ j.

Я приводилъ примѣры на ä и є, оставляя въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи звука *е*; и дѣйствительно, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, оно почти безразлично.

Судя по письму, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ исключеній изъ нашего закона, но всѣ они мнимыя. Таково, напр., слово в е р х ъ, гдѣ какъ будто является є передъ твердымъ *р*, тогда какъ въ дѣйствительности тутъ *р* мягкій, и произносятъ в̇є*р̇*х; иногда правда, слышится и твердый *р*, но тогда говорятъ уже в̇ä́рх, съ широкимъ *е*. Впрочемъ, второе произношеніе надо считать провинціализмомъ, или же искусственнымъ примѣненіемъ къ письму. Подобныя же исключенія представляютъ слова въ родѣ м е ч ъ, л е щ ъ, гдѣ твердость обозначается только на письмѣ, а въ произношеніи ея не существуетъ. Мы произносимъ м̇є͡т̇ш или м̇є͡т̇ш

[1] Исходомъ или изглашеніемъ называется послѣдній звукъ въ словѣ.

[2] Въ словѣ г д ѣ слышится своеобразный звукъ г, который я обозначаю черезъ ъ. Это обозначеніе было изобрѣтено Шегрéномъ для Осетинскаго языка и потомъ употреблено Бётлингомъ для Якутскаго, а также, въ вышеупомянутой статьѣ о русской фонетикѣ.

и во всякомъ случаѣ первая часть звука *ч*, непосредственно примыкающая къ звуку *е*,—мягкая (т̓). Слово лещъ мы произносимъ л̓е͡шт̓ш, или л̓е͡шт̓ш, или л̓е͡шш; опять-таки первая часть сложнаго согласнаго мягкая. Подобныя же мнимыя исключенія представляютъ прилагательныя в̓е́ш̓н̓ьй и пр̓е́ж̓н̓ьй, гдѣ *ш* и *ж* подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго сами мягки, хотя мягкость на письмѣ не обозначается. Съ другой стороны существуютъ слова, въ которыхъ пишется мягкій знакъ, но передъ «мягкою согласною» приходится читать ä: въ этихъ случаяхъ ерь имѣетъ только этимологическое значеніе. Такъ напр. въ словѣ п-л-ѣ-ш-ь, равномъ пл̓ä ш; въ велительномъ наклоненіи глагола у т ѣ ш и т ь—у-т-ѣ-ш-ь=ут̓ä ш, или отъ глагола рѣзать—р-ѣ-ж-ь=р̓ä ш. Отмѣтимъ еще нѣсколько случаевъ колебанія, подобныхъ замѣченному въ словѣ в е р х ъ. Таково количественное числительное с е м ь: одни произносятъ с̓ä м, другіе—с̓е́м; таково же порядковое числительное п е р в ы й: одни говорятъ н̓ä рвъй, другіе — н̓е́р̓въй. Подобнымъ же образомъ слышится к а н̓ä ш н а, съ твердымъ *ш* и съ *ä*, или же к а н̓е́т̓ш н а (либо к а н̓е́ш̓н а), съ *ч* и съ *е*. Слово н̓ä т, когда къ нему примыкаетъ частица л̓и можетъ сохранять твердое *т*, тогда будетъ н̓ä т л̓и; если же *т* уподобляютъ элю и произносятъ его мягко, то *е* будетъ узкое—н̓е́т̓л̓и. Кажется, уподобленіе нерѣдко бываетъ неполное, такъ что *т* примѣняется къ л̓, но не дѣлается собственно мягкимъ, а только среднимъ, въ такомъ случаѣ получается и *е среднее*, не широкое, но и не узкое: н̓е́т̓л̓и.

Звукъ *е* въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи есть звукъ *умягчительный*. (Выраженіемъ «умягчительный» я хочу сказать, что данному гласному предшествуетъ всегда мягкій согласный). Въ зачинѣ, т. е. будучи первымъ звукомъ слова, *е* имѣетъ передъ собой всегда согласный элементъ—точнѣе говоря, *е* начальнымъ звукомъ никогда не бываетъ. И въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы пишемъ э, слово не начинается съ гласнаго элемента, а съ легкаго j или неслоговаго i, который я буду обозначать маленькою буквою й, напр. ʲä! ʲä х! ʲä т ъ т, ʲе́т̓и, ʲей! Тоже самое и въ пришлыхъ словахъ, напр. ʲäх а, ʲä р а. Здѣсь, правда, иногда слышится *е* чистое, но только при очевидномъ желаніи произнести по иностранному. Легкій j передъ звукомъ *е* въ началѣ слова, какъ само

собой разумѣется, встрѣчается рѣдко: вѣдь немногія слова на письмѣ начинаются съ буквы э. Происходитъ это оттого, что еще въ праславянской рѣчи зачинное *е* приняло *призвукъ j*, такъ что слова, которыя въ родственныхъ языкахъ начинаются со звука *е*, у Славянъ начинаются съ j: при греческомъ ἐστί мы находимъ славянское **ѥсть**, русское j є с̀ т̀. Призвукъ [1] въ русскомъ языкѣ, также и въ другихъ новославянскихъ языкахъ является и передъ *ъ*, который, слѣдуетъ думать, въ старославянскомъ и въ основномъ славянскомъ языкѣ призвука не имѣлъ. Мы видимъ по-русски глагольную форму j ä м и при ней инфинитивъ j є с̀ т̀; но предполагаемыя ими праславянскія формы **ѣмь, ѣстн**, должно быть, j не содержали, потому что вмѣсто **ѣ** (изъ праязычнаго ē) послѣ j и другихъ мягкихъ согласныхъ являлся **а**. Да мы, дѣйствительно, и находимъ при **ѣмь, ѣстн** господствующія въ старославянскомъ языкѣ разновидности **имь, истн**. Изъ существованія рядомъ такихъ фонемъ, какъ **имь, истн** и **ѣмь, ѣстн**, легко объясняются j ä м, j є с̀ т̀: огласовка идетъ изъ однихъ фонемъ, а призвукъ— изъ другихъ. Впрочемъ, если **ѣ**, какъ думаетъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ, былъ восходящимъ дифтонгомъ i é, то призвукъ можно объяснять фонетически изъ перваго его элемента.—Какъ исключеніе изъ общаго закона, мы имѣемъ звукъ *е* б е з ъ п р е д ш е с т в у ю щ е й м я г к о с т и послѣ шипящихъ *ж*, *ш* и послѣ согласнаго дифтонга т͡с. Эти звуки передъ *е* бываютъ средними—ни мягкими, ни твердыми, напр. ж є с̀ т̀, ш е с т̀, т͡с е л̀, прилагат. т͡с а́ л ъ й. Подобнымъ же образомъ произносятъ т͡ш є с̀ т̀ (но также и т͡ш е с̀ т̀), ш̀т͡ш е л̀ (но также ш̀т͡ш е л̀ или ш̀ш е л̀). Еще мы находимъ звукъ *е* съ предшествующими средними согласными, когда слово начинающееся съ *е* примыкаетъ къ твердому исходу предшествующаго слова. Такія соединенія являются тогда, когда мѣстоименіе э т о т ъ примыкаетъ къ предлогу съ твердымъ изглашеніемъ, напр. аб' а̀ т ъ м, с е́ ı̀ ь м (*б* и *с*, примѣняясь къ *е*, умягчаются, но незначительно); то же самое въ такихъ соединеніяхъ какъ а н а̀ с л ы́-

[1] Призвукъ—терминъ Я. К. Грота; обыкновенно говорятъ «придыханіе», но послѣдній терминъ страненъ, да и неудобенъ, такъ какъ мы его употребляемъ въ другомъ смыслѣ.

ш ы т ѣ х а. Вѣроятно слѣдуетъ думать, что, когда развивался такой выговоръ, въ зачинѣ еще не было легкаго j.

Въ нарѣчіи м а л о р у с с к о м ъ звукъ *е неумягчительный*: предшествующій ему согласный довольно твердъ, хотя нѣсколько мягче, чѣмъ передъ *а, о, у*. Малорусская рѣчь не знаетъ также, или знаетъ не въ такомъ явственномъ видѣ, примѣненіе звука *е* къ слѣдующему согласному, напр. слово д є н̀ по-малор. будетъ д е н̀; слово б' е́ р ь к—б' е́ р е в; слово а т̀ а́ тс—о т̀ е́ т̀ є. Довольно значительная твердость согласныхъ передъ *е* должна считаться вторичнымъ явленіемъ; въ этомъ убѣждаетъ насъ существованіе сокращенной формы велительнаго наклоненія, гдѣ вмѣсто окончанія *те* является одно *т*, но *мягкое*. Староцерковной формѣ **бєрѣте**! соотвѣтствуетъ по-малорусски б' е р и́ т е! и б' е р и́ т̀! Очевидно, основная форма представляла окончаніе *те* не столь твердое, какъ въ настоящее время. Нельзя впрочемъ думать, чтобы мягкость въ основномъ русскомъ передъ *е* была такъ сильна, какъ у современныхъ Великороссовъ и Бѣлоруссовъ.

Обратимся теперь къ происхожденію звуковъ ѣ и є. Эти звуки соотвѣтствуютъ тремъ староцерковнымъ звукамъ: **є, ѣ, ь. Ь** въ русскомъ языкѣ или нѣмѣетъ, оставляя по себѣ мягкость, или проясняется въ *е*. Впрочемъ мягкость впослѣдствіи могла иногда утратиться, а *е*—подвергнуться вторичному измѣненію. Полное совпаденіе указанныхъ основныхъ звуковъ имѣетъ мѣсто передъ мягкими согласными: передъ ними **є, ѣ** и **ь** совпали въ одномъ звукѣ є. Что дѣйствительно существуетъ полное совпаденіе, въ этомъ легко убѣдиться на примѣрахъ. Сравнимъ, напр., выраженіе ‹а лѣнь› съ существительнымъ ‹олень›—и то и другое звучитъ одинаково: а л̀ е́ н̀. Подобнымъ же образомъ можно сравнить сочетаніе ‹а день› съ велительнымъ ‹одѣнь›!—то и другое въ фонетической транскрипціи будетъ а д̀ е́ н̀. Передъ согласными твердыми нѣтъ совпаденія трехъ гласныхъ, а совпадаютъ только два—**є** и **ь**. **Є** и **ь** передъ твердыми согласными разширились въ *о*, причемъ, конечно, мягкость предшествующаго согласнаго сохранилась, т. е. происходитъ, какъ обыкновенно выражаются, ‹переходъ *е* въ *ё*›. Такимъ образомъ основная фонема **теплън** даетъ по-русски т̀ о́ п л ъ й; основная фонема **пьсъ**—п̀ о́ с. (Не слѣдуетъ думать, чтобы **ъ** *прямо* измѣнялся въ *о*: здѣсь *о* вторичное, изъ *е*). Превративъ передъ

твердыми согласными древніе є и ь въ *о*, русскій языкъ сохранилъ въ такомъ положеніи ѣ: л̇ä́с, н̇ä́га, б̇ä́лъй и т. д., такъ что наше ä, можно сказать, соотвѣтствуетъ основному ѣ. Есть однако случаи, гдѣ ä имѣетъ иное происхожденіе: 1) этотъ звукъ встрѣчается въ словахъ пришлыхъ, напр. м̇ä́тъ, кад̇ä́т; 2) ä бываетъ на мѣстѣ древняго є въ книжныхъ словахъ, подъ вліяніемъ церковнаго языка и правописанія. Такимъ образомъ мы имѣемъ выговоръ п̇р̇и д̇м̇ä́т, по-польски przedmiot, да и по-русски тотъ-же корень въ чисто-русскомъ словѣ п а м̇ о́ т представляетъ разширеніе; п а д̇ä́ш (грамм. терминъ), но п а д̇ о́ ш. Книжнымъ приходится считать и произношеніе н̇ä́ б а coelum, рядомъ съ н̇о́ б а palatum. Можно удивляться, что слово нäба имѣетъ книжный выговоръ; но, вѣроятно, дѣло въ томъ, что въ народѣ и въ просторѣчіи это слово приходится употреблять почти исключительно съ предлогами, т. е. безъ ударенія (н а́ н е б о, п о́ н е б у и т. д.), такъ что книжное вліяніе, на первый взглядъ невѣроятное, все-таки можетъ быть допущено [1]. 3) Мы имѣемъ ä на мѣстѣ исконнаго є или ь вслѣдствіе вторичнаго отвердѣнія согласныхъ, т. е. въ такихъ словахъ, гдѣ во время разширенія *е* въ *о* за звукомъ *е* слѣдовалъ мягкій согласникъ, отвердѣвшій только позднѣе; впослѣдствіи *е* передъ такою вторичною твердостью также разширилось, но уже не въ *о*, а въ *ä*. Основная фонема **отьць** должна была дать первоначально фонему о т̇ е́ т̇͡с, по-малорусски дѣйствительно такъ и говорятъ; впослѣдствіи согласный дифтонгъ т̇͡с отвердѣлъ, а *е* разширилось въ *ä*, и получилось а т̇ä́ т̇͡с. **Овьца** имѣетъ въ род. над. множ. ч форму **овьць**; опять-таки по-русски сначала было (уцѣлѣвшее у Малороссовъ) о в̇ е́ т̇͡с, а отсюда вполнѣ понятенъ выговоръ а в̇ä́ т̇͡с. Таково же числительное с̇ä́м (рядомъ съ с̇ є м̇). Сюда же можно отнести такія прилагательныя, какъ у т̇͡ш ä́ б н ъ й, т̇͡с ы л̇ ä́ б н ъ й: суффиксъ здѣсь былъ перво-

[1] Въ народной рѣчи встрѣчается также н ё б о coelum: н ё б о Ол., до н ё б а Вят. Колосов. Обзор. звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варшава 1878, стр. 74. Такъ и въ Скопинскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи (по сообщенію Евг. Ѳед. Будде) произносятъ н ё б а.

начально ьнъь и поэтому звукъ *б* долженъ былъ быть мягкимъ, отвердѣніе произошло лишь подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго согласника—основная фонема оуъьбьнъь. Еще 4) не восходитъ къ древнему ѣ ä въ междометіи ⁱⁱä!, которое употребляется и само по себѣ, и въ сочетаніи съ другими словами, какъ ⁱⁱä в а! ⁱⁱä т ъ т. Отсутствіе тутъ разширенія можно легко объяснить тѣмъ, что слитіе такихъ соединеній въ одно цѣлое произошло довольно поздно, послѣ того какъ законъ о разширеніи пересталъ дѣйствовать; въ самомъ же междометіи сохраненіе *е* оправдывается тѣмъ, что за нимъ не слѣдовало твердаго согласнаго. Можно бы, пожалуй, сослаться и на то, что разширяемому *е* всегда предшествуетъ средненебный элементъ (j или мягкій согласникъ), какового здѣсь первоначально не было. Срв. выше, стр. 10.

Мы видѣли, что великорусское ä до извѣстной степени представляетъ слѣдъ древняго ѣ. Малорусская рѣчь еще съ бо́льшей отчетливостью сохранила память о ѣ, именно въ видѣ *умягчительнаго и*, напр. л̇ис, м̇ира (исконное *и* по-малорусски—неумягчительно). Вмѣсто *и* замѣняющаго ѣ существуетъ въ сѣверномъ говорѣ малорусской рѣчи слогъ *је*, а также своеобразный дифтонгъ *ие*, съ удареніемъ на *и*. О звуковыхъ особенностяхъ малорусскаго нарѣчія можно найти свѣдѣнія въ статьяхъ Алдр. Афан. Потебни, проф. Харьковскаго Университета. Одна статья, озаглавленная: «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій» напечатана въ «Филологическихъ Запискахъ» въ 1865 г. Она вышла отдѣльнымъ оттискомъ вмѣстѣ еще съ одной статьей (О полногласіи), подъ общимъ заглавіемъ: «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка». Другая его статья помѣщена въ тѣхъ же Филологическихъ Запискахъ, въ 1870 г. и озаглавлена: «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи» [1].

---

[1] Отмѣчу здѣсь еще «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія» П(авла) Житецкаго. Кіевъ 1876 и Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache von Dr. Emil Ogonowski. Lemberg 1880. Обстоятельныя свѣдѣнія объ одномъ изъ сѣверно-малорусскихъ подрѣчій содержатся въ книгѣ «Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Константиновскаго уѣзда Сѣдлецкой губерніи. Составилъ по собраннымъ лично матеріаламъ Н. Янчукъ. Москва 1885».

Въ виду малорусскаго і на мѣстѣ древняго ѣ естественно думать, что въ общерусскомъ языкѣ *ъ*, существованіе котораго предположить необходимо, былъ гласный узкій; былъ ли онъ дологъ, это помоему сомнительно. Можно допустить, что древній выговоръ уцѣлѣлъ, какъ областной, въ Олонецкой губерніи, гдѣ, по словамъ Алексѣя Александровича Шáхматова [1], *ъ* звучитъ какъ е и передъ твердыми согласными, т. е. не только говорятъ м̀е́р̀ѝт̀, но и м̀е́ра вмѣсто м̀а̂ра. При предположеніи, что общерусскій звукъ соотвѣтствовавшій древнему ѣ былъ *е*, мы можемъ себѣ объяснить, почему ѣ не подвергся разширенію въ *о*. Приходится думать, что напр. праславянская форма **се́мл** (рус. с ё л а) первопачально представляла *е* узкое—с̀е́ла; а причастная форма **сѣмл** представляла ѣ, т. е. ä—с̀а̂ла. Можно предполагать, что форма с̀е́ла въ основномъ русскомъ пріобрѣла ä и стала звучать с̀а̂ла, а отсюда уже великорусское с̀о́ла [2]; причастная же форма с̀а̂ла, обратилась въ с̀е́ла, изъ чего Великороссы сдѣлали с̀а̂ла. Итакъ основная форма с̀е́ла не прямо дала русскую форму с̀о́ла; точно также и причастная форма с̀а̂ла не сохранила праславянскій звукъ ѣ, а вернулась къ нему послѣ нѣкотораго отступленія.

Обратимся теперь къ звуку *и*.

Обыкновенное великорусское *и* есть звукъ острый, можно сказать мягкій. Хотя научной грамматикѣ приходится возставать противъ школьной терминологіи, въ которой являются «мягкія гласныя *я, ю*», но звукъ *и* есть ничто иное, какъ гласный j, и можетъ быть мягокъ самъ по себѣ. Понятно, мягкое *и* вмѣстѣ съ тѣмъ *умягчительно*, т. е. предшествующій ему согласный бываетъ всегда мягкимъ: н̀и́ва, н̀и́ва, л̀ист. Подобно тому, какъ слова̀ не начинаются со звука *е*, такъ они не начинаются и со звука *и*: передъ зачиннымъ *и* слышится всегда легкій іотъ, напр.

---

[1] Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ. XIII и XIV в. Спб. 1886 г.

[2] Какъ переходную ступень отъ ä къ о, мы, вмѣстѣ съ Шахматовымъ (по его литографированнымъ лекціямъ, читаннымъ въ осеннее полугодіе 1890 года), должны предполагать ö.

ᵻйва [1]. Также и внутри слова, гдѣ буква *и* стоитъ послѣ гласныхъ, ея звуку предшествуетъ легкій j, напр. глаголъ поить, произносится паᵻйт. Но звукъ *и* расходится со звукомъ *е* въ томъ отношеніи, что весьма рѣдко сочетается съ іотомъ явственнымъ; такой j встрѣчается передъ *и* только въ нѣкоторыхъ формахъ мѣстоименія 3-го лица: въ формахъ јим (тв. пад. ед. ч.), јих (род. и мѣстн. мн.), јим (дат. мн.), јйми (тв. мн.); но и здѣсь иные произносятъ ᵻи. Чаще сочетаніе ји встрѣчается внутри слова, напр. въраб'йй, у судйй.

Мягкое *и* самое обыкновенное въ великорусской рѣчи, однако оно не единственное. Существуетъ нѣсколько оттѣнковъ этого звука, которые болѣе или менѣе приближаются къ родственному широкому звуку *ы*. (Болѣе широкій выговоръ я буду обозначать посредствомъ надписанія надъ *и* маленькихъ *ы* — ᵻи). Такой средній выговоръ является въ началѣ слова, когда оно примыкаетъ къ твердому исходу предшествующаго. Напр. произносятъ: аб᷈ ᵻйви, надᵻйсᵻтьнъйу, кᵻйжытсы. Тотъ же выговоръ является послѣ согласнаго дифтонга ᵗш̆ и трифтонга ᵗᵗш̆ш̆ въ томъ случаѣ, когда послѣдній элементъ ихъ есть средній (если же произносить послѣдній элементъ мягко, то *и* будетъ узкое), напр. ᵗшᵻист, ᵗᵗш̆ᵻит. Еще болѣе широкій звукъ, который почти совпадаетъ со звукомъ *ы* и который можно назвать узкими ерáми, мы встрѣчаемъ послѣ *ж*, *ш*, напр. жᵻыр, шᵻыᵗ. Послѣ ᵗс, напр. въ словахъ ᵗсы́пка, мьдᵗсына слышатся даже настоящіе *ы*.

Существованіе указанныхъ оттѣнковъ можно лучше всего провѣрить посредствомъ рифмы: подобравъ слова, которыя, рифмуясь между собой, представляютъ колебаніе между указанными четырьмя звуками. Слово ᵗшᵻиш не рифмуется чисто на слово ᵗиш, съ другой стороны не рифмуется и на слово мыш, представляющее чистые ы. Сравнимъ еще существительное ᵗᵗш̆ᵻыт съ одной стороны съ существ. граᵻйт, а съ другой стороны съ существ. быт. Еще

[1] Срв. выше, стр. 8.

сопоставимъ слова тсы́пка и ры́пка; ши́ла и мы́ла; мужи́к и бык. На то, что слоги русскаго письма ши, жи, ци, чи, щи не соотвѣтствуютъ произношенію, первый обратилъ вниманіе протоіерей Герасимъ Павскій, въ своихъ Филологическихъ наблюденіяхъ надъ составомъ русскаго языка. Первое разсужденіе (Санктпетербургъ 1841), стр. 127, § 111, хотя онъ впадалъ въ преувеличеніе, когда говорилъ, что во всѣхъ этихъ слогахъ слышатся *ы*. Ошибка Павскаго была исправлена Я. К. Гротомъ [1].

Что касается грамматической роли звуковъ *и* и *ы* въ ихъ различныхъ оттѣнкахъ, то вообще можно сказать, что *и* узкое и широкое равны основному *и*, а *ы*—основнымъ *ы*. Исключенія составляютъ съ одной стороны слоги *ги, ки, хи*, которые замѣняютъ староцерковные и праславянскіе гы, кы, хы. Съ другой стороны ы соотвѣтствуютъ основному и въ слогахъ ши, жи, напр. теперь мы имѣемъ форму нажы́ съ ы, первоначальная же славянская форма была ножи́; подобнымъ же образомъ и́шы́!, а въ праславянскомъ было и́шѝ! Настоящіе *ы* являются на мѣстѣ *и* въ слогѣ тсы, напр. атсы́, форма которая въ праславянскомъ звучала отьцьй.

Между тѣмъ какъ великорусская рѣчь сохранила, хотя и не безъ отступленій, древнеславянскую двойственность широкаго и узкаго *и*, т. е. звуки *ы* и *и*, малорусское нарѣчіе стерло эту двойственность. Въ малорусскомъ произношеніи *и* и *ы* совпали въ *и* среднемъ между *ы* и *и*, въ *и* твердомъ или широкомъ, это тоже самое *и*, которое мы въ довольно рѣдкихъ случаяхъ видѣли въ великорусскомъ языкѣ, и для котораго я употребляю знакъ *и*. Сравнимъ сущ. мы́ло (великорусск. мы́ло, -а) съ прилаг. мы́ла (мы́лъй а).

Впрочемъ, областная малорусская рѣчь знаетъ различіе между *и* и *ы*; такъ, въ сѣверной части малорусскаго нарѣчія, напр. у

---

[1] Въ статьѣ «О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка». Филол. разысканія, 1 изд., стр. 305—306, во 2-мъ—277—278.

Малороссовъ Гродненской губерніи есть звукъ *ы*, есть онъ и въ западной его части, у Малороссовъ Карпатскихъ. Малорусской рѣчи не чуждо и умягчительное *и*, но оно не равно древнему *и*, каковое соотвѣтствіе встрѣчается лишь какъ весьма рѣдкая мѣстная особенность, обыкновенно же происходитъ изъ ѣ, о чемъ я уже упоминалъ. Въ бо́льшей части малорусскихъ говоровъ такое *и* есть постоянная замѣна древняго ѣ; мы видимъ, напр. малорус. л᷉ и с равное великорусскому л᷉ а́ с, основному лѣсъ. Иногда такое *и* происходитъ также (при особыхъ условіяхъ) изъ основного *е* и рѣже—изъ *о*, о чемъ подробнѣе будетъ говорено впослѣдствіи.

Подобнымъ же образомъ, какъ значительную твердость согласныхъ передъ малорусскимъ *е* мы признали явленіемъ вторичнымъ и предположили, что въ основномъ русскомъ слоги со звукомъ *е* были довольно мягки, и что впослѣдствіи въ великорусскомъ они получили еще бо́льшую мягкость, а въ малорусскомъ поотвердѣли, такъ мы должны видѣть вторичный выговоръ и въ слогахъ со звукомъ *и*. Опять-таки въ малорусской рѣчи можно указать нѣкоторые слѣды мягкости передъ *и*, а именно въ инфинитивѣ, который кончается по-малорусски или на слогъ т᷉ и, или же на т᷉, напр. б р а́ т᷉ и представляетъ среднее, довольно твердое *т*, по при немъ существуетъ разновидность б р а т᷉ съ мягкимъ *т*. Очевидно, основная форма представляла здѣсь довольно мягкое *т*, которое въ одномъ случаѣ стало среднимъ, а въ другомъ—совсѣмъ мягкимъ.

Перехожу теперь къ звуку *о*.

По происхожденію звукъ *о* можетъ соотвѣтствовать 1) основному **о**; 2) основному **ъ**; 3) онъ можетъ быть вторичнымъ измѣненіемъ звука *е* въ великорусской рѣчи; причемъ это *е* можетъ имѣть свое обыкновенное двоякое происхожденіе, т. е. а) равняться исконному *е*, или б) быть прояснившимся **ъ**. Примѣрами пусть служатъ слѣдующія слова: 1) исконное *о* представляетъ слово д о м, основное **домъ**; 2) *о* изъ **ъ**—сон, основное **сънъ**. Разновидностью этого *о* можно считать *о* вставочное, явившееся по примѣру органически бѣглаго *о*, напр. а г о́ н᷉ вм. огн᷉ изъ **огнь**. 3) Звукъ *о* какъ плодъ разширенія является послѣ согласныхъ мягкихъ, въ томъ числѣ и j; также и послѣ нѣкоторыхъ соглас-

ныхъ, которые первоначально были мягкими и лишь впослѣдствіи въ бо́льшей или меньшей степени отвердѣли. Мы имѣемъ *о*, какъ разширеніе исконнаго *е*, въ слѣдующихъ словахъ: j о́ л к а, основное *ѥлъка; м̓ о т, основное **медъ**; т̓͡ш о́ л к а, первоначальное *ѵелъка; ж̓ о́ н к а—**женъка**. Примѣрами на *е* вторичное могутъ служить слова л̓ о́ н, основное **лънъ**, и ш о́ л, основное **шьлъ**. Объ этомъ разширенномъ *е* я сейчасъ скажу подробнѣе.

Въ статьяхъ по русской фонетикѣ академика Я. К. Грота мы встрѣчаемъ утвержденіе будто звукъ *а* подъ удареніемъ иногда переходитъ въ *о*. Но приводимые имъ примѣры надо толковать иначе. Мы дѣйствительно, встрѣчаемъ *о* вмѣсто *а* въ нѣкоторыхъ глаголахъ, напр., при 1-мъ лицѣ j а п л а т̓͡ш у́, 2-е будетъ т ы п л о́ т̓ ь ш, выговоръ п л а́ т̓ ь ш слышится рѣже. Подобныя же формы встрѣчаются и у другихъ глаголовъ: въ областной рѣчи (иногда впрочемъ и у людей образованныхъ) слышится выговоръ п а с о́ д̓ ь ш, п р̓ и г л о́ с̀ ь ш, п а д о́ р̓ ъ ш, в о́ р̓ ъ ш и т. п. Эти формы легко и удобно объясняются подражаніемъ тѣмъ многочисленнымъ глаголамъ, гдѣ мы имѣемъ исконное *о*, перешедшее въ 1-мъ лицѣ въ *а*, напр. j а н а ш у́—т ы н о́ с̀ ь ш. Объясненіе это само собой напрашивается и весьма естественно [1]).

Разсмотримъ теперь въ подробностяхъ р а з ш и р е н і е *е* въ *о*. Это разширеніе происходитъ п о д ъ у д а р е н і е м ъ, п е р е д ъ т в е р д ы м ъ с о г л а с н ы м к о м ъ. Мы имѣемъ выговоръ с̀ о́ л а при ед. ч. с̀ и л о́ и прилагательномъ с̀ е́ л̓ с к ъ й; подобнымъ же образомъ въ уменьшительномъ словѣ п т̓͡ш о́ л к а развился *о*, но основное для него п т̓͡ш и л а́ не имѣетъ *о*, а представляетъ неявственное *и*; производное п т̓͡ш е́ л̓ н ь к опять таки *о* не имѣетъ. Подобнымъ же образомъ при существительномъ л̓ о́ т стоитъ производное л̓ е́ д̓ н ь к, гдѣ передъ мягкимъ согласнымъ является *е*; основная форма будетъ **ледьникъ**. Мы уже видѣли раньше, что

---

[1]) Печатно оно было высказано Халанскимъ, въ статьѣ, помѣщенной въ I т. Русс. Филол. Вѣстн., и озаглавленной: «Черты народнаго говора Щигровскаго уѣзда Курской губерніи».

точно такъ же, какъ передъ мягкими согласными, не происходитъ разширенія и передъ дифтонгомъ т с, хотя онъ и твердъ; какъ примѣръ на это я приводилъ слово а т̀ ӓ т с (не а т̀ о́ т с) и объяснилъ его тѣмъ, что въ старинномъ языкѣ тс было мягко и это спасло звукъ *е* отъ разширенія, впослѣдствіи же произошло разширеніе въ ä. На ряду съ дифтонгомъ тс стоятъ шипящіе *ж* и *ш* — они тоже встарину были мягкими, и мы ожидали бы, что они должны препятствовать разширенію, однако мы видимъ существительныя г р а б̀ о́ ш, п а д̀ о́ ш [1]), j о́ ш. Въ формѣ 2-го л. ед. ч. мы имѣемъ также разширеніе передъ окончаніемъ *ш*: ʲ и д̀ о́ ш. Это тѣмъ страннѣе, что дифтонгъ тс у великороссовъ рѣшительно отвердѣлъ, между тѣмъ какъ мягкіе шипящіе *ж* и *ш* продолжаютъ существовать въ областной рѣчи: естественно думать, что *ж* и *ш* отвердѣли позднѣе, чѣмъ тс, и если передъ тс разширенія не произошло, то тѣмъ болѣе его не должно бы быть передъ *ж* и *ш*. Въ виду этого я склоненъ считать *о* передъ шипящими не самороднымъ, а подражательнымъ. Что касается глагольныхъ формъ, то ихъ легко признать неорганичными и предположить подражаніе 2-го лица 3-му л. ед. ч. и 1-му мн.: ʲ и д̀ о́ т, ʲ и д̀ о́ м. Также и для существительныхъ п а д̀ о́ ш, г р а б̀ о́ ш, j о́ ш мнѣ такое объясненіе кажется возможнымъ: колебанія въ родѣ с̀ и л о́ — с̀ о́ л; в̀ и д у́, в̀ и л а́ — в̀ о́ л были настолько привычны, что по ихъ образцу къ косвеннымъ падежамъ г р а б̀ и ж а́, п а д̀ и ж а́, j и ж а́ и т. д. могли образовать новый именительный — г р а б̀ о́ ш, п а д̀ о́ ш, j о́ ш. На это объясненіе нельзя возражать, что при такомъ вторичномъ появленіи *о* мы должны имѣть *о* и на мѣстѣ ѣ: должны бы говорить с м̀ о́ х; потому что тутъ всѣ падежи другъ друга поддерживаютъ, а въ нашихъ существительныхъ только именительный полагаетъ удареніе на *е*. Впрочемъ возраженіемъ можетъ служить слово г р ѣ х, имѣющее также наклонное удареніе [2]): г р ѣ х а́, г р ѣ х у́ и т. д.—

[1]) Грамматическій терминъ п а д̀ ӓ ш представляетъ ä, объясняемое книжнымъ вліяніемъ.

[2]) Наклоннымъ удареніемъ (по Гроту) называется удареніе, падающее на падежныя окончанія, гдѣ они есть.

если къ родит. ѥ и ж а́ образованъ именит. ѥ о ш, то почему къ родит. г р̓ и х а́ не образованъ именит. г р̓ о́ х? Но слово г р ѣ х могло находиться подъ охраной церковнаго употребленія. Однако для слова м ъ л а д̓ о́ ш, род.-д̓ о́ ж ы я объясненія не нахожу.

Законъ разширенія звука *е*, или перехода *е* въ *jo*, былъ указанъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія Александромъ Христофоровичемъ Востоковымъ. Въ 1808-мъ году вышла книга Борна «Краткое руководство къ россійской словесности», въ которой Востоковъ помѣстилъ грамматическія замѣчанія о русскомъ языкѣ. Востоковъ выставилъ законъ, что превращеніе *е* въ *о* происходитъ передъ твердыми согласными и въ концѣ словъ; и это принято за нимъ повторять. Но мнѣ думается, что въ исходѣ разширенія быть не должно, такъ какъ разширеніе есть слѣдствіе примѣненія къ слѣдующему согласному, а конечному звуку не къ чему примѣняться. Правда, законъ Востокова на первый взглядъ кажется вполнѣ вѣрнымъ: мы имѣемъ цѣлый рядъ существительныхъ на *о* вмѣсто древняго *е*, напр. слова б ы т̓ ј о́, к а п̓ ј о́, к а л̓ т͡с о́ вмѣсто древнихъ **бытиѣ, копиѣ, кольце**; такимъ же образомъ мы говоримъ х ъ р а ш о́ вм. х о р о ш е́ и т. д. Однако въ областной рѣчи въ такихъ словахъ иногда встрѣчается *е*, нпр. въ новгородскомъ разнорѣчіи сѣверо-великорусскаго говора формы х ъ р а ш о́, к а л̓ т͡с о́ звучатъ х о р о ш е́, к о л ь ц е́ [1]). Эти формы необходимо признать самородными, т. е. произошедшими фонетически— явиться путемъ подражанія онѣ не могли, такъ какъ заимствовать *е* было неоткуда. Съ другой стороны, формы на *о* легко могутъ быть подражательными: онѣ могли заимствовать *о* у словъ твердаго различія, какъ о к н о́, с е л о́, к р а с н о́. Нѣтъ впрочемъ необходимости указанныя явленія считать вполнѣ чуждыми звуковой подкладки. Дѣло въ томъ, что настоящій исходъ существуетъ только въ паузѣ; въ живой, связной рѣчи исходъ одного слова такъ тѣсно примыкаетъ къ зачину слѣдующаго, что никакого исхода нѣтъ. Конечный гласникъ обыкновенно, значитъ, не есть дѣйствительно конечный, а имѣетъ за собой начальный звукъ слѣ-

[1]) Даль. О наречіяхъ велико-русскаго языка. Толковый словарь изд. 2, стр. XLV.

дующаго слова. Принявъ это въ соображеніе, мы можемъ то явленіе, которое я назвалъ неорганичнымъ, признать отчасти органическимъ. Можетъ быть, наше к а л ѣ т с о́ развилось фонетически въ выраженіяхъ въ родѣ **кольце мое**, гдѣ *е* имѣетъ за собой твердый согласный; при обратномъ порядкѣ, **мое кольце**, *е* должно было сохраниться, точно такъ же и въ выраженіи **кольце его**, гдѣ за *е* слѣдуетъ мягкій согласный. Такимъ образомъ мы скажемъ, что конечное *е* въ иныхъ случаяхъ фонетически измѣнялось въ *о*, въ другихъ сохранялось, но что подъ вліяніемъ словъ твердаго различія окончаніе *о* в о з о б л а д а л о и вытѣснило *е*. Указанныя соображенія уже изложены мною печатно въ статьѣ «Нѣкоторые вопросы славянской грамматики» (Ж. М. Н. Пр. 1888 года, мартъ), въ первомъ ея отдѣлѣ, написанномъ въ отвѣтъ Алексѣю Ивановичу Соболевскому на его разборъ русской части «Сравнительной морфологіи славянскихъ языковъ» Миклошича въ переводѣ Николая Шлякова, изданномъ подъ моей редакціей.

Отъ нашего звукового закона мы видимъ нѣкоторыя отступленія, которыя нуждаются въ оправданіи. Бываютъ, 1) отступленія, которыя можно объяснять книжнымъ вліяніемъ; таково, напр., слово к р̀ а́ с т, которое должно бы звучать к р̀ о с т, и дѣйствительно въ народной рѣчи мы встрѣчаемъ выговоръ х р̀ о с т [1]). Подобное же *е* представляетъ вполнѣ книжное слово к л̀ и в р̀ а́ т. 2) Въ другихъ словахъ мы сохраненіе звука *е* можемъ объяснять такимъ же образомъ, какъ передъ т͡с, т. е. позднѣйшимъ отвердѣніемъ. Таково, напр., прилагательное с у д̀ а́ б н ъ й, для котораго основная форма есть **сждьбьнъ**; таково прилаг. л̀ а́ с н ъ й, основная форма **льстьнъ**. Таково же прилаг. у т̀ ш а́ б н ъ й, основ-

[1]) Чередованіе *к* и *х* въ этомъ словѣ восходитъ ко временамъ давнишнимъ. Я объясняю его себѣ вліяніемъ съ одной стороны греческаго названія Спасителя—Χριστός, а съ другой—романо-германскаго выговора Kristus вм. Christus. (Слово **крьстъ** выводятъ изъ имени Христа, причемъ переходъ значенія легко можно принять такой: Христосъ, затѣмъ распятіе, а потомъ всякій крестъ).

ная форма оучьбынън. Это слово иногда, однако, приходится слышать въ формѣ у т̑ ш̑ о́ б н ъ й, причемъ форма у т̑ ш̑ а́ б н ъ й— органическая, а у т̑ ш̑ о́ б н ъ й — вторичная. И существительное у т̑ ш̑ е́ б' н ь к надѣляютъ иногда звукомъ *о*, т. е. говорятъ у т̑ ш̑ о́ б'-н ь к. Подобный же выговоръ, какъ въ словѣ у т̑ ш̑ о́ б' н ь к, мы имѣемъ въ прилаг. т̑ о́ м н ъ й, основная форма тымынън; мы органически ожидали бы здѣсь произношенія т̑ а́ м н ъ й, которое дѣйствительно встрѣчается въ областной рѣчи: мы видимъ такое произношеніе этого прилагательнаго въ онежскихъ былинахъ, записанныхъ А. Ѳ. Гильфердингомъ. Въ такомъ соотношеніи, какъ у т̑ ш̑ а́ б н ъ й и у т̑ ш̑ о́ б н ъ й, находится литературный выговоръ с̑ м а́ р т н ъ й и простонародный с̑ м о́ р т н ъ й. Исключенія изъ нашего закона 3) являются еще въ нѣкоторыхъ словахъ, сложенныхъ съ отрицаніемъ; мы видимъ такимъ образомъ ӑ, а не *о* въ словахъ н̑ а́ д р у к, н̑ а́ м ъ т̑ ш̑, н̑ а́ д ъ р ъ с̑ ь й [1]). Такимъ же образомъ ӑ является въ предлогѣ б' а́ з, въ б' а́ з н а, б' а́ с т ь л ъ т̑ ш̑, въ выраженіи б' а́ з г ъ д у (напр. безъ году недѣля). Изъ указанныхъ словъ нѣкоторыя могутъ считаться книжными, напр. б е з д н а, н е д р у г ъ, но едва ли это можно сказать про всѣ, такъ что указанныя слова представляютъ большое затрудненіе. Для нихъ, вѣроятно, слѣдуетъ предполагать вторичное образованіе послѣ того, какъ разширеніе *е* уже совершилось, или же вторичный перенесъ ударенія на отрицаніе и предлогъ. Исключенія, совершенно непонятныя, представляютъ существ. ш̑ а́ с т и прилаг. ш̑ т̑ ш̑ а́ д р ъ й; отчего не шóст и не ш̑ т̑ ш̑ о́ дрый? [2]).

Кромѣ дѣйствительныхъ исключеній существуетъ немалое количество мнимыхъ — слова, въ которыхъ употребляютъ букву *е*, тогда какъ слѣдовало бы ставить *ъ*, напр. б л е с к ъ, в р е д ъ, ч л е н ъ, м е л к і й, з а п р е т ъ, о п е с к а—малор. опíка, н о ч-

---

[1]) Срв. также нѣсколько ниже, подо мнимыми исключеніями.

[2]) Слово к ъ р а л' а́ в а можно, кажется, оправдать тѣмъ, что оно несовсѣмъ народное, и что на него вліяли к ъ р а л' в и е́ т̑ ш̑ и к ъ р а л' а́ в п а (=кралівна).

л е г ъ — малор. ночлíг (ночлíѣ, ночлíѣа: родит. падежъ я привожу потому, что въ именит. въ закрытомъ слогѣ *і* могло явится и на мѣстѣ нашего *е*), въ Лаврентьевскомъ спискѣ Начальной Лѣтописи встрѣчается написаніе этого слова черезъ ѣ (Собол., Лекціи, стр. 56, во 2 изд. 64) [1]). Таково же отрицаніе н е въ словахъ: н е к о г д а, н е к о м у, въ составъ которыхъ вошла глагольная форма нѣ, доселѣ употребляемая въ видѣ н ѣ т у, н ѣ т ъ, т. е. **нѣ тоу** (**нѣсть тоу**). Потебня даже и пишетъ эти слова черезъ ѣ. Сюда же слѣдуетъ отнести такія выраженія, какъ н̀а̀ был (**нѣсть бѣлъ**), н̀а̀ спал (**нѣсть сѣпалъ**), н̀а̀мълът (**нѣсть младъ**). Можетъ быть эта же глагольная форма нѣ, смѣшиваемая съ отрицательной частицей н е, вызвала такія слова, какъ нéдругъ, нéмочь: недругъ можетъ быть приводимъ въ связь съ выраженіемъ **нѣсть дроугъ**, немочь—съ выраженіемъ н ѣ т ъ м о ч и.

Какъ съ одной стороны мы видимъ случаи сохраненія звука *е*, гдѣ ожидали бы разширенія, такъ съ другой стороны мы встрѣчаемъ *о*, гдѣ бы должно было сохраняться *е*. Въ этихъ случаяхъ надо видѣть подражаніе родственнымъ формамъ съ органическимъ разширеніемъ. Дѣйствительно, всѣ исключенія этого рода, указанныя Гротомъ, находятъ себѣ подобное объясненіе. Мы говоримъ,: напр. т̀о́т̀а, т’о́т̀ьн̀ка, гдѣ передъ мягкимъ согласнымъ слышится *о*, но этотъ выговоръ находитъ оправданіе въ подражаніи формѣ т̀о́тка, съ органическимъ разширеніемъ. Р у б л’о́в’ъ к, вмѣсто ожидаемаго р у б л̀е́в’ъ к, очевидно, руководится своимъ первообразнымъ р у б л̀о́в ъ й. Подобнымъ же образомъ мѣстные падежи—(на) к л̀о́н̀и, (на) т̂ш̂ъ р н а з̀о́м̀и—не имѣютъ фонетическаго права на звукъ *о*, но ничто не мѣшаетъ предположить самородный выговоръ к л̀е́н̀и, т̂ш̂ъ р н а з̀е́м̀и, и выводить *о* изъ другихъ падежей, гдѣ за нимъ идутъ твердые согласные (к л̀о́на, -у и т. д.). Подобнымъ же образомъ 2 л. мн. ч. в̀ и д̀о́ти легко могло заимствовать *о* у другихъ лицъ, напр. у 1-го л. мн. ч., гдѣ форма в̀ и д̀о́м образована органически. Прилагат. з̀ и л̀о́н̀ь н к ъ й

---

[1]) Сюда же относится уменьшительное имя к о л ы б е́ л о ч к а отъ к о л ы б е́ л ь, гдѣ наставка есть ѣль.

вмѣсто фонетическаго з'и л'е́н'ь н'къй образовано подъ давленіемъ органической формы з'и л'о́нъй. Подобнымъ же образомъ и слово л'о́д'н'ьк (провинціализмъ вм. л'е́д'н'ьк) заимствовало свое *о* отъ органической формы л'о́т. Также существ. къра л'о́т͡ш'ьк руководствовалось формой къра л'о́к. При этомъ становится понятна та двойственность, на которую обратилъ вниманіе Потебня, что передъ звукомъ т͡ш то является разширеніе, то нѣтъ, такъ что рядомъ съ къра л'о́т͡ш'ьк стоитъ уменьшительное отъ ка л'т͡со́—ка л'е́т͡ш'ка: послѣднее сохранило органическій выговоръ, такъ какъ ему неоткуда было заимствовать разширеніе [1]). Подражательнымъ измѣненіемъ слѣдуетъ объяснять и тѣ случаи, въ которыхъ *ё* слышится на мѣстѣ древняго ѣ. Въ грамматикѣ приводятся слѣдующія слова, гдѣ буква *ъ* должна читаться за *ё*: звѣзды, сѣдла, гнѣзда, цвѣлъ, пріобрѣлъ, надѣванный, позѣвывать. Къ причастію надѣванный можно прибавить однокоренное съ нимъ существ. поддѣвка.

Изъ указанныхъ исключеній нѣкоторыя не совсѣмъ вѣрно сюда отнесены. Прежде всего слѣдуетъ опустить прошедшее время т͡свол, такъ какъ соотвѣтствующій глаголъ въ старославянскомъ языкѣ есть **цвѣсти-цвѣтж** (съ болѣе слабой огласовкой), и только существ. **цвѣтъ** имѣетъ ѣ; русскій ѣ въ написаніи глагола цвѣсти можетъ объясняться подражаніемъ на письмѣ существ. цвѣтъ. Впрочемъ, въ малорусской рѣчи существуетъ форма цві-ту́. Но, хотя бы инфинитивъ цвѣсти, наст. цвѣту, имѣлъ ѣ (заимствованный въ такомъ случаѣ у существ. цвѣтъ), мы все же можемъ считать произношеніе т͡свол отраженіемъ первоначальнаго **цвѣлъ**.

---

[1]) Затрудненіе представляетъ слово т'о́ш'т'ша. Впрочемъ этому слову слѣдовало бы звучать не т'е́ш'т'ша, а тштша́ (вѣдь мужская форма этого имени, т'е́с'т', встарину имѣла *е* бѣглое): д. б. *о* по акцентнымъ соображеніямъ (по извѣстнымъ образцамъ пчела—пчолы, жена—жоны) прежде всего вставилось во множ. ч., а потомъ уже, для устраненія необычнаго созвучія т'ш'т'ш', вошло и въ единств. (Серб. та́шта вм. *тшта просто заимствовало *а-ъ* у мужской формы та̑ст, родн. та́ста).

Нѣсколько иного рода оговорку слѣдуетъ сдѣлать относительно слова сѣ́дла. Слово сѣдло въ староцерковномъ звучало **сѣдло**; значитъ, корень тутъ представляетъ не ту огласовку, что въ глаголѣ **сѣсти**. Надо однако, замѣтить, что и въ этомъ случаѣ все-таки можно видѣть исключеніе изъ нашего закона: за звукомъ д слѣдовалъ **ь**, и подъ его вліяніемъ *д* было по-русски мягко и мягкость его должна была помѣшать разширенію звука *е*, и мы всетаки должны бы ожидать фонемы сѣ́дла. Впрочемъ и польскій языкъ разширяетъ здѣсь *е*, представляя выговоръ siodło. Вѣроятно, намъ утрату звука ъ и уподобленіе мягкаго *д* твердому *л* слѣдуетъ отнести къ довольно ранней порѣ, такъ что звукъ *д* былъ уже твердымъ въ то время, когда происходило разширеніе [1]).

Вмѣсто двухъ исключенныхъ нами примѣровъ, въ которыхъ мы признали *ѣ* плодомъ ошибочной орѳографіи, мы можемъ прибавить одно слово, къ которомъ надо бы писать *ѣ*, а пишутъ *е*; это—ведро, мн. ч. вёдра (**кѣдро**, по-польски wiadro, а не wiodro).

Что касается объясненія дѣйствительныхъ исключеній указаннаго рода, то, конечно, надо видѣть въ нихъ подражаніе развившемуся въ другихъ словахъ органическому колебанію. Такъ, звѣзда развила форму звёзды по примѣру село́—сёла, жена́—жёны.

Впрочемъ для слова пріобрѣлъ можно подобрать иное объясненіе; можно думать, что глаголъ пріобрѣсти въ народномъ сознаніи сблизился съ глаголомъ брести-бреду, и, какъ говорятъ «набрёл», «забрёл», такъ стали говорить «пріобрёл».

Изъ указанныхъ словъ иныя въ областной рѣчи (отчасти, и въ употребленіи образованныхъ людей) представляютъ формы органическія: такъ, многіе настаиваютъ на томъ что выговоръ зѣ́зды есть провинціализмъ, неправильность, а надо говорить зѣ́вѣзды.

Къ нашимъ исключеніямъ, существующимъ въ литературной рѣчи, прибавлю еще нѣсколько изъ рѣчи областной.

---

[1]) Малорус. сідло́ я склоненъ выводить изъ седьло, какъ лід изъ ледъ; хотя можно допустить также, что оно представляетъ примѣненіе (въ живой рѣчи, а не только на письмѣ) къ глаголу сіді́ти.

Въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ можно указать не мало случаевъ, гдѣ вмѣсто *ѣ* употребляется *ё*; на нихъ я останавливаться не буду, отмѣчу только довольно распространенныя въ народѣ прошедшія глаголовъ побѣжать, прибѣжать, которыя соотвѣтствовали бы неокончательному бѣчь, — паб'о́к, прѝб'о́к. Иного рода исключеніе, именно исключеніе мнимое, слѣдуетъ видѣть въ народномъ выговорѣ прошедшаго къ глаголу ослѣпнуть — осл̀о́п; по-славянски этотъ глаголъ звучитъ—**ослѣпнѫти**, элевое причастіе **ослѣплъ**. Это, значитъ, такое же исключеніе, какъ тсѣ́о́л: *ѣ* внесенъ въ глаголъ изъ прилагат. слѣпой, а народная рѣчь осталась при старинѣ. Подобнымъ же образомъ, какъ паб'о́к и прѝб'о́к, получили *ъо* двѣ формы, которыя должны бы имѣть *ъа*; это—запрѝо́к и трѝо́с къ запрячь и трясти. Вмѣсто запрѝа́т҃ш (**ꙁапрѧшти**) мы говоримъ запрѝе́т҃ш; очевидно, изъ большинства формъ, гдѣ, *ъа* не имѣетъ ударенія, внесли *е* и въ инфинитивъ, а потомъ въ прошедшемъ явилось *ъо*—запрѝо́к; точно такъ же вмѣсто трѝа́с появилось трѝо́с [1]). Гротъ рядомъ со словами трѝо́с и запрѝо́к ставитъ также нарѣчіе трѝт̀о́въдн̀и вмѣсто третьяго дня; но тутъ мы имѣемъ замѣну *ъа* черезъ *ъо* только съ точки зрѣнія правописанія: русскимъ окончаніемъ прилагательныхъ въ родительномъ надежѣ слѣдуетъ считать ово, а не аво. Это ово, которое ясно слышится въ первой своей части подъ ударенiемъ (гн̀ид̀о́ва), слѣдуетъ приписать и прилагательнымъ съ безударнымъ окончаніемъ (д̀о́брава); соотвѣтственно тому, при мягкомъ окончаніи — ево, такъ что нарѣчіе трѝт̀о́въдн̀и представляетъ правильное разширеніе *е*, а вовсе не превращеніе *а* въ *о*.

Вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ происходитъ разширеніе въ сѣверно-великорусской рѣчи, вопросъ трудный. Матеріалы объ этомъ (по большей части заимствованные у Колосова) можно найти у Богородицкаго въ его «Курсѣ грамматики русскаго языка», въ Рус. Фил. Вѣстн. XVII т. Повидимому, сѣверно-великорусская

---

[1]) Таково же д. б. и слово дёсны (см. мой Разборъ Этимологическаго словаря Миклошича. Дополненія, стр. 53=Р. Ф. В., т. XXI, стр. 217, а м. б. и стёганый, застёгивать, застёжка.

рѣчь представляетъ разширеніе *е* передъ твердыми согласниками въ ударяемомъ слогѣ (наравнѣ съ южно-великорусскою и литературною), да еще въ предударномъ, напр. сл҃оза́, восна́, состра́, ро҃бро́, жона́, горова́ть, пр҃инос́у́, запорла́. Правда, разширеніе весьма нерѣдко и въ слогахъ слѣдующихъ за ударяемымъ, но въ нихъ его можно чуть ли ни всегда считать подражательнымъ: напр. по́л҃о вм. по́л҃а́ по образцу да́л҃о, у́тро; бо́т҃шок по образцу ла́вок, н҃и́ток; бу́д҃от, ска́жот по образцу ӣд҃о́т, н҃ес́о́т. Кромѣ того въ связной рѣчи подобные случаи отчасти могутъ быть вызваны положеніемъ передъ ударяемымъ слогомъ слѣдующаго реченія: выраженія по́л҃о бра́тнино, ш҃е́ст҃ бо́т҃шок во́тки, он бу́д҃от в го́рода представляютъ тѣ же звуковыя условія, какъ цѣльныя реченія сл҃оза́, горова́ть. Склоняясь съ одной стороны ко мнѣнію, что разширеніе происходило лишь въ ударяемомъ и въ предударномъ слогѣ, я съ другой стороны считаю вѣроятнымъ, что первоначально разширеніе зависило исключительно отъ твердости слѣдующаго согласнаго [1], и что только впослѣдствіи появившееся здѣсь *ӧ* [2] при однихъ акцентныхъ условіяхъ развивалось въ *о*, а при другихъ опять переходило въ *е*: произнести здѣсь рѣшительный судъ трудно.

Въ малорусской рѣчи разширеніе происходитъ гораздо рѣже, чѣмъ въ великорусской: оно имѣетъ мѣсто послѣ шипящихъ. Такимъ образомъ изъ основныхъ шьлкъ, жьрло, жена, чело, человѣкъ выходитъ шовк, жо́втий, жона́, чоло́, чоловік. Когда мы въ другихъ случаяхъ вмѣсто ожидаемаго *е* видимъ *о*, то слѣдуетъ думать, что *о* явилось не фонетически, а вслѣдствіе примѣненія однихъ формъ къ другимъ, напр. јово́ должно быть получило свое *о* отъ формы твердаго окончанія тово́. Такъ же, какъ малорусское јово́, можно толковать и сѣверновеликорусское јово́, хотя въ этомъ нѣтъ надобности.

Разширенное *е*, какъ мы уже видѣли, существуетъ также въ языкѣ польскомъ. Нѣкоторыя польскія явленія могутъ служить

---

[1]) См. выше, стр. 19.

[2]) См. выше, стр. 3.

поучительной параллелью къ явленіямъ русскимъ. Мы отмѣтили, что сущ. к л о́ н нѣкогда въ мѣстномъ падежѣ должно было произноситься (на) к л е́ н ѣ. Такъ какъ русская азбука первоначально не имѣла буквы ё (которою и теперь рѣдко пользуются), то по написанію памятниковъ трудно провѣрить, гдѣ было *е*, гдѣ *ё*, а кромѣ того форма (н а) к л е́ н ѣ намъ можетъ показаться странною. Но мы изъ польскаго языка видимъ, что подобныя формы могли существовать. Польскій языкъ встарину при именительныхъ żona и miód (род. miodu) въ мѣстномъ падежѣ имѣлъ żenie и miedzie, и только впослѣдствіи появился новопольскій выговоръ żonie и miodzie.

Польскій языкъ представляетъ также аналогію замѣнѣ ѣ черезъ о: ѣ по-польски превращается въ однихъ случаяхъ въ ie, въ другихъ (передъ твердыми зубными: t, d, s, z и ł, да еще передъ r)—въ *ia*; но есть случаи, гдѣ вмѣсто ожидаемаго *ia* появляется *io*; напр. къ слову pieśń уменьшительное должно бы звучать piasnka или piasenka, въ дѣйствительности же мы находимъ выговоръ piosnka и piosenka: очевидно, здѣсь такое же подражаніе случаямъ органическаго разширенія *е*, какъ и въ русскомъ.

Окончивши обзоръ ударяемыхъ гласныхъ русскаго языка, присоединю къ нему еще замѣчанія о нѣкоторыхъ тонкостяхъ произношенія, которыхъ мнѣ казалось неудобнымъ касаться ранѣе.

Какъ мягкость или твердость слѣдующаго согласника отражается на звукѣ *е*, дѣлая его то широкимъ, то узкимъ, такъ она отражается и на другихъ гласникахъ. Наблюденіе это было сдѣлано упомянутымъ выше акад. Бётлингомъ. Правда, Гротъ отвергъ мнѣніе Бётлинга, однако напрасно: хотя оттѣнки произношенія въ этомъ случаѣ гораздо тоньше, чѣмъ при звукѣ *е*, но они все-таки существуютъ. Если сопоставить нарѣчіе р а́ н а съ его сравнительную степенью р а́ н ь ш ы, то оказывается, что во второмъ случаѣ *а* нѣсколько приближается къ *е*, т. е. что передъ твердымъ согласнымъ мы имѣемъ *а* ш и р о к о е, а передъ мягкимъ—у з к о е. Подобнымъ же образомъ, при сравненіи существительныхъ х о́ р и х о́ р́ (хорёкъ), оказывается, что *о* во второмъ случаѣ приближается къ *ö*. Точно такъ же мы имѣемъ двоякое *у*: сущ. п у т' отличается отъ сущ. п у́ т (п-у-д-ъ) не только мягкостью звука *т*, но также сравнительною узостью звука *у*, кото-

рый смахиваетъ на й. Мягкость или твердость слѣдующаго согласника естественно должна отражаться также на звукахъ *ы* и *и*: *ы* въ среднемъ родѣ ед. ч. б ы л а и во множ. ч. б ы л'и не совсѣмъ одинаковы. Такимъ образомъ мы должны предположить (хотя это слухомъ трудно уловить), что отмѣченные нами четыре оттѣнка, отъ самыхъ широкихъ *ы* до самаго узкаго *и*, каждый могутъ распадаться еще на два оттѣнка, смотря потому, слѣдуетъ ли за нимъ твердый или мягкій согласникъ. Существованіе узкихъ *а*, *у*, *о*, *ы* можно провѣрить, если начать произносить слова и не договаривать ихъ, останавливаясь на наблюдаемомъ звукѣ: вслушиваясь, можно опредѣлить по началу словъ, предполагается ли твердое произношеніе или мягкое. Напр. по первому слогу *ба*- можно узнать, имѣлось ли въ виду сказать б а́ б а, б а́ л о в е н ь, вообще какое-нибудь слово со слѣдующимъ твердымъ согласнымъ, или же какое-нибудь б а́ н я, б а́ с н я. Подобнымъ же образомъ по слогу д у- можно узнать, собирались ли сказать д у́ - л а, или же д у́ - л'и.

Суженіе гласнаго *а* въ говорѣ сѣверновеликорусскомъ (напр. у Ярославцевъ, Вятчанъ, Олончанъ), когда звукъ *а* и сзади и спереди имѣетъ мягкій согласный, идетъ далѣе, такъ что *а* п р е в р а щ а е т с я въ *е*, напр. наше з'а т' звучитъ з'е т', п р'а́ н'ъ к'и—п р'е́ н'ъ к'и, г р'ас'—г р'е с'.

Суженіе есть явленіе весьма извѣстное въ нѣмецкомъ языкѣ: тамъ при ед. ч. Hand мы имѣемъ множ. Hände — старонѣмецкія формы были hant, henti; подобнымъ же образомъ имѣется прилагат. schön, старонѣмецкая форма котораго была skoni; имѣется глаголъ füllen, готская форма—fulljan. Принято говорить о вліяніи послѣдующаго i, j, но такое вліяніе одного звука черезъ другой не можетъ быть допущено, и слѣдуетъ думать, что здѣсь передъ i, j произошло умягченіе (въ извѣстной степени) согласнаго, а затѣмъ суженіе гласнаго передъ мягкимъ согласнымъ. Въ языкѣ русскомъ суженіе не пошло такъ далеко, какъ въ нѣмецкомъ, и *а*, *о*, *у* только приблизились къ *ä*, *ö*, *ü*, за исключеніемъ сѣверновеликорусскаго говора, въ которомъ мы видѣли полное суженіе *а* въ *е*.

Обратимся теперь къ гласнымъ б е з у д а р н ы м ъ. При отсутствіи ударенія русскіе гласные бываютъ неявственны: *а* и *о* въ

такомъ случаѣ совпадаютъ въ одномъ звукѣ, который болѣе или менѣе подходитъ къ *а*, но иногда бываетъ весьма неявственнымъ и смахиваетъ на *ы*. Совпаденіе звуковъ *а* и *о*, извѣстно подъ именемъ «аканья» и составляетъ особенность говора южновеликорусскаго и нарѣчія бѣлорусскаго, тогда какъ сѣверно-великорусскій говоръ и малорусское нарѣчіе сохраняютъ безударное *о* [1]. Употребленіе *о* вм. *а* явленіе отнюдь не исконное: нельзя никоимъ образомъ думать, вслѣдъ за Максимовичемъ, чтобы въ этомъ случаѣ южновеликорусская и бѣлорусская рѣчь была архаичнѣй сѣверновеликорусской и малорусской; однако же аканье довольно раннее явленіе—оно не новѣе XIV столѣтія.

Такъ какъ южновеликорусская рѣчь (вмѣстѣ съ тѣмъ и литературная) превращаетъ безударное *о* въ *а*, то въ ней вовсе не должно бы быть о безударнаго; есть однако случаи, въ которыхъ слышится такое *о*, видимо утратившее удареніе лишь въ позднѣйшее время. Это такія слова, которыя въ однихъ случаяхъ имѣютъ до сихъ поръ удареніе на *о*, а въ другихъ становятся прислонками (энклитиками). Таково личное мѣстоименіе онъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ он бы́л, да ра́зви та́м он?, во́т он. И средній родъ этого мѣстоименія, ано́, сохраняетъ свое *о*, когда становится энклитикой, напр. въ выраженіи ано вы́шла; таковъ же родительный пад. јиво́ въ выраженіи «на јиво ма̑ст̑а». Таковы еще мѣстоименія — указательное т̯от, то и относительныя хто, што, рядомъ съ которыми стоятъ вопросительныя хто́ што́, съ полнымъ удареніемъ; ихъ род. падежи: таво, каво; т̯̑ы̆шиво и мѣстные ф том, ф ком, ф т̯̑шом. Таковы еще союзы: штобы, но, междометіе вот.

Утверждаютъ, что въ говорѣ сѣверно-великорусскомъ существуетъ явленіе обратное аканью, т. е. не только сохраняется безударное *о*, но даже происходитъ иногда превращеніе въ *о*

---

[1]) Однако не вездѣ окаютъ одинаково: ярославцы (впрочемъ м. б. не всѣ) произносятъ явственное *о* только въ предударномъ и въ конечномъ слогѣ, въ другихъ же слогахъ безударное *о* чуть-ли не совпадаетъ съ литературнымъ. На этотъ счетъ не сдѣлано еще достаточно точныхъ наблюденій.

безударнаго *а*. Колосовъ въ своемъ «Обзорѣ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка» приводитъ около тридцати словъ, представляющихъ-де такой переходъ; при томъ онъ замѣчаетъ, что *о* вмѣсто *а* появляется только въ отдѣльныхъ словахъ и нигдѣ не составляетъ правила. Почти постоянно слышится *о* въ одномъ лишь корнѣ р о б вмѣсто р а б, откуда глаголъ р о б и́ т ь (также р о́ б и т ь), сущ. р о б о́ т а; да еще въ предлогѣ р а з -, который почти постоянно является въ формѣ р о з -. (Замѣчу, впрочемъ, насчетъ предлога р а з -, что для архангельскаго разнорѣчія показанія Колосова не подтверждаются показаніями Подвысоцкаго. Въ «Словарѣ областнаго архангельскаго нарѣчія» Подвысоцкаго мы видимъ довольно часто предлогъ раз-, хотя нерѣдко встрѣчаемъ и роз-; также рядомъ съ глаголомъ р о б и́ т ь мы тамъ находимъ р а б о́ т а т ь). Полагаю, что въ такъ называемый с п о р а д и ч е с к і й переходъ звуковъ, т. е. въ фонетическое измѣненіе въ однихъ словахъ, тогда какъ въ другихъ тотъ же звукъ при тѣхъ же условіяхъ остается безъ перемѣны, вообще вѣрить не слѣдуетъ. И «переходъ» безударнаго *а* въ *о* отчасти оказывается мнимымъ. Такъ относительно предлога р о з - слѣдуетъ сказать, что р а з - въ литературномъ языкѣ едвали не есть просто искусственное правописаніе, явившееся подъ вліяніемъ старославянскаго языка; вѣдь мы говоримъ р о́ з ы с к, р о́ з в а л ь н и, р о́ с т е п е л ь и т. д., и раз- подъ удареніемъ представляетъ только сущ. р а́ з у м, которое такъ звучитъ и въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ; гдѣ, однако является прилагат. р о з у́ м н о й. Кажется, существ. р а́ з у м нѣтъ надобности считать книжнымъ и предполагать, что настоящій русскій выговоръ его былъ бы р о́ з у м. Можно думать, что это одно слово сохранило предлогъ р а з -, который, какъ разновидность къ р о з -, долженъ былъ существовать еще въ общеславянскомъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что Славяне сѣверозападные имѣютъ предлогъ р о з -, а югозападные р а з -; при томъ у Славянъ сѣверозападныхъ встрѣчаются слѣды предлога р а з -, а именно у Словаковъ въ нѣсколькихъ словахъ является raz, напр. rázcesty (распутье: cesta—дорога). Можно думать, что сѣверновеликорусская рѣчь, представляя рядомъ существительное р а́ з у м и прилаг. р о з у́ м н о й, сохранила даже первоначальное соотношеніе этихъ двухъ формъ — раз- какъ

форму ударяемую, а роз- какъ безударную. Впослѣдствіи одни славянскіе языки провели вездѣ одну форму, другіе—другую; русскій языкъ предпочелъ роз, но, какъ остатокъ старины, въ немъ сохранилось сущ. ра́зум. Но, какъ бы то ни было, сѣверновеликорусскій безударный предлогъ роз- не представляетъ перехода *а* въ *о*. Точно также нельзя видѣть подобнаго перехода въ глаголѣ роби́ть: и по-малорусски мы имѣемъ глаголъ роби́ти, и по-польски мы видимъ robić; въ этомъ случаѣ и южные Славяне произносятъ *о* вмѣсто староцерковнаго а, напр. по-сербски роб (рабъ, плѣнникъ) [1]. Подобнымъ же образомъ ничто не мѣшаетъ думать, что слово ракита правильнѣй было бы писать черезъ *о*—рокита. Несомнѣнно уже, что слово паромъ слѣдовало бы писать пором, потому что оно, какъ видно изъ сербскаго пра́м (родъ судна), представляетъ полногласіе. Если мы находимъ вмѣсто литературнаго палата областное полата, то это можетъ быть подведено подъ извѣстный обычай, распространенный во всѣхъ славянскихъ языкахъ—въ заимствованныхъ словахъ безударное *а* передавать черезъ *о*, напр. **сотона** изъ Σατανᾶς (такъ во всѣхъ старѣйшихъ текстахъ Евангелія); также изъ altare—**олътарь** (вм. чего и **алътарь**), по-польски ołtarz. Если мы встрѣчаемъ въ сѣверновеликорусской рѣчи выговоръ налога́ть вмѣсто налага́ть, то это конечно выговоръ вторичный: основная и староцерковная форма этого глагола есть **наллагати**; **лагати**—многократный видъ къ глаголу **ложити**, въ многократномъ же видѣ коренное **о** усиливается въ **а**, напр. **ходити**—**каждати**, **мошти**—**магати**; но легко допустить, что въ глаголѣ налога́ть *о* замѣнило *а* въ угоду формѣ наложи́ть. То же самое происходитъ и въ литературномъ языкѣ, гдѣ въ глаголахъ многократнаго вида мы почти постоянно пишемъ *о* вмѣсто древняго *а*; очевидно, на письмѣ мы дѣлаемъ тоже самое, что сѣверные великороссы дѣлаютъ въ живой рѣчи.

---

[1] Извѣстно, что и въ одномъ староцерковномъ памятникѣ (въ Супрасльской рукописи) не разъ пишется роб ъ вмѣсто раб ъ; тамъ же нѣсколько разъ встрѣчается предлогъ роз—однако это д. б. плодъ посторонняго вліянія.

Безударное *е* въ литературномъ произношеніи болѣе или менѣе совпадаетъ съ безударнымъ *и*. Вслѣдствіе этого совпаденія замѣчается колебаніе въ правописаніи: такъ уменьшительный суффиксъ -енька нерѣдко пишется черезъ *и* -иньк а, напр. Олинька, Катинька, Петинька; и наоборотъ вмѣсто окончанія -инскій иногда пишутъ -енскій, напр. Екатериненскій (Екатерина — екатерининъ — екатерининскій). Впрочемъ говоръ южновеликорусскій и нарѣчіе бѣлорусское обыкновенно превращаютъ безударное *е* не въ *и*, а въ *а*, понятно, съ сохраненіемъ предшествующей мягкости. Такимъ образомъ вмѣсто литературнаго б’ьр̀игу́ мы встрѣчаемъ б’ир̀ав у́ [1]; такимъ же образомъ прилагат. з’ьл̀ина́ является въ видѣ з’ил̀ана́, с̀истра́ въ видѣ с̀астра́. Естественно бы думать, что указанная двойственность—то расширеніе первоначальнаго звука *е* въ *а*, то суженіе его въ *и*,—находится въ зависимости отъ слѣдующаго согласнаго, и соотвѣтствуетъ двойственности звука *е* ударяемаго. Однако, какъ выяснено Потебнею, этого не замѣчается: можно указать много случаевъ, гдѣ передъ твердымъ согласнымъ слышится *и*; такъ слово человѣкъ мы имѣемъ въ видѣ т͡ш͡ы*и*лав’ак, а не т͡ш*а*лав’ак; также и н̀ирадъс̀т*и*н, гдѣ мы видимъ даже два случая *и* передъ твердымъ согласнымъ; наоборотъ глагольная форма веселю произносится в̀ис̀ал̀у́; подобнымъ же образомъ встрѣчается выговоръ у т̀е́р*а*м̀и съ *а* вмѣсто *и* передъ мягкимъ *м*. Потебня на основаніи этихъ явленій даже отвергаетъ двойственность ударяемаго *е* въ литературной рѣчи, на счетъ которой онъ, конечно, неправъ: существованіе узкаго и широкаго *е* подъ ударе ніемъ подлежать сомнѣнію не можетъ, но указанное Потебней явленіе южновеликорусской фонетики заставляетъ насъ сомнѣваться въ той связи, въ которую намъ хотѣлось бы поставить чередованіе безударныхъ *и* и *а* съ чередованіемъ ударяемыхъ *е* и *ѣ*. Нѣкоторыя исключенія, впрочемъ, находятъ себѣ естественное и простое объясненіе. Такъ, для объясненія выговора в̀ис̀ал̀у́, легко можно допустить, что само-

[1] Въ начальномъ слогѣ здѣсь м. б. и нѣтъ разницы отъ литературнаго произношенія; также и въ приводимомъ черезъ строку з’ил’ана́.

родная форма была бы в и с*и*л у́, но что *а* идетъ здѣсь изъ прилагательнаго в е́ с а л, ср. р. в е́ с а л а, ж. р. в и с а л а́; выговоръ у т е́ р а м и можно оправдать ссылкой на остальные падежи, гдѣ *е* стояло передъ твердымъ согласнымъ, напр. именит. т е́ р а м. Подобнымъ же образомъ слово н*и* р а́ д а с т и н позволительно объяснять вліяніемъ такихъ словъ, какъ н и р а́ х а, гдѣ отрицаніе примыкаетъ къ мягкому согласному. Есть однако случаи, для которыхъ подобныхъ объясненій указать нельзя, напр. почему т͡п ы и л а в а́ к, а не т͡ш а л а в а́ к? Кажется, въ виду этихъ случаевъ приходится отказаться отъ сдѣланнаго предположенія.

Занимающій насъ вопросъ, по даннымъ Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи, представленнымъ Х а л а н с к и м ъ (въ I книгѣ Рус. Фил. Вѣстн.), разобранъ Я г и ч е м ъ—въ V томѣ «Архива славянской филологіи» помѣщена статья Ягича, заглавіе которой по-русски можно передать такъ: «О перегласовкѣ гласныхъ *е*, *ъ*, *ѧ* въ славянскихъ языкахъ» [1]. Ягичъ приблизительно подтверждаетъ законъ, указанный самимъ Халанскимъ во вводныхъ замѣчаніяхъ къ щигровскимъ пѣснямъ. Вотъ этотъ законъ: *а* является р я д о м ъ с ъ у д а р я е м ы м ъ с л о г о м ъ, т. е. въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударяемому и непосредственно за нимъ слѣдующемъ. Хотя въ подтвержденіе этого закона можно сослаться на отмѣченные уже примѣры, но приведу еще нѣкоторые, которые послужатъ къ нимъ дополненіемъ. Мы имѣемъ прилаг. м а д о́ в а й; существ. б'а р о́ з а, сущ. б'е́ р а х. Примѣромъ на *и*, которое, значитъ, является въ слогахъ, не сосѣдящихъ съ ударяемыми, можетъ служить еще н и л а н а́.

Какая бы, спрашивается, могла быть причина появленія *а* изъ *е* въ слогахъ, сосѣдящихъ съ ударяемымъ? Можно бы предполагать, что тутъ не настоящее *а*, а глухой гласникъ съ предшествующей мягкостью—именно, легко допустить, что слогъ сосѣдній съ удареніемъ станетъ особенно слабымъ, и гласникъ его обратится въ глухой, неявственный. Впрочемъ, можно предположить и обратное—что слоги сосѣдніе съ ударяемымъ также имѣ-

[1] Die Umlautserscheinungen bei den Vocalen e, ê, ę in den slavischen Sprachen.

ютъ на себѣ нѣкоторое удареніе, отличаются большей силой, чѣмъ другіе, такъ что развитіе *и* въ другихъ слогахъ обусловливается большею глухостью. Первое предположеніе на первый взглядъ гораздо правдоподобнѣй, но мы сейчасъ увидимъ одно соображеніе, говорящее въ пользу второго толкованія, правда, только на половину—по скольку дѣло идетъ о слогѣ предударномъ.

Мы уже отмѣтили, что безударные слоги не всѣ отличаются одинаковой неявственностью. Для южновеликорусскаго говора Потебня старался опредѣлить, при какихъ условіяхъ безударные гласники звучатъ яснѣе, при какихъ глуше. То же самое для литературной рѣчи сдѣлалъ Богородицкій. Богородицкій изложилъ свой взглядъ во «Введеніи въ изученіе русскаго вокализма», помѣщенномъ въ VII томѣ Рус. Фил. Вѣстн., а затѣмъ подробнѣе въ разсужденіи: «Гласные безъ ударенія въ обще-русскомъ языкѣ», напечатанномъ въ Казанскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1884-й годъ. Выводы Потебни и Богородицкаго, добытые независимо другъ отъ друга, оказываются почти тожественными. Изложу ихъ своими словами. Мы можемъ различать въ безударныхъ слогахъ выговоръ 1) довольно ясный; его мы находимъ въ слогѣ предударномъ, напримѣръ въ словахъ краса́, раса́. Подобнымъ же образомъ въ глагольной формѣ пи́ту́ мы на мѣстѣ древняго *е* имѣемъ довольно ясный звукъ; также повелит. глагола сѣ́тѝ (**сѣшти**)—сѝкы́ представляетъ довольно явственное *и* на мѣстѣ ѣ.

2) Мы находимъ выговоръ довольно глухой. Такой выговоръ свойственъ открытому конечному слогу, т. е. конечному слогу, кончающемуся на гласный звукъ. Значитъ, довольно глухимъ будетъ *а* въ какихъ-нибудь словахъ ны́ва, вы́дъ͡ша; такой же звукъ мы видимъ въ концѣ существ. средняго рода на безударное *о*, напримѣръ та̀ла, сло́ва. Подобнымъ же образомъ слышится довольно глухое *е* въ словѣ по́ля̀. (Впрочемъ, вмѣсто по́ля̀ чаще говорятъ по́ля, но такой выговоръ не слѣдуетъ объяснять фонетически, а подражаніемъ мягкаго различія твердому).

3) Существуетъ выговоръ весьма глухой. Выговоръ этотъ свойственъ всѣмъ слогамъ, кромѣ указанныхъ ранѣе—предударныхъ

и конечныхъ открытыхъ. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ весьма глухой выговоръ въ конечномъ закрытомъ слогѣ: напр. слово л*а́* п ъ т̀ представляетъ на мѣстѣ *о* глухой звукъ, который я обозначилъ буквой ъ [1]; точно такой же звукъ на мѣстѣ древняго *а* представляетъ инфинитивъ к*а́* п ъ т̀. Глухой звукъ на мѣстѣ *а* мы видимъ также въ словѣ п*о́* в ъ р, съ которымъ сопоставимъ созвучное съ нимъ г*о́* в ъ р; сопоставимъ еще глагольную форму с п*о́* р̓ ь м и существ. въ предложномъ соединеніи — с м*о́* р̓ ь м. Теперь возмемъ примѣры на другіе слоги, т. е. на слоги предшествующіе ударяемому, но не прямо. Напр., въ глаголѣ п ъ л̀ у б̓ ѝ т̀ предлогъ п о звучитъ п ъ, точно также предлогъ з а въ сущ. зъбытьо̀ является въ видѣ з ъ; велительное б̓ ь р̓ и г̓ ѝ представляетъ въ первомъ слогѣ вмѣсто *е* глухой узкій — сравнимъ съ нимъ сущ. б̓ ь т̀ у г̓ ѝ, гдѣ тотъ же звукъ замѣняетъ *и* [2]). Еще нѣсколько примѣровъ: к ъ л̀ ъ к а л̀*а́*, з ъ с т р ъ х а в*а́* т̀, н ъ п ъ х ъ р а н*а́* х, н̓ ь р̓ ь в и с̀ т̀ ѝ, н̓ ь с̀ п̓ ь н̓ и л̀ ѝ т̀. Примѣры на слоги, слѣдующіе за ударяемымъ. Мы можемъ повторить здѣсь слово, служившее намъ примѣромъ на открытый конечный слогъ, слово в ы̀ д ъ т̀ ша, сравнить съ нимъ в ы̀ б ъ р ы. Сравнимъ еще глагольныя формы второго лица множ. числа глаголовъ м о л о т ь и д ѣ л и т ь: м*е́* л̀ ь т̀*а́* (-т и) и д̓*е́* л̓ ь т̓*а́* (-т̀и). Подобнымъ же образомъ произносятъ: з*а́* м ъ р ъ с̀ к̓ и, с у́ т ъ л̀ ъ к а, в ы̀ г н ъ н̓ ъ й а, с к*а́* з ъ н ъ й а, п р*а́* в̀ ь д̀ н̓ ь т͡с а, в ы̀ д̀ ь л̀ ь т̀*а́* (-т̀и).

На то́, что не всѣ безударные слоги одинаково слабы, еще до Богородицкаго и Потебни обратилъ вниманіе Г р о т ъ, хотя онъ не разработалъ этого вопроса подробно, а выставилъ только общее положеніе и указалъ нѣкоторые примѣры. Замѣчаніе Грота было сдѣлано имъ въ статьѣ «По поводу нѣмецкой брошюры о русскомъ ударе́ніи» Кайслера (Kayssler). Гротъ здѣсь говоритъ, что «не всѣ неударяемые слоги равны между собой по степени крат-

---

[1]) Здѣсь, значитъ, вторичнымъ образомъ приблизительно возстановился праславянскій ъ.

[2]) Однако, по первому пункту: о н п*а* л̓ у́ б̓ ь т, з*а* б ы т̀, б̓*и* р̓*е́* т̓͡ш, б̓*и* т̓ у́ к.

кости». Это положеніе Гротъ подтверждаетъ примѣрами, представляющими сопоставленіе слоговъ предударныхъ и поударныхъ; онъ подбираетъ случаи, въ которыхъ одинъ и тотъ же слогъ то предшествуетъ ударяемому слогу, то слѣдуетъ за нимъ, и указываетъ на то, что поударный слогъ одного слова не можетъ служить предударнымъ въ другомъ словѣ. Наиболѣе удачный примѣръ—слова мы́шка и камы́ш; слогъ ка въ первомъ реченіи слишкомъ кратокъ, чтобы служить начальнымъ слогомъ реченія камыш. Это то же самое, что высказано Богородицкимъ и Потебней, именно, что слогъ предударный сильнѣй поударнаго. Гротъ предлагаетъ произнести нѣсколько разъ подъ рядъ: мышка — мышь и мышь—камышъ, причемъ должно обнаружиться указанное несоотвѣтствіе слоговъ конечныхъ и начальныхъ: если бы его не было, то оба выраженія должны бы совпасть. Еще такой же опытъ Гротъ предлагаетъ произвести надъ словами ра́но и нора́; тѣлка и котѣлъ, то́поль и пальто́.

Мы отмѣтили, что предударный слогъ отличается большей силой сравнительно съ другими безударными. Это и есть то соображеніе, которое можно привести въ оправданіе своеобразной его огласовки въ южновеликорусскомъ говорѣ. Значитъ, разсматривая какое-нибудь слово пи̓ла́на изъ пелена́ можно сказать, что предударный слогъ потому пріобрѣлъ своеобразную огласовку, что онъ сильнѣе другихъ безударныхъ. Однако для слога поударнаго такого соображенія нѣтъ: онъ стоитъ на ряду со слогами безударными, и въ немъ не должно бы быть своеобразной огласовки. Бо́льшая сила предударнаго слога состоитъ, очевидно, въ томъ, что онъ получаетъ нѣкоторое второстепенное удареніе.

Второстепенное удареніе на предударномъ слогѣ едва ли не слѣдуетъ признать чертой древней, праславянской: въ такомъ случаѣ намъ легче понять то отношеніе, которое существуетъ между акцентовками русской и сербской. Сербскій языкъ представляетъ явленіе, которое я въ своемъ «Начертаніи славянской акцентологіи» назвалъ оттяжкой, т. е. тамъ удареніе оттягивается на одинъ слогъ къ началу; такимъ образомъ русскому слову вода́ по-сербски соотвѣтствуетъ во̀да, русскому копы́то—ко̀пито, русскому трубы́ть—тру́бити. Это весьма странное явленіе становится болѣе понятнымъ, если предположить, что предударный слогъ

издавна имѣлъ уже нѣкоторое удареніе. Въ сербскомъ языкѣ слова̀ оттяжечной акцентовки представляютъ удареніе двухсложо́вое, т. е. кромѣ главнаго ударенія еще второстепенное на слѣдующемъ слогѣ, напр. во̀да̀—на первомъ слогѣ удареніе восходящее, на второмъ — нисходящее; подобнымъ же образомъ въ глаголѣ тру́бити первый слогъ имѣетъ удареніе восходящее, второй—нисходящее. Мы, значитъ, можемъ говорить, что въ сербскомъ языкѣ прежнее главное удареніе сдѣлалось второстепеннымъ, а второстепенное стало главнымъ; это измѣненіе болѣе естественно, чѣмъ превращеніе ударяемаго слога въ безударный и пріобрѣтеніе ударенія слогомъ безударнымъ [1].

Не совсѣмъ я согласенъ съ Богородицкимъ насчетъ предударныхъ слоговъ со звукомъ *е*. Богородицкій утверждаетъ, что предударный слогъ настолько силенъ, что въ немъ существуютъ тѣ же оттѣнки, какъ въ слогѣ ударяемомъ, т. е. ӓ передъ твердыми согласными, и е передъ мягкими; также и Бётлингъ въ числѣ своихъ примѣровъ на двойственность звука *е* помѣщаетъ нѣкоторыя слова, гдѣ *е* стоитъ въ предударномъ слогѣ. Богородицкій глагольной формѣ плету́ приписываетъ ӓ, а формѣ плети́— е. Тѣмъ болѣе Богородицкій въ этомъ случаѣ видитъ различіе между звуками *е* и *и*. По моему предударное *е* и предударное *и* совпадаютъ, какъ совпадаютъ предударныя *о* и *а*; какъ тѣ являются въ видѣ довольно яснаго *а*, такъ *е* и *и* звучатъ, какъ довольно ясное *и*. Сравнимъ глагольную форму наплету́ и выраженіе на плиту́; сравнимъ существительныя предѣлъ и придѣлъ; пѣту́хъ и питу́хъ; родит. падежи вѣнца́ и винца́; пѣвца́ и пивца́; развела́сь и развила́сь; мнѣ кажется, что мы въ этихъ случаяхъ говоримъ безразлично: нъпи̯ту́, пр̯ида̀л, питу́х, в̯интса́, и̯ифтса́, раз̯вила́с. Можетъ быть, однако, произношеніе колеблется, такъ что иные соблюдаютъ тѣ оттѣнки, которые усматриваетъ при указанныхъ условіяхъ Богородицкій; возможно при этомъ, что тутъ сказывается вліяніе письма. Богородицкій даже самъ въ нѣкоторыхъ

[1] О сербской акцентовкѣ говорится нѣсколько подробнѣе ниже, по поводу выставленной однимъ ученымъ (Потебнёй) теоріи полногласія.

случаяхъ подозрѣваетъ себя въ подчиненіи книжному вліянію. Но ужъ положительно не правъ Богородицкій относительно *о* въ предударномъ слогѣ, которое будто бы только приближается къ *а*, но не совпадаетъ съ нимъ: множ. число къ слову в а л ъ— в а л ы́ отличается-де отъ множ. числа къ слову в о л ъ—в а̊ л ы́. Эти слова звучатъ одинаково, и при звуковомъ письмѣ, надо писать въ обоихъ случаяхъ в *а* л ы́. Сравнимъ еще мѣстоименіе с а м а́ съ родит. падежомъ сущ. с о м ъ—с о м а́; множ. число п а р ы́ и род. пад. сущ. пора́—п о р ы́; глаголы п о д р *а* ж а́ т ь и п о д р *о* ж а́ т ь; глагольную форму п о к о л о ч у́ и выраженіе по к а л а ч у́; сущ. о к о́ ш к о и выраженіе а к о́ ш к а [1]).

Кромѣ отмѣченныхъ нами главныхъ оттѣнковъ безударныхъ гласныхъ можно усмотрѣть еще нѣкоторые: иногда являются совсѣмъ неясные гласники, и гласный элементъ бываетъ столь слабъ, что можно говорить о с л о г о в ы х ъ с о г л а с н ы х ъ. По наблюденію Богородицкаго это бываетъ, когда гласный приходится между тожественными, или родственными звуками. Такъ напримѣръ въ указательномъ мѣстоименіи этотъ мы имѣемъ особенно неясный выговоръ ʲ а̊ т ъ т (обозначу его маленькимъ ъ); такой же звукъ является въ родительномъ падежѣ прил. н о в ы й—н о́ в ъ в а, въ дат. падежѣ множ. ч. существительнаго д а́ м а—д а́ м ъ м и въ творительномъ д а́ м ъ м́ и. Совсѣмъ неявственный выговоръ представляютъ также косвенные падежи сущ. х о́ л ъ т—х о́ л ъ д а, х о́ л ъ д у, х о́ л ъ д ъ м, х о́ л ъ д и. Подобнымъ же образомъ женское отчество отъ имени Я к о в ъ звучитъ обыкновенно Ј а́ к ъ л́ н а. Богородицкій въ этихъ случаяхъ говоритъ о слоговыхъ согласныхъ, причомъ у него оказывается, что всѣ согласные при извѣстныхъ условіяхъ могутъ быть слоговыми. Сохраняя названіе «слоговые согласные», я считаю нужнымъ оговориться, что слоговыхъ согласныхъ, по моему мнѣнію, не суще-

---

[1]) Послѣдній примѣръ считаю особенно вѣскимъ, т. к. однажды произнесенное мною (безо всякой мысли о какой-либо фонетической теоріи) слово о к о ш к о было принято за два слова. Такое же наблюденіе мнѣ удалось сдѣлать надъ указанной выше фонемою р а з в' и л а́ с: одна дама (москвичка) говорила мнѣ, что ея знакомая развилáсь умственно, а я понялъ, что она развелáсь съ мужемъ.

ствуетъ, а существуютъ согласные, сопровождаемые минимальными гласными.

Иногда неявственность гласныхъ доходитъ еще до большей степени, а именно до полнаго ихъ и з ч е з н о в е н і я: въ иныхъ случаяхъ гласные, сохраняясь на письмѣ, въ произношеніи пропадаютъ. Такъ, слово городовóй произносится обыкновенно въ три слога г ъ р д а в о́ й; слово н а́ б е р е ж н а я обыкновенно представляетъ не пять слоговъ, а только четыре: н а́ б’ ь р ж н ъ й а. Подобнымъ же образомъ выраженіе въ п а р и к ѣ иной разъ можетъ звучать ф̓ п̓ р и к а́̓; вмѣсто п а р и к м а х е р ъ говорятъ п р̓ и к м а́х̓ ь р [1]).

Теперь спрашивается, не примѣняется ли къ изложеннымъ нами особенностямъ безударныхъ слоговъ старинное изреченіе: «нѣтъ правила безъ исключенія»; изреченіе, противъ котораго мы въ настоящее время очень предубѣждены, такъ какъ мы не хотимъ признавать, что есть законы съ исключеніями, ни на чемъ не основанными. Кажется, изъ нашихъ законовъ относительно безударныхъ гласныхъ дѣйствительно нѣтъ настоящихъ исключеній, а замѣчается только то вліяніе книги, то вліяніе областныхъ говоровъ, то самаго способа говоренія: когда мы говоримъ съ разстановкой, то произношеніе будетъ явственнѣе, чѣмъ при скороговоркѣ. Для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ исключеній можно подобрать особое оправданіе. Такъ, мы имѣемъ выраженіе п о ш е л ъ!, въ которомъ слышится нерѣдко неявственный гласный, т. е. вмѣсто п а ш о́ л! выговариваютъ п ъ ш о́ л! и даже п ш о́ л!, въ одинъ слогъ; вмѣсто п а д̓ и́! командуютъ п̓ д̓ и́! По Богородицкому и Потебнѣ здѣсь въ предударномъ слогѣ *а* должно быть довольно явственно; оправданіемъ же его неявственности служитъ междометный характеръ этихъ словъ. Дѣйствительно, пашóл употребленное какъ прошедшее время представляетъ *а* довольно ясное.

Своеобразному измѣненію подвергается безударное *а*, когда ему предшествуетъ мягкость: оно совпадаетъ со звукомъ *е*, отчасти, значитъ и съ *и*. Возьмемъ напр. прилагательное м̓ а́ в ъ к въ женкомъ родѣ, это будетъ м̓ и х к а́; съ формой м̓ и х к а́ сравнимъ

[1]) Въ такомъ видѣ («К ъ п р и к м а х е р у») это слово встрѣчается у Грибоѣдова—Горе отъ ума, Дѣйствіе III, явленіе 2.

женскій родъ прилагательнаго л҃о́зък—л҃ихка́; сравнимъ далѣе существительныя јидро́ и в҃идро́; сопоставимъ еще настоящее время глаголовъ прясть и придти, которые совпадаютъ въ одной фонемѣ пр҃иду́; то же самое у глаголовъ списать и спѣшить—с҃ишу́. Можетъ быть, однако, выговоръ въ этихъ случаяхъ колеблется. Богородицкій въ своихъ наблюденіяхъ надъ собственнымъ произношеніемъ отмѣчаетъ выговоръ р҃або́й, согласно, значитъ, съ письмомъ; также н҃ат҃и́ отъ н҃ат҃. Самъ врочемъ Богородицкій дѣлаетъ при томъ оговорку, что это чутьли не книжное вліяніе, и что онъ, хотя и произноситъ н҃ат҃и́, съ другой стороны отъ числительнаго д҃е́сьт образуетъ д҃ьс҃ит҃и́. Послѣ шипящихъ согласныхъ, первоначально принадлежавшихъ къ мягкимъ, въ настоящее время, вслѣдствіе большаго или меньшаго ихъ отвердѣнія, мы находимъ вмѣсто узкихъ гласныхъ широкіе, напр. слово, которое пишется ж а р а, произносится ж ы р а́; слово, которое пишется ш а р ы, звучитъ ш ы р ы́. Послѣ согласнаго дифтонга т҃ш и согласнаго трифтонга ш҃т҃ш гласный звукъ менѣе широкъ, т. е. слышатся не узкія *ы*, а широкое *и*; сравнимъ выраженіе н а ч е л о́ и глагольную форму н а ч а л о́, то и другое въ фонетической транскрипціи можно передать такимъ образомъ: н ъ т҃ш и л о́ или н ъ т҃ш и л о́.

Одинаковую судьбу съ безударнымъ *а* послѣ мягкости, конечно, должно бы имѣть также б е з у д а р н о е *о*; однако сочетанія *о* съ *j* и другими мягкими согласными русскій языкъ не могъ унаслѣдовать отъ общеславянскаго языка: въ общеславянскомъ *о* въ такомъ положеніи превращалось въ *е*. Рядомъ съ какимъ-нибудь словомъ с е л о возникло к о п ь ј е вмѣсто к о п ь ј о. Есть, однако, несомнѣнные случаи измѣненія *ё* безударнаго въ словахъ пришлыхъ, въ словахъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка; такъ мѣсто для водосвятія называется ј и р д а́ н҃ [1]). (Конечно, *о* сначала перешло въ *е*, а потомъ уже *е* сблизилось съ *и*). Подобнымъ же

[1]) Слово это, несомнѣнно, происходитъ отъ названія рѣки І о р д а н а. Послѣднее названіе въ непринужденномъ произношеніи само звучитъ не и҃ о р д а́ н, а Јирда́н.

образомъ имя Иванъ въ своей книжной формѣ Іоаннъ при непринужденномъ выговорѣ превращается въ Јиа́н (2 слога вмѣсто 3-хъ); изъ имени Іовъ еще встарину сдѣлали Нюкъ, отсюда—фамилія Іевлевъ, фонетическая транскрипція которой будетъ Ӣйьвл́ьф. Въ словахъ туземныхъ, по сказанному ранѣе, мы не должны бы ожидать перехода *о* въ *е*, а далѣе въ *и*; однако, кажется, такой переходъ все-таки имѣетъ мѣсто. Соболевскій въ статьѣ «Къ исторіи русскихъ акающихъ говоровъ», помѣщенной въ XII томѣ Русскаго Филолог. Вѣстника, указываетъ нѣкоторыя данныя въ пользу того, что южновеликорусское и бѣлорусское превращеніе безударнаго *е* въ *а* не произошло непосредственно, а что между ними лежала переходная ступень *о*. Оказывается, что не только въ сѣверновеликорусскихъ, но и въ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ памятникахъ встрѣчается употребленіе буквы *о* послѣ шипящихъ, т. е. написанія въ родѣ чолобитье, нашому вмѣсто челобитье, нашему, на основаніи которыхъ Соболевскій и утверждаетъ, что какое-нибудь т͡ша тыр́и не восходитъ прямо къ четыри, а предполагаетъ переходную ступень чотыри. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно думать, что такъ было и послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ, т. е. что теперешнее с́ало́ не прямо примыкаетъ къ старѣйшей русской и праславянской фонемѣ с́ӓло́, но что по-русски с́ӓло́ сначало дало с́оло́, уцѣлѣвшее у сѣверныхъ великороссовъ, а уже потомъ явился выговоръ с́ало́. Если это такъ, то мы въ русскомъ языкѣ и въ туземныхъ словахъ имѣемъ случаи превращенія *о* въ *и* при посредствѣ *е*: с́ӓло́—с́оло́—с́ӓло́—с́єло́—с́ило́.

Мы поговорили такимъ образомъ о безударныхъ *а*, *о*, *е*; объ остальныхъ безударныхъ гласникахъ распространяться нечего. Гласника *и* я коснулся въ связи съ *е* и отмѣтилъ, что при отсутствіи ударенія эти два звука совпадаютъ. Прибавлю только, что безударное *и* иногда переходитъ въ легкій іотъ; вмѣсто не иду́ является нейду (н́ийду́), вмѣсто не имéтъ—неймéтъ (н́ийм́о́т). Особенно часто мы это видимъ у Малороссовъ; тамъ можно, кажется, выставить звуковой законъ, что зачинное *и* становится неслоговымъ и потомъ отпадаетъ; вмѣсто иго́лка у Малороссовъ бо́лка; великорусскому игра́ть соотвѣтствуетъ въ малорусскомъ бра́ти; предлогъ из превращает-

ся въ *з*: при великорусскомъ ˢⁱ з҃в҃а҃с н а мы имѣемъ малорусское з҃в҃и́с н о; при великорусскомъ ˢⁱ з д҃е́р ь в а стоитъ малорусское з д҃е́ р е в а. Сюда же я отношу превращеніе *и* въ *й* внутри слова и въ изглашеніи, т. е. такія формы, какъ велительное наклоненіе з н а й, з н а й т е: хотя бы, какъ иные утверждаютъ, тутъ *и* было неслогóвымъ уже въ старославянскомъ языкѣ, но въ праславянскомъ оно сдвали было таковымъ.

Превращеніе слогового і въ неслогóвое слѣдуетъ видѣть и въ существительномъ јийтсó, основная форма **ьнцє**. Можно бы, однако, подумать, что й тутъ сохранился отъ старины, и произошло выпаденіе звука ь, такъ какъ древнѣйшая праславянская форма была јайьтсé — вѣдь уменьшительный суффиксъ есть ьце [1]), и только впослѣдствіи йь дало й. Но противъ этого рѣшительно говорятъ род. множ. числа ј и й и т с и уменьшительное (первоначально уменьшительное второй степени) ј и й и т҃ш к а: если бы въ основаніи нашего ј и й т с ó лежало ј а й ь ц é, то мы говорили бы ј а й а҃т с и ј а й é т҃ш к а. (Такія формы дѣйствительно существуютъ, но только какъ областныя, и ихъ легко признать вторичными: онѣ замѣнили бѣглое *и* обыкновеннымъ бѣглымъ гласнымъ *е*).

У т р а т у безударнаго *и* п о с л ѣ с о г л а с н ы х ъ мы имѣемъ въ инфинитивѣ и въ велительномъ наклоненіи ед. числа, напр. с т а́ і вмѣсто с т а́ т҃и, с т а н҃ вмѣсто с т а́ н҃и. Явленіе это повторяется во всѣхъ ново-славянскихъ языкахъ.

Что касается безударнаго *у* и безударныхъ *ы*, то они мало отличаются отъ ударяемыхъ; они и при отсутствіи ударенія довольно явственны. Впрочемъ, второй изъ нихъ, *ы*, какъ мы уже раньше видѣли, иногда совпадаетъ съ безударными *а* и *о*: *а* и *о* при самомъ глухомъ выговорѣ приближаются къ *ы*.

Къ обзору гласныхъ звуковъ русскаго языка въ ихъ настоящемъ состояніи, къ которому я присоединилъ только немногочисленныя справки насчетъ ихъ происхожденія, слѣдуетъ прибавить теперь

---

[1]) «Яйцо» первоначально было уменьшительнымъ къ утраченному въ русскомъ языкѣ **ицє**.

нѣсколько экскурсовъ, въ которыхъ мы будемъ идти инымъ путемъ: будемъ исходить отъ основныхъ праславянскихъ звуковъ. Прежде всего я сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія насчетъ глухихъ гласныхъ.

Я отмѣтилъ уже утрату глухихъ въ русскомъ языкѣ и переходъ ихъ съ одной стороны въ *о* и *е*, которыя, конечно, впослѣдствіи могли подвергнуться вторичнымъ измѣненіямъ; съ другой стороны я отмѣтилъ ихъ выпаденіе, при коемъ ъ оставлялъ по себѣ мягкость; далѣе я также отмѣтилъ, что, какъ слѣдъ глухихъ, въ языкѣ сохранилась бѣглость ихъ замѣнителей. Къ этому слѣдуетъ сдѣлать добавленіе, что въ языкѣ существуетъ также неорганичная, вторичная бѣглость: по образцу бѣглости звуковъ *о* и *е*, развившихся изъ глухихъ, сдѣлались въ нѣкоторыхъ случаяхъ бѣглыми *о* и *е* исконныя. Такъ мы говоримъ роф, въ родит. рва, основная форма была **ровъ, рока**; говоримъ лот, лду (лда), основная форма **ледъ, леда**; говоримъ камьнь, род. камня, старославянская же форма была **камы, камене**, а не **камне**; точно также—корьнь, корня вм. **корл, корене**; къ имен. пепьл мы образуемъ родит. папла, основная же форма была **пепелъ, пепела**. Подобнымъ же образомъ замѣчается бѣглость въ нѣкоторыхъ словахъ, представляющихъ иную огласовку; такъ мы находимъ ее въ словѣ пъталок, род. пъталка, гдѣ бѣглое *о* составляетъ часть полногласія: толок есть другой видъ корня толк, равнаго старослав. **тлькж-тлѣшти**—толку, толочь) и по старославянскому пъталок было бы **потлькъ**. Въ двухъ словахъ мы видимъ бѣглость гласнаго, произошедшаго изъ л, это слова заяцъ и колодезь, въ фонетической транскрипціи: зайьтс, род. зайтса, калодьтс, род. калоттсса [1]), старославянскія формы **зълць,-лца** и **кладязь,-лзл**. Первая изъ этихъ формъ сохранилась въ русскомъ правописаніи—въ начертаніи заяцъ; вторая—въ написаніи колодезь, гдѣ однако вмѣсто *я* ставятъ *е*.

Вторичную бѣглость гласныхъ мы можемъ видѣть и въ словахъ пришлыхъ, по крайней мѣрѣ, есть одно заимствованное слово, которое допускаетъ выпущеніе звука *е*, это—игуменъ, греч. ἡγούμενος: вмѣсто родит. игумена образуютъ также игумна.

---

[1]) Знакомъ ттсс я обозначаю усиленный видъ звука тс.

Въ случаяхъ неорганичной бѣглости мы нерѣдко въ народной рѣчи встрѣчаемъ формы органическія (самородныя). Такъ, въ малорусскомъ нарѣчіи и въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ вмѣсто литературнаго р о в ъ, р в а существуетъ р о в, р о́ в а, вмѣсто л о т, л д у мы у Малоруссовъ находимъ л и д, л е́ д у или л о́ д у. Подобнымъ же образомъ слово к а́ м ь н, к а́ м н а мы видимъ въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ въ формѣ к а́ м е н, -е н а, и по-малорусски подобнымъ же образомъ—к а́ м и н, род. к а́ м е н а. Слово п ъ т а л о́ к въ областной рѣчи тоже является съ постояннымъ *о*: въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ употребляется п о т о л о́ к, род. п о т о л о́ к а; это встрѣчается и въ извѣстномъ выраженіи: «руки въ бо́ки, глаза въ потолоки», гдѣ рифма спасла органическую форму.

Для нѣкоторыхъ изъ словъ съ подражательной бѣглостью легко указать частную причину ея появленія: въ словѣ п ъ т а л о́ к усмотрѣли суффиксъ *ок*, произшедшій изъ -ъкъ, и какъ говорятъ п а л о́ к-п а л к а́, с а д о́ к-с а т к а́, с а в о́ к-с а ф к а́, такъ стали говорить и п ъ т а л о́ к-п ъ т а л к а́. Очевидно также, что слово з а я ц ъ вмѣсто необычнаго окончанія я ц пріобрѣло ходячій суффиксъ ец, изъ первоначальнаго ьць, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣглость звука *е*. Правописаніе наше въ этомъ случаѣ поступаетъ весьма странно и непослѣдовательно: уже прот. Павскій въ своихъ «Филологическихъ наблюденіяхъ» совершенно вѣрно замѣчаетъ, что разъ мы пишемъ въ родит. падежѣ й, то не слѣдовало бы писать въ именит. над. я: надо бы писать или заяцъ, заяца или заецъ, зайца. И слово к а л о́ д ь т с, представляетъ суффиксъ е ц въ замѣну древняг суффикса -ѧsь, т.-е. пріобрѣло вмѣсто рѣдкаго окончанія болѣе обычное. Правописаніе однако не признаётъ этого измѣненія: оно упорно держится стариннаго окончанія, слегка исказивъ его въ е з ь. Форма к о л о д *е ц* ъ, -*д ц* а рѣшительно господствуетъ въ живой рѣчи (слышится, правда, и к а л о́ д ь с, к а л о́ д ь з *а*, но чуть ли ни подъ вліяніемъ письма [1]). Форму колодецъ можно указать даже въ литературѣ: употребляетъ ее Пушкинъ въ одной изъ своихъ поэмъ, рифмуя слово к о л о д *е ц* ъ на п и х о д е ц ъ и х о р о в о д е ц ъ («Домикъ въ Коломнѣ», строфа XIV). Также у

[1]) Впрочемъ, по устному сообщенію одного туляка, такое произношеніе въ Тульской губерніи народное.

Фета, въ стихотвореніи «Я люблю его жарко» встрѣчается выраженіе «Онъ бадья при колодцѣ пустынь». Напротивъ того, въ одной народной пѣснѣ (Сахаровъ, «Сказанія русскаго народа», книга III, Русскія народныя пѣсни, стр. 214) поется: «У колóдезя, у студёнова». Вторичная бѣглость попадается и въ другихъ славянскихъ языкахъ. Такъ, наши заяцъ, зайца и камень, камня повторяются въ языкѣ Словенскомъ: zajec, zajca; kamen, kamna.

Въ противуположность подражательной бѣглости, въ русскомъ языкѣ встрѣчается также подражательная постоянность: мы видимъ иногда *о* и *е* тамъ, гдѣ прежде были ъ и ь, и гдѣ эти послѣдніе должны были онѣмѣть. Колосовъ изъ сѣверновеликорусской рѣчи приводитъ глаголъ местить вмѣсто мстить, прил. рожаной, вм. ржаной, левы вмѣсто львы. Весьма распространено въ народной рѣчи склоненіе рот, рóта вмѣсто рта и т. д., напр. «в роту́» вмѣсто литературнаго «во рту́». Уменшительныя же имена рóтик и ротóк даже по литературному представляютъ *о* (*а*) вмѣсто отсутствія гласнаго: органически было бы ртик и рток (род. роткá). Подобное же слово есть пу́говица, которое собственно должно бы звучать пу́гвица; основная форма его **пѫгъ, пѫгъвє, пѫгъвица**. Мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ областной рѣчи, въ говорѣ сѣверновеликорусскомъ, въ Архангельской, Вологодской губерніяхъ, ожидаемую фонему пу́гвица. Очевидно, литературное пу́говица явилось подъ вліяніемъ уменьшительнаго пу́говка, гдѣ произошло органическое проясненіе: основное **пѫгъвъка**. Еще отмѣтимъ постоянность звука *е* въ суффиксѣ ец, когда передъ нимъ стоитъ нѣсколько согласныхъ, напр. чернéцъ, -цá, мертвéцъ, -цá. Эти слова въ малорусской рѣчи являются въ органической формѣ, облегченныя посредствомъ выпуска согласнаго, напримѣръ, т̑шерн̑éт̑с̑, т̑шерт̑с̑á или т̑шен̑т̑с̑á; мертвéт̑с̑, мерт̑с̑á. Подобнымъ же образомъ Малороссы къ слову корнéт̑с̑ (горшокъ) образуютъ род. корт̑с̑á. У словъ на -ец мы имѣемъ еще нѣкоторую неправильность насчетъ проясненія глухихъ: иногда, повидимому, проясняется тотъ глухой, который долженъ былъ онѣмѣть, напр. при именит. жнецъ, основная форма—**жьньць**, имѣется родит.

жнеца, а должно бы быть женца, что̀ и видимъ въ малорусскомъ нарѣчіи: жне́т͡ьс, жен͡ьтса́, также шве́т͡ьс (сапожникъ), род. шевт͡ьса́, основная форма **шькьць**. Да и областная великорусская рѣчь знаетъ подобныя формы; такъ отмѣченъ выговоръ женне́ц, женца́ — изъ этихъ формъ вторая самородная, а первая заимствовала свое *е* изъ косвенныхъ падежей (жене́ц вм. жнец). Вообще, всѣ указанныя отступленія отъ правила бѣглости объясняются подражательнымъ измѣненіемъ. Наши родительные жнеца́, жреца́ и т. д., очевидно, основаны на именительныхъ жрецъ, жнецъ и т. п. Какое-нибудь «в роту́» вмѣсто «во рту́», разумѣется, заимствовало свое *о* у именительно-винит. рот; прилагательное рожаной взяло свое *о* у существительнаго рожь; глаголъ местить заимствовалъ *е* у существительнаго месть (которое и само вторичнымъ образомъ провело *е* по всѣмъ падежамъ — род. долженъ бы быть мсти); уменьшительное ротик исходитъ отъ именительно-винительнаго падежа рот; ротóк могло позаимствоваться у косвенныхъ падежей ротка́, ротку́ [1]). При этомъ подражательномъ измѣненіи имѣло значеніе неудобство нѣкоторыхъ согласныхъ группъ, напр. зачинныхъ созвучій рт, рж, мст, благопріятствовавшее примѣненію къ такимъ формамъ, которыя представляли вполнѣ удобныя созвучія р-о-т, р-о-ж, м-е-с-т.

Остановимся теперь на вопросѣ, давно ли въ русскомъ языкѣ утратились глухіе гласные. Между русскими учеными довольно прочно установился взглядъ, что въ старину въ русскомъ языкѣ существовали глухіе, что они только въ историческое время отчасти перешли въ чистые, отчасти онѣмѣли. Въ этомъ смыслѣ высказались Срезневскій, Буслаевъ, Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, Потебня, Колосовъ. *Срезневскій* въ своихъ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка» утверждаетъ, что утрата глухихъ поздняя. «Еще въ XIV столѣтіи соотвѣтствующія буквы употреблялись-де довольно правильно, хотя и въ XIII встрѣчаются явные слѣды уклоненія отъ нихъ народнаго выговора». Выраженіе это,

---

[1]) Точно также какъ ротóк образовано и кашелёк вм. кашлёк отъ кáшель-кáшля.

какъ часто бываетъ у Срезневскаго, нѣсколько неясно и неопредѣленно, но несомнѣнно, что онъ признавалъ въ русскомъ языкѣ существованіе глухихъ гласныхъ. Взглядъ его повторилъ Петръ Лавровскій въ «Изслѣдованіи о языкѣ сѣверно-великорусскихъ лѣтописей». *Потебня* склоненъ былъ предположить весьма продолжительное существованіе глухихъ. Такъ, онъ даже въ памятникахъ XVI вѣка, а именно южнорусскихъ, волынскихъ, усматриваетъ слѣды глухихъ, но это слѣды очень своеобразные. Слѣдъ глухого Потебня усмотрѣлъ, напримѣръ, въ написаніи черн҃городцкій; здѣсь ҃ стоитъ на мѣстѣ исконнаго *о*, и это очевидно только архаизующее правописаніе. Еще мѣньшую цѣну имѣетъ другой случай — написаніе **гр҃дою҃ю** вм. **гр҃дьню**. (**Гр҃дни҃ца**, **гр҃дьница**—производное отъ **гр҃дь**, **гр҃дни҃ъ** слуга, придворный). Писецъ, произнося узкій глухой, похожій на *і, е*, пожалуй еще могъ написать, вмѣсто **ь**, **и**, **є**, или даже **ѣ**, но чтобы вмѣсто **ь** можно было употребить **оу**, это дѣло немыслимое. Впрочемъ, хотя Потебня готовъ вѣрить въ продолжительное сохраненіе внутреннихъ глухихъ, онъ полагаетъ, что конечные глухіе въ южновеликорусскомъ и малорусскомъ потеряны ранѣе, уже въ XII в., или около того. Напротивъ того, въ сѣверновеликорусскомъ, по крайней мѣрѣ, въ новгородскомъ нарѣчіи, они де еще въ XII вѣкѣ продолжали существовать.

Очень рѣшительно насчетъ существованія въ старорусскомъ языкѣ глухихъ гласныхъ высказался *Колосовъ*—по его словамъ гласность **ъ** и **ь** въ старинномъ русскомъ языкѣ есть прочно установленный научный фактъ.

Утвержденіе, что въ русскомъ языкѣ существовали нѣкогда особые звуки **ъ** и **ь**, мы находимъ также у *Буслаева* въ его «Исторической грамматикѣ». Только онъ нѣсколько иначе представляетъ себѣ самые звуки. Онъ говоритъ, что русскій **ъ** былъ ничто иное, какъ ŏ, тогда какъ основное *о* было ō; русскій **ь** равнялся ĕ, а основное *е*—ē. Мнѣніе это основано на невѣрномъ положеніи, будто бы *о* и *е* происходятъ изъ двугласныхъ; извѣстно, что *о* и *е* образовались такимъ образомъ у древнихъ Индусовъ, но славянскіе **о** и **є** иного происхожденія и соотвѣтствуютъ греч. ο и ε. Кромѣ того мы, на основаніи славянскихъ языковъ знающихъ количество гласныхъ, можемъ напротивъ того думать, что, если въ общеславянской рѣчи

существовали долгота и краткость, то *о* и *е* были именно краткими. Какъ у Чеховъ, такъ и у Сербовъ *о* и *е* рѣдко бываютъ долгими, если же является долгота, то она явно вторичнаго происхожденія. Мы имѣемъ по-сербски напр., Бо̄г, но родит. Бо̄га; почешски Bůh, старочешское Bóh, род. Boha. Подобнымъ же образомъ по-сербски — ле̄д, но род. ле̄да, по-чешски мы видимъ инфинитивъ nésti, но настоящее къ нему nesu, а у Сербовъ нѐсти, нѐсе̄м съ е̄. Слова Бо̄г, Bůh, ле̄д представляютъ продленіе въ закрытомъ слогѣ, и долгота здѣсь вторичная.

Утвержденіе, будто *о* и *е* въ славянскомъ восходятъ къ двугласнымъ, было повторено въ послѣднее время *Житецкимъ*, въ его «Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія».

Въ противуположность русскимъ ученымъ *Миклошичъ*, къ которому примыкаютъ изъ русскихъ *Билярскій* [1]) и только что упомянутый *Житецкій*, склоненъ отрицать существованіе глухихъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ. Также *Соболевскій* (Лекціи, стр. 45, во 2 изд. 48) отрицаетъ существованіе глухихъ въ историческую пору, хотя (на мой взглядъ безъ надобности) предполагаетъ ихъ для болѣе ранняго времени. Впрочемъ, Миклошичъ дѣлаетъ оговорку, что доказать отсутствіе звуковъ ъ и ь въ Русскомъ языкѣ нелегко, вслѣдствіе того, что буквы ъ и ь въ значеніи гласныхъ несомнѣнно употреблялись въ старинномъ языкѣ, хотя употреблялись вѣроятно подъ постороннимъ вліяніемъ. По моему, именно такъ и слѣдуетъ думать. Русскимъ писцамъ не трудно было отличать ъ и ь отъ о и є: они могли руководствоваться безсознательно (или даже сознательно), простымъ правиломъ, что посредствомъ ъ и ь изображаются *о* и *е* бѣглые. Исключеній изъ этого правила и въ настоящее время очень немного, а первоначально, вѣроятно, ихъ вовсе не было. Если бы намъ теперь вздумалось возстановить употребленіе ѣ и ѣ въ качествѣ гласныхъ, то, конечно, мы могли бы написать черезъ *о* слово кровь, потому что родит. будетъ крови, хотя этимологія требуетъ написанія **крькь**, **крькви**, но первоначально, какъ отмѣчено выше, говорили кровь, крви. Подоб-

[1]) О средне-болгарскомъ вокализмѣ, по патріаршему списку лѣтописи Манассія. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. (Судьбы церковнаго языка I). Санктпетербургъ 1858. Стр. 14.

нымъ же образомъ мы слово честь, чести написали бы черезъ *е*, но въ старинномъ языкѣ родительный, конечно, былъ **устн**. Также и **ь**, онѣмѣвшій, но оставившій по себѣ мягкость, правильно употреблять было не трудно; хотя въ настоящее время мягкость иногда утрачена, но въ старинномъ языкѣ она должна была существовать вездѣ. Теперь мы не догадаемся написать **ъ** въ словѣ правда, но въ старину, навѣрное, говорили правъ'да; родит. падежъ къ существ. конецъ мы не напишемъ съ **ъ**, но первоначально было конц'а. Въ какомъ-нибудь прилагательномъ съ суффиксомъ **ьнъ**, въ родѣ честный, мы тоже не написали бы **ъ**, но первоначально было **ъстьнън** и оттуда тщ҃ѣ́стной. Важное значеніе для правильнаго употребленія **ъ** и **ь**, согласно со старославянскимъ и праславянскимъ выговоромъ, конечно, имѣло также обученіе письму по старославянскимъ рукописямъ. И такъ, полагаю, смѣло можно сказать, что въ старину на Руси могли употреблять **ъ** и **ь** на своихъ мѣстахъ, хотя бы ихъ не существовало въ живой рѣчи. Иногда, впрочемъ, происходили и ошибки: писали о, гдѣ надо бы написать **ъ**, напр. сотьникъ, день. Встрѣчается, притомъ въ рукописи XI столѣтія, въ словахъ Григорія Богослова [1]), написаніе **пощтенніе** вм. **поуьтєніе** — очевидно здѣсь еря уже не было, и у успѣло даже перейти въ **щ**. Въ этомъ же смыслѣ можно толковать одно слово въ Послѣсловіи къ Остромирову Евангелію: дьяконъ Григорій обращается къ тому, **иже горазднѣе сего напише; горазнѣе**, вѣроятно, надо понимать какъ фонетическое написаніе вмѣсто **горазднѣе**. Впрочемъ, можетъ быть, по ошибкѣ здѣсь выпущенъ цѣлый слогъ **дь**, хотя это невѣроятно при тщательности письма дьякона Григорія. Возможно и то, что указанное прилагат. имѣло болѣе простой суффиксъ **-нъ**, т. е. звучало не **горазднъ**, а **горазнъ**. (**Д** передъ **н** должно было выпасть).

Насчетъ случаевъ замѣны буквы **ъ** черезъ **о**, буквы **ь** черезъ **є**, намъ говорятъ Потебня и Колосовъ, что это указываетъ только на близость между звуками **ъ** и **о**, **ь** и **є**; такъ же, понятно, толкуютъ они и обратные случаи. Я полагаю, что такое толкованіе

[1]) Изслѣдованіе и изданіе текста сдѣлано Ант. Сем. Будиловичемъ: «XIII словъ Григорія Богослова».

совершенно неосновательно: на письмѣ вовсе не смѣшиваются буквы сходнаго значенія, а смѣшиваются буквы одного произношенія; напр. звуки *ы* и *и* весьма близки другъ къ другу, но невозможно, чтобы великороссъ написалъ бикъ вмѣсто быкъ: такъ можетъ написать малороссъ, у котораго эти звуки слились въ одинъ, или иностранецъ. Подобнымъ же образомъ, хотя ä и e представляютъ довольно тонкіе оттѣнки одного и того же звука, но ни одинъ французъ не напишетъ вмѣсто слова été представляющаго e, ètè съ ä; нѣмецъ не смѣшаетъ словъ Thür дверь и Thier звѣрь, за исключеніемъ тѣхъ нѣмцевъ, которые смѣшиваютъ соотвѣтственные звуки.

Каковы же, спрашивается, свидѣтельства, которыя будто бы доказываютъ существованіе глухихъ гласныхъ въ сѣверновеликорусской рѣчи XIII столѣтія внутри словъ и даже въ исходѣ? Такіе слѣды намъ указываетъ въ сѣверновеликорусскихъ грамотахъ XII—XIV вв. Изм. Ив. Срезневскій; въ приложеніи къ «Мыслямъ объ исторіи русскаго языка» онъ помѣстилъ нѣсколько памятниковъ такого рода. Такова «Вкладная грамота преподоб. Варлаама Хутынскому монастырю»; три «договорныя грамоты Новгорода» XIII в.; «Новгородская купчая» половины XIV в. Особенно же богата свидѣтельствами въ этомъ смыслѣ «Договорная грамота Смоленскаго князя Мстислава Давидовича [1]) съ Ригою и Готскимъ берегомъ» (т. е. съ островомъ Готландомъ), 1228—1229 гг. Грамота эта существуетъ въ нѣсколькихъ спискахъ. Срезневскій очень напираетъ на то, что грамоты представляютъ памятники чистонароднаго языка; но по моему здѣсь есть преувеличеніе: конечно, языкъ грамотъ долженъ быть гораздо народнѣе языка священныхъ книгъ или другихъ памятниковъ, переписанныхъ съ южнославянскихъ подлинниковъ, вслѣдствіе чего русскій элементъ проглядываетъ только въ видѣ описокъ; грамоты, конечно, должны быть народнѣе поученій или житій писанныхъ въ Россіи по южнославянскимъ образцамъ; онѣ должны быть народнѣй лѣтописи составленной монахомъ; но все-таки вполнѣ народный языкъ въ

[1]) Мстиславъ Давидовичъ—сынъ Давида Ростиславича, внукъ Ростислава Мстиславича, правнукъ Мстислава Владиміровича, праправнукъ Владиміра Мономаха.

нихъ видѣть нельзя: необходимо думать, что въ старину всякій, какъ и теперь, старался писать по книжному. Вмѣстѣ съ тѣмъ, думаю, всякій въ извѣстной степени и умѣлъ такъ писать, потому что при самомъ обученіи грамотѣ познакомился съ книжнымъ, церковнымъ языкомъ. Впрочемъ, если даже признать существованіе свѣтской чисто-русской письменности, правописаніе ея не могло быть русскимъ, а было основано на церковномъ правописаніи и было полуславянскимъ; вѣдь и до сихъ поръ наше правописаніе не есть чисто-русское. Какія же въ нашихъ грамотахъ встрѣчаются доказательства гласности ъ и ь? А вотъ какія—выберу нѣсколько примѣровъ изъ грамоты Мстислава Давидовича (1228): **дълго**, гдѣ **о** стоитъ вмѣсто **ъ—дългъ**; **женъю** вм. **женою**, гдѣ **ъ** написанъ вм. **о**; **съръмъ** вм. **сорому**, два раза **ъ** вм. **о**; **вѣдомъ**, какъ форма средняго рода, т. е. вмѣсто **вѣдомо**. Какъ смѣшивали **ъ** и **о**, такъ смѣшивали **ь**, **є** и **ѣ**; мы читаемъ, напр. **берьго** вм. **берегъ**, вмѣсто **боудетъ—боудѣте** (тутъ кромѣ того вмѣсто **є** стоитъ **ѣ**); подобнымъ же образомъ въ формѣ **Смольнѣскъ** является **ѣ** вмѣсто **ь**; такимъ же образомъ въ словѣ **дѣютѣ** **ѣ** написанъ вмѣсто **ь—дѣють**. Еще мы встрѣчаемъ написанія **мьсто**, **посль**, гдѣ **ь** замѣняетъ **ѣ—мѣсто**, **послѣ**. По моему, уже на основаніи высказанныхъ раньше общихъ соображеній, такое смѣшеніе не доказываетъ существованія глухихъ, а напротивъ ихъ совпаденіе въ большей или меньшей степени съ чистыми. Если писецъ могъ написать **є** и **ѣ** вмѣсто **ь**, то, значитъ, онъ произносилъ ихъ одинаково. Слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что писецъ данной грамоты видимо мудрилъ, хотѣлъ писать похитрѣе. Нѣкоторую искусственность въ правописаніи этого памятника признаётъ и Колосовъ, и признать ее необходимо уже потому, что другіе современные списки [1]) той же грамоты не представляютъ такой путаницы. Нѣсколько затруднять насъ можетъ то обстоятельство, что иногда въ этой грамотѣ является **о** тамъ, гдѣ мы не ожидаемъ никакого звука, такъ мы имѣемъ написанія **берьго**, **дъго**, гдѣ буква **о** стоитъ на мѣстѣ онѣмѣвшаго **ъ**; но разъ писецъ отожествлялъ буквы **ъ** и **о**, то могъ написать и «нѣмой» **о**. Едва-ли въ этомъ случаѣ слѣдуетъ при-

[1]) Всѣхъ списковъ существуетъ 5, существовало даже 6, но одинъ изъ нихъ пропалъ.

бѣгать къ объясненію окончанія **о** изъ древнѣйшаго окончанія именительнаго падежа -os, д. б. утраченнаго еще въ праславянскомъ языкѣ.—При оцѣнкѣ стариннаго соотношенія между буквами **ъ** и **о**, **ь** и **є**, **ѣ** слѣдуетъ принимать во вниманіе и то, что иногда встарину могло происходить проясненіе тамъ, гдѣ впослѣдствіи установилось отсутствіе гласнаго. Выше мы видѣли написаніе **коудѣтє** вм. **коудѣть**; весьма возможно, что такія формы дѣйствительно существовали въ старинномъ языкѣ при извѣстныхъ условіяхъ. Мы уже ранѣе отмѣтили, что исходъ реченій тѣсно примыкаетъ къ зачину слѣдующихъ за ними, и что настоящій исходъ существуетъ только въ паузѣ; поэтому и конечные **ъ** и **ь** въ составѣ предложенія могли, даже должны были имѣть одинакую судьбу со срединными. Въ одномъ памятникѣ мы читаемъ, напр., слѣдующее выраженіе **нє ѣ̈ъ ли стронтє свою тварь** (Хрест. Буслаева, Сборникъ «Златая Цѣпь»). Въ этомъ **стронтє** намъ нѣтъ надобности видѣть искусственное употребленіе **є** вмѣсто **ь**, и мы вполнѣ можемъ допустить, что **ь** передъ двумя согласными долженъ былъ по старѣйшей русской фонетикѣ проясниться, и что употребленіе въ такихъ случаяхъ обычнаго окончанія **т** или **т** объясняется позднѣйшимъ примѣненіемъ къ другимъ случаямъ. Возьмемъ еще подобное выраженіе. Мы не разъ въ грамотахъ встрѣчаемъ формулу: **пнсєць** (или **пнсьць**) **кнажь псалъ**. (Первоначально, конечно, слово **кнажь** представляло **ъ—кънажь**, а **пьсалъ** имѣло **ь**). Въ этомъ выраженіи должно было произойти проясненіе конечныхъ глухихъ, примыкающихъ къ группѣ слѣдующихъ согласныхъ: вѣроятно когда-то произносили ***пнсєцє кнажє псал**. Возможно также допустить, что формы ***пнсєцє**, ***кнажє**, развившіяся передъ группами согласныхъ, иногда употреблялись и помимо этихъ группъ.

Я изъ грамоты 1228 г. привелъ только такіе случаи, гдѣ Срезневскій отмѣтилъ смѣшеніе **ъ** и **о**, **ь** и **є** или **ѣ**, другіе случаи (смѣшеніе **ь** и **о**, **ъ** и **є**), яко-бы тоже свидѣтельствующіе о существованіи глухихъ, для нашего вопроса никакого значенія не имѣютъ. Иногда въ этой грамотѣ вмѣсто **ь** встрѣчается **о**, напр. **о̃ндєто** вм. **о̃ндѣть**; эта форма стоитъ въ выраженіи **о̃ндєто по кѣрымьнсмь**. **О̃ндєто** вм. **о̃ндѣть** можно объяснять тѣмъ, что подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго согласнаго произносилось твердое **т** вмѣсто мягкаго, и писецъ поставилъ **о** вмѣсто **ъ**. Что касается употребленіе **ь** въ

дат. над. **кѣрьмьнемь** вмѣсто ъ, то позволительно думать (если это не простая описка), что писецъ не умягчалъ конечныхъ губныхъ. Поясним̀ъ это примѣромъ изъ современнаго языка: кто произноситъ въ числит. с е м ь твердый *м*, но знаетъ, что пишется *мь*, тотъ, по этому образцу, можетъ наградить еремъ и сущ. ш л е м ъ. Иначе слѣдуетъ объяснять нѣкоторые случаи, гдѣ является **є** вмѣсто ъ. Во «Вкладной Варлаама Хутынскому монастырю» мы читаемъ **вдлѣ Варлѣмѣ** вм. **вдлъ Варлѣмъ**. Форму **Варлѣмѣ** можно признать звательнымъ падежомъ въ роли именительнаго, каковое употребленіе встрѣчается въ пѣсняхъ у Малороссовъ и Сербовъ и легко можетъ быть предположено для того періода Великорусской рѣчи, когда звательный сталъ замѣняться именительнымъ, но не былъ еще вовсе забытъ. Что же касается до «**вдлѣ**», то его естественно толковать, какъ **вдлъ ѥ**, **вдлъ ѥсть**, а тогда оно не только не свидѣтельствуетъ о гласности ъ, но свидѣтельствуетъ противъ нея, такъ какъ писецъ написалъ **вдл** безъ ъ. Какъ однако быть со свидѣтельствомъ малорусскаго нарѣчія, на которое особенно напираетъ Потебня? У Малороссовъ въ закрытыхъ слогахъ исконные **о** и **є** перешли въ *і*, замѣнители же глухихъ сохранились въ видѣ *о* и *е*; основное **попъ** звучитъ п і п, но основное **сънъ** будетъ с о н, а не с і н; **пєнь**, староцерковное **пєшть**, будетъ п і ч, но **дьнь** будетъ д е н ь, а не дінь. Разумѣется невозможно, чтобъ малорусская рѣчь произвела вторичное разграниченіе между ъ и о, ь и є, если бы эти звуки совпали въ общерусскомъ. Но всетаки нѣтъ надобности предполагать въ старорусскомъ существованіе глухихъ—надо только допустить, что, какъ слѣдъ этихъ звуковъ, существовала въ закрытыхъ слогахъ разница между древними ъ и о, ь и є. Эта разница, судя по языкамъ Чешскому и Сербскому, состояла въ долготѣ, и общерусскія формы были: п о̄ п, п е̄ т͡ш, но с о̆ н, д ӗ н̓. Возможно притомъ, что рано вмѣсто количественнаго различія явилось качественное, т. е. были оттѣнки звуковъ: исконное *о* могло быть ближе къ *у*, нежели вторичное; также исконное *е* могло быть ближе къ *і*, нежели замѣнитель еря. Мое мнѣніе о существованіи въ старѣйшемъ русскомъ языкѣ о̄ и е̄ въ соотвѣтствіе основнымъ *о*, *е*, и о̆, ѣ̆ въ соотвѣтствіе ъ и ь, напоминаетъ мнѣніе Буслаева, но далеко не совпадаетъ съ нимъ: по моему именит. по̄п долженъ былъ имѣть

при себѣ родит. по̄па, со̄н—сна, пе̄тъ̄—пе̄тъ̄ши, де̄нь—дне̄: по Буслаеву же выходитъ по̄по̆, родит. по̄па; со̄но̆, род. со̄на; пе̄чь, род. пе̄чи; де̄нӗ, родит. де̄нӗ.

Итакъ мы видимъ, что незачѣмъ приписывать старинному русскому языку особые звуки ъ и ь; однако въ одномъ случаѣ есть вѣроятность, что такіе звуки существовали—именно въ соединеніи съ р и л. Можно думать, что старинный языкъ имѣлъ фонему в ъ л к вм. позднѣйшаго в о л к, т ъ р г вм. позднѣйшаго т о р г, в ь р̓ х вм. позднѣйшаго в є р̓ х, ж ь л̓ т вм. позднѣйшаго ж е л т и далѣе ж о л т. Дѣло въ томъ, что при согласныхъ р и л буквы ъ и ь употребляются съ особенной правильностью, причемъ замѣчается еще явная склонность, въ противуположность староцерковному письму, ставить ъ и ь передъ р и л, а не позади, т. е. писать **кълкъ**, **кьрхъ** и т. д. Такой порядокъ звуковъ признанъ настоящимъ русскимъ порядкомъ; въ этомъ смыслѣ высказались Срезневскій, Колосовъ и Потебня. Колосовъ, между прочимъ, обращаетъ наше вниманіе на то, что въ замѣнѣ о и є черезъ ъ и ь замѣчается нѣкоторая постепенность. Онъ отмѣчаетъ, что «Житіе Бориса и Глѣба», въ рукописи XII вѣка, правильно удерживаетъ ъ и ь въ разсматриваемыхъ случаяхъ, тогда какъ другой списокъ, XIV в., замѣняетъ ихъ по новорусскому способу черезъ о и є. Правда, можно допустить, что старинные писцы при употребленіи сочетаній ър, ъл, ьр, ьл руководствовались довольно простымъ правиломъ, что въ созвучіяхъ ор, ол, єр, єл слѣдуетъ передъ согласными буквами изображать *о* и *е* черезъ ъ и ь. (Постановка этихъ знаковъ впереди плавныхъ, конечно, представляла несомнѣнную уступку русскому выговору). Такимъ образомъ возможно, что написанія ър, ъл, ьр, ьл, не вполнѣ выражали произношеніе, но есть одно вѣское соображеніе въ пользу пониманія Колосова. Если (какъ я теперь дѣлаю) приписывать праславянскому языку слоговые r и l, то теперешній русскій выговоръ т о р г восходитъ къ древнѣйшему tr̥gъ, и въ качествѣ переходной ступени между tr̥gъ и т о р г приходится предполагать фонему съ настоящимъ ъ внутри—т ъ р г: неестественно думать, чтобы r̥ прямо развился въ ор. Это соображеніе говоритъ въ пользу того, что когда-то существовали въ русскомъ языкѣ сочетанія ър, ъл. Подобнымъ же образомъ, какъ твердый r̥ долженъ былъ развиться прежде все-

го въ созвучіе ър, такъ мягкій р̓, въ какомъ-нибудь словѣ vr̓hъ, долженъ былъ дать фонему съ ь — вьр̓х, а потомъ уже теперешнее вѣр̓х. Изображеніе на письмѣ переходнаго выговора можно видѣть въ старорусскомъ написаніи **вьрьхъ** (рядомъ съ **вьрхъ**, **врьхъ**), гдѣ въ такомъ случаѣ второй ь есть «мягкій знакъ». Правда, такое написаніе можно толковать также, какъ сдѣлку между старорусскимъ и старославянскимъ правописаніемъ: желая угодить и тому и другому, писецъ могъ написать два ь, и впереди, и позади плавнаго. Въ пользу второго толкованія говорятъ такія написанія какъ **търъгъ** вмѣсто **търгъ** или **тръгъ**, гдѣ второй ъ едвали можно считать «твердымъ знакомъ». Выводя *ер* въ такихъ словахъ, какъ верхъ, изъ р̓, при посредствѣ созвучія ьр̓, мы можемъ понять, почему въ нихъ *р* мягкій. (Гротъ безо всякаго основанія утверждаетъ, что мягкость вызвана предшествующимъ *е*). Мягкость въ такихъ словахъ мы видимъ и въ языкѣ польскомъ, гдѣ слово вєр̓х звучитъ wierzch съ г шепелявымъ, указывающимъ на основное р̓. Гдѣ русскій языкъ вмѣсто древняго р̓ представляетъ созвучія съ твердымъ р, тамъ надо видѣть позднѣйшее отвердѣніе; какое-нибудь прилагательное с̀м̀ѣртнъй замѣнило первоначальное с̀м̀ѣр̓тнъй: т̀ уподобилось звуку *н*, р' уподобилось ставшему твердымъ звуку *т*, и узкое *е* передъ твердымъ *р* стало широкимъ. Отмѣтимъ, однако, что есть нѣкоторыя слова, гдѣ вмѣсто р̓ является слогъ ёр, котораго мы совсѣмъ бы не ожидали. Мы имѣемъ глаголъ м̀ѐрзнут̀ (старославянская форма **мрѣзнѫти**) — мы ожидали бы выговора м̀ѣрзнут̀, который, правда, существуетъ, но только въ областной рѣчи. Также вмѣсто произношенія т̀͡шѐрнъй должно бы быть т̀͡шѣрнъй. Впрочемъ соотвѣтственно этому мы и по-польски находимъ *marznąć*, *czarny*, какъ *targ*, т. е. съ замѣною р̓, равною р. Приходится думать, что здѣсь уподобленіе произошло еще до утраты слоговыхъ согласныхъ: р̓ перешолъ въ р твердый, который затѣмъ раздѣлилъ судьбу искони твердаго р.

Сторонники существованія въ старинномъ русскомъ языкѣ глухихъ гласныхъ приводятъ нѣкоторые слѣды ихъ въ современномъ языкѣ; однако эти слѣды 1) всѣ являются въ соединеніи со звукомъ р, и 2) принадлежатъ къ тѣмъ случаямъ, гдѣ мы въ основномъ славянскомъ должны предполагать не р и l̥, а слоги ръ и

лъ, рь и ль. Это такія слова, въ которыхъ при *р* и *л*, въ соотвѣтствіе староцерковнымъ написаніямъ съ глухими ъ и ь, является въ новославянскихъ языкахъ проясненіе или выпаденіе глухихъ на общемъ основаніи, причемъ гласный стоитъ позади плавнаго; значитъ, напримѣръ, слово к р о ф', основное **крькъ**, п л о т—**плъть**, к р е с т—**крьстъ**, п л е в а т—**плькати** [1]). Въ нѣкоторыхъ изъ подобныхъ словъ областная рѣчь представляетъ отсутствіе гласнаго, которой имѣется въ обыкновенной рѣчи; такъ, у Карпатскихъ Малороссовъ являются фонемы—т р с т и́ н а, к р т и́ ц я (к р о т ъ), к р т о в и́ н а, к р с т и́ т и, вмѣсто чего также к с т и́ т и. Въ этихъ случаяхъ, кажется, *р* слога не составляетъ, но есть примѣры на *р* с л о г о в о й (или на *р*, предшествуемый глухимъ гласнымъ); у Галицкихъ малороссовъ мѣстами встрѣчаются фонемы въ родѣ: к ъ р в а́ в ы й, к ъ р т о в и́ н а. Видѣть въ такихъ словахъ остатокъ г и л намъ, конечно, не приходится: думать, чтобъ г вторичнымъ образомъ между двухъ согласныхъ превратился въ неслоговый, нельзя; напротивъ, можно легко допустить, что согласный *р* между двухъ согласныхъ сдѣлался слоговымъ. Такимъ образомъ всѣ эти формы предполагаютъ выпаденіе ъ, послѣ котораго и *р* иногда подвергался выпаденію, какъ к с т и́ т и, а иногда становился слоговымъ. Это явленіе замѣчается и въ другихъ языкахъ. Староцерковному **ръжда**, русскому р ж а, представляющему выпаденіе ъ, по-сербски соотвѣтствуетъ р̀ђа. (Удареніе здѣсь оттянуто—первоначально было р ђ а̏; *р*, ставши слоговымъ, впослѣдствіи получилъ и удареніе).

Итакъ, западно-малорусскія слова, яко-бы представляющія слѣдъ слогового *р*, вовсе не представляютъ такого слѣда: онѣ восходятъ къ фонемамъ со слогомъ **ръ**. Нѣтъ притомъ надобности (какъ хотѣли нѣкоторые ученые) говорить о вліяніи на Карпатскихъ Малороссовъ ихъ сосѣдей, Словаковъ, въ языкѣ которыхъ существуетъ г.

Изъ согласнаго *р* и согласнаго *л*, замѣнившихъ древнѣйшіе слоги **ър** и **ьр**, при посредствѣ г и л слѣдуетъ выводить также слоги ir и il, представляющіе, повидимому, приставочное i. Такое i мы

---

[1]) См. мои «Грамматическія замѣтки»—«О слоговомъ р и л у Славянъ», стр. 92—94. (Въ 1 изд. 94—95=Р. Ф. В., т. VIII, стр. 196—197).

видимъ, напр., въ малорусскомъ іржáти вм. ржáти, ірвáти вм. рвáти, ільнý вм. льну, Ільвíв вм. Львовъ. Подобныя созвучія существуютъ также въ великорусской областной рѣчи, напр. иржá вм. ржа, ильгóта вм. льгóта, ильстéцъ вмѣсто льстецъ. Слѣдуетъ предполагать, какъ переходную ступень, формы съ р̥ и л̥, гласный элементъ которыхъ затѣмъ прояснился въ і. Это то же самое, что мы видѣли въ сербскомъ словѣ р̀ѣка: и наше іржáти по-сербски р̀зати, ірвáти—р̀вати [1]). Такое же объясненіе, какъ въ только что приведенныхъ словахъ, слѣдуетъ давать для звука і въ бѣлорусскихъ косвенныхъ слова кровь. Кровь побѣлорусски будетъ кроў, род. кр̀ов'й. Я полагаю, что первоначальный родительный **крькн** [2]), съ выпаденіемъ ъ, далъ прежде всего форму крьви, т. е. ту же форму, какая доселѣ живетъ у Поляковъ (krwi); подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго согласнаго р сдѣлался мягкимъ — кр̀в'й, потомъ онъ сталъ слоговымъ, и явился выговоръ к р̥в'й, подобнымъ же образомъ, какъ у Сербовъ кр̀ви, и наконецъ превратился въ слогъ *ри* — кр̀ив'й. Аналогія съ раньше приведенными случаями неполная: тамъ мы видѣли появленіе гласнаго элемента впереди плавнаго, тутъ онъ появляется позади его.

Обратимся теперь къ вопросу о существованіи въ русскомъ языкѣ *носовыхъ гласныхъ*.

Мы уже отмѣтили, что въ самыхъ раннихъ памятникахъ букву ѫ смѣшивали съ оу, а букву ѧ—съ ѭ и ѩ. Правда, по словамъ Буслаева, русскій языкъ долженъ былъ имѣть нѣкогда юсы, потому что представляетъ чередованіе оу и ѭ съ носовыми согласными, какъ дуть—надменъ, племя—племени; однако это не доказываетъ существованія юсовъ въ русскомъ языкѣ, а только

---

[1]) Что касается несоотвѣтствія въ глаголѣ ржать-рзати звуковъ *ж* и *з*, то его должно объяснять отступленіемъ отъ старины языка русскаго: первоначальною формою надо считать ръзати, наст. ръжѣши, глаголъ азово-ітовый, т. е. имѣющій въ инфинитивѣ примѣту а, въ настоящемъ j; русскій языкъ переиначилъ инфинитивъ примѣнительно къ настоящему.

[2]) Что древнѣйшее окончаніе было не ѣ, а є, для насъ теперь безразлично.

существованіе ихъ въ праславянскомъ. Незачѣмъ даже говорить вмѣстѣ со Срезневскимъ, будто *у* и *я*, замѣнившія юсы сохраняли способность превращаться въ *сн* и *ем*: тутъ чередованіе происходитъ лишь по преданію. Иные однако искали въ русскомъ языкѣ остатковъ носовыхъ гласныхъ. Возможность найти такіе остатки по моему надо отвергать уже теоретически: разъ существуетъ звуковой законъ превращенія ѫ въ оу, а ѧ въ ѩ, то всѣ юсы должны были подвергнуться этому измѣненію и изчезнуть. Буслаевъ указываетъ сохраненіе носового произношенія въ словѣ Венгры; но очевидно только по недосмотру, такъ какъ самъ въ другомъ мѣстѣ признаётъ, что это слово заимствовано съ польскаго Węgrzy, гдѣ ę—правильная замѣна ѫ; древняя органическая русская форма была Угре (теперешнее Угры представляетъ намѣренное возвращеніе къ старинѣ). ѧ будто бы сохранился въ глаголѣ бренчáть, при которомъ стоитъ старославянск. форма брѧцати. Однако бренчать надо толковать иначе: въ немъ и звукъ *ч* не соотвѣтствуетъ старославянск. ц; бренчать, очевидно, въ старославянск. было бы брьньꙗти, предполагающее какое-нибудь сущ. въ родѣ *брьньць, которое съ брѧцати имѣетъ общій корень брьн. Еще усматриваютъ сохраненіе носового элемента въ малорусск. н́а, которое является иногда вм. ’*а* послѣ губныхъ. Существуетъ напр. малорус. выговоръ мн́áсо вм. обыкновеннаго мjáсо изъ основного мѧсо; однако *н* въ этой формѣ нельзя считать остаткомъ пригнуски: вѣдь онъ не слѣдуетъ за гласнымъ элементомъ и не сопровождаетъ его, а предшествуетъ ему. Кромѣ того фонема мн́áсо представляетъ правильную замѣну ѧ черезъ ’*а*, а *н* въ ней самъ по себѣ. Надо думать, что въ такихъ созвучіяхъ развился прежде всего j, изъ м́áсо вышло мjáсо, далѣе j, уподобившись предшествующему носовому согласному, перешелъ въ носовой же мягкій согласный—*н*. Такія же слова, какъ мн́áсо, т. е. представляющія слогъ мн́а вм. м́а изъ древняго мѧ, суть: румня́ний, мня́кий, мня́та, по́ломня, і́мня (імня́), сі́мня, пле́мня. Мы такимъ образомъ видимъ, что слѣды носовыхъ гласныхъ, усматриваемые въ русскомъ языкѣ, суть мнимые. Однако въ пользу существованія юсовъ въ старѣйшемъ русскомъ языкѣ можно, вслѣдъ за *Соболевскимъ*, сослаться на нѣкоторыя слова, заимствованныя у Германцемъ. Таково народное названіе Варяг (произ-

носимое въ старину, вѣроятно, съ удареніемъ на начальномъ слогѣ). Основная герм. форма этого слова была varing; передача герм. in черезъ русское *'а* весьма странна, и для объясненія ея удобно предположить, что первоначально Русскіе изъ in сдѣлали ѧ, который затѣмъ уже перешелъ въ *я*. Если это такъ, то надо приписать старѣйшему русскому языку носовые гласные. Но возможно, что слово варяг и ему подобныя заимствованы не прямо отъ Норманновъ, а при посредствѣ какихъ-нибудь Славянъ, знавшихъ носовые гласные. Можетъ быть также, что это слово взято у Византійцевъ, гдѣ оно звучало βάραγγος; греч. га со среднимъ согласнымъ, Русскіе могли передать не только черезъ *ра* но и черезъ *ря*. Вмѣстѣ съ тѣмъ опущеніе носового элемента, который передъ согласнымъ въ старинномъ русскомъ языкѣ не встрѣчался, вполнѣ понятно; это подобно просторѣчному выговору а́глицкій вм. а́нглійскій. Такимъ образомъ замѣна герм. in по-рус. черезъ *я* говоритъ отчасти въ пользу существованія въ русск. языкѣ ѧ. Но не имѣютъ никакой силы тѣ случаи, гдѣ по-русски является оу вм. сканд. un; слово соудъ заливъ, изъ герм. sund, конечно, можно объяснять просто опущеніемъ звука *n*. Такимъ образомъ, по-моему, мнѣнія Соболевскаго, что въ старѣйшемъ русскомъ языкѣ существовали юсы, нельзя принимать прямо и рѣшительно.

Обратимся теперь къ одному звуковому явленію, которое помѣщается въ числѣ отличительныхъ примѣтъ русской рѣчи, такъ какъ имъ русскій языкъ довольно рѣзко отличается отъ прочихъ славянскихъ языковъ. Это—появленіе зачиннаго *о* вм. инославянскаго *je*, т. е. та особенность, какую представляетъ, напр., слово олéнь при староцерк. **ѥлень**, серб. јèлен, словен. jêlen (съ *е* широкимъ; широкій выговоръ обозначается иногда циркумфлексомъ), по-чеш. jelen, по-поль. jeleń, также и по-лужиц. jeleń. Такимъ же образомъ слово óзеро въ староцерк. формѣ будетъ **ѥзеро**, по-серб. је̏зеро, по-словен. jézero, по-болг. éзеро [1]), по-чеш. jezero, по-поль. jezioro, по-верхнелуж. jězor, по нижнелуж. jazor (у Лужичанъ это слово муж. рода; кромѣ того у Нижнихъ Луж.

[1]) Произносятъ језеро и эзеро. По-болг. вообще зачинное *е* колеблется между выговоромъ съ j и безъ j.

произошло вторичное расширеніе звука *е* въ *а*). То же явленіе представляетъ слово о́сень, староц. **ѥсень**, серб. је̏сен, по-словен. jesén, по-болг. е́сень, по-поль. jesień, по-словац. jesen. (Чехи, а также и Лужичане имѣютъ другое слово). Таково еще слово осётр, которое въ староц. формѣ будетъ **ѥсетръ**, по-серб. је̏сетра (жен. рода). Къ отмѣченнымъ нами словамъ на рус. *о* при инослав. *je* можно прибавить еще нѣкоторыя: мы видимъ старинное **одва**, которое имѣетъ другой обычный видъ — едва. Надо полагать, что вторая форма—книжная, во всякомъ случаѣ въ областной рѣчи существуетъ одва́. Еще сюда относятъ старинный союзъ **оже** что, если, отожествляя его со среднимъ родомъ относительнаго мѣстоим. **иже—ѥже** (ж. р. **иже**); но это **оже** можно, вслѣдъ за Соболевскимъ, въ его статьѣ посвященной разсматриваемому нами вопросу [1]), толковать иначе. Соболевскій сопоставляетъ **оже** съ другими старинными союзами: **оть** (при которомъ существуетъ равносильное ему **ать**) чтобы, **оли** даже и **ото**, **осе**, **оно** вотъ. Такимъ образомъ онъ усматриваетъ въ первой части союза **оже** особое мѣстоименіе *о*, которое входитъ въ составъ всѣхъ этихъ словъ, соединяясь съ другими мѣстоименіями; но этому толкованію **оже** и **ѥже** сходны только во второй части, а первая часть различна.

Что-же, спрашивается, древнѣе, русское ли зачинное *о* или инославянское *je*?—На этотъ вопросъ ученые довольно согласно отвѣчаютъ, что *о* вторично. Буслаевъ въ своей «Исторической грамматикѣ» видитъ здѣсь «одинъ изъ случаевъ замѣны мягкихъ гласныхъ церковнославянскихъ твердыми». Срезневскій въ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка» говоритъ о «перемѣнѣ коренного є въ о въ началѣ словъ». Ни тотъ, ни другой, впрочемъ, подробно вопроса не разсматриваетъ; дольше на немъ останавливался Колосовъ. Колосовъ во введеніи къ своему «Очерку исторіи звуковъ и формъ русскаго языка» [2]) высказывается въ такомъ смыслѣ, что инославянская огласовка древнѣе русской, что однако *j*,

---

[1]) Статья Соболевскаго напечатана въ Р. Ф. В., томъ VIII; озаглавлена она: «Русское начальное о=ц.-слав. **ѥ**».

[2]) Изложу здѣсь колосовскую теорію; возраженія же противъ нея приведу ниже, при изложеніи воззрѣній Ягича и Потебни.

вѣроятно, вторичный, а первоначально было просто *е*, изъ котораго можно-де выводить съ одной стороны *о*, а съ другой *je*. Доказательства въ пользу такого взгляда слѣдующія: 1) звукъ *е* является также у Литовцевъ: при рус. о л е́ н ь, старослав. **ѥлень**, стоитъ лит. élnis; при о́ з е р о, **ѥзеро**—ẽžeras прудъ. (Этимъ примѣромъ замѣняю неудачный Колосовскій примѣръ, который намъ встрѣтится ниже); 2) всѣ остальные славян. языки согласуются со старослав., а не съ рус.; 3) самъ рус. языкъ представляетъ свидѣтельство о вторичности звука *о* въ собственныхъ именахъ заимствованныхъ съ греч., какъ О л е н а изъ Ἑλένη, О в д о т ь я изъ Εὐδοκία. Примѣры мой—у Колосова приводится неудобный примѣръ **олѣи** вм. **ѥлень**, произошедшее-де изъ греч. ἔλαιον [1]). За бо́льшую древность звука *е* рѣшительно высказывается также Я г и ч ъ въ упомянутой уже раньше статьѣ о разширеніи узкихъ гласныхъ («О перегласовкѣ звуковъ е, ѣ, ę»). Ягичъ думаетъ, что основное jelenь могло дать сначала jolenь, а потомъ olenь съ утратой *j*. Конечно, это толкованіе весьма неудобно: 1) приходится допустить разширеніе *е* не передъ твердымъ согласнымъ, а передъ мягкимъ, 2) приходится предположить утрату зачиннаго *j*—также явленіе необычное для рус. языка. Одно изъ затрудненій мы могли бы отчасти устранить, исходя отъ Колосовской безпризвучной формы elenь; но почему тогда произошло разширеніе, которое происходитъ передъ твердыми согласными *послѣ мягкихъ*? Позволительно ли предполагать, что зачинное *е* имѣло ту же судьбу, какъ *е* послѣ мягкихъ? Противъ этого говоритъ междометіе э (срв. стран. 12), но не особенно рѣшительно, т. к. оно, именно какъ междометіе, могло быть на особомъ положеніи. Да и построеніе безпризвучной формы elenь нѣсколько неудобно, потому что всѣ славян. языки единогласно указываютъ на *j* (только въ болг. языкѣ мы здѣсь, какъ отмѣчено выше, замѣчаемъ колебаніе). По поводу Колосовскаго «Очерка» разсматриваемый вопросъ былъ опять поднятъ

[1]) Слово это является въ такомъ видѣ во всѣхъ славянскихъ языкахъ: въ старослав. **олѣи** (хотя тамъ встрѣчается и **ѥлеи**), въ словен., чеш., поль.—olej, у Нижнихъ Луж.—volej, у Верхнихъ Луж.—volij, по-серб. **о̀лај**; поэтому естественно думать, что оно взято не съ греческаго, а съ латинскаго (oleum).

Потебнею въ «Замѣткахъ по исторической грамматикѣ русскаго языка» [1]). Потебня здѣсь высказывается въ пользу того, что ни *e* не происходитъ изъ *o*, ни наоборотъ, а что оба восходятъ къ одному древнѣйшему *a*. Лит. *e*, на которое ссылается Колосовъ, можно де признать вторичнымъ варьянтомъ *a*—лит. рѣчь рядомъ съ *e* представляетъ также и *a*: существуетъ колебаніе между erẽlis и arẽlis орелъ, между elkúnė и alkúnė локоть, между esmì и asmì. Примѣры эти не особенно удачны: они не представляютъ такихъ словъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь. Впрочемъ весьма вѣроятно, что тамъ, гдѣ произносятъ arẽlis, alkúnė, asmì, могутъ произнести и *álnis вм. élnis. Насчетъ доказательности лит. словъ со звукомъ *e* для нашего вопроса Потебня, разумѣется, неправъ: если говорить, что какое-нибудь erẽlis есть вторичное лит. измѣненіе основного arẽlis, то этимъ предполагается, что въ славянолит. языкѣ не существовало еще звука *e*, а было, вмѣсто позднѣйшаго *o* и *e*, одно *a*. Больше,—Потебнѣ при его взглядѣ на занимающій насъ вопросъ даже праславянскому приходится приписать вмѣсто *o* и *e* одинъ звукъ *a*; между тѣмъ и по теоріи Гримма, Боппа и Шлейхера, хотя въ праязыкѣ было одно *a* вмѣсто «позднѣйшихъ» *a*, *e*, *o*, но существованіе звука *e* всетаки признавалось для общеславянскаго и уже для славяно-литовскаго. Поэтому выговоръ arẽlis, alkúnė, asmì слѣдуетъ считать вторичнымъ: *e* въ областной рѣчи перешло въ *a*. Кромѣ того эти слова, кажется, представляютъ неточность правописанія: въ нихъ чуть-ли не слышится всетаки *e*, только весьма широкое, близкое къ *a*. Надо такимъ образомъ признать, что литовское *e* говоритъ-таки въ пользу древности инославянской огласовки и противъ русской. Кромѣ того этотъ взглядъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ языкахъ. Такъ можно сослаться на греч. ἔλαφος, равное основному elnbhos, которое первыми тремя звуками совпадаетъ съ лит. élnis; при ἔλαφος по-греч. мы имѣемъ еще ἐλλός (изъ *ἔλνός) молодой олень; также старонѣм. elah лось своимъ первымъ слогомъ совпадаетъ съ греч. и лит. фор-

[1]) Жур. Мин. Нар. Просв. въ 1873—74 г.; въ 75-мъ г. онѣ вновь появились въ нѣсколько измѣненномъ и дополненномъ видѣ въ Фил. Зап., а также отдѣльнымъ оттискомъ. Онѣ составляютъ первую часть сборника статей «Къ исторіи звуковъ русскаго языка»).

мой и говоритъ въ пользу *е*. Подобнымъ же образомъ находитъ себѣ соотвѣтствіе въ германскихъ языкахъ слово ѣльха, рус. ольха: нынѣшнее нѣмецкое названіе Eller, въ старонѣм. было elira, для котораго можно построить основную форму elisā, совпадающую съ основной формой для слав. ѣльха. Теорія Потебни возобновлена Миклошичемъ. Миклошичъ во второмъ изданіи своей «Сравнительной фонетики», въ 1879-мъ г., также возводитъ русское *о* и инославян. *je* къ одному древнѣйшему *a*. И еще позднѣе, въ 82-мъ г., Соболевскій въ упомянутой выше статьѣ выставляетъ тоже ученіе. Однако, если Потебнѣ въ 74-мъ г. (при господствѣ старой теоріи праязычнаго вокализма) было позволительно дѣлать подобное предположеніе, то Миклошичъ и Соболевскій, повторяя его, поступили весьма странно и неосновательно.—Потебня кромѣ уже указаннаго дѣлаетъ также другое возраженіе Колосову. Онъ указываетъ на существованіе начальнаго *о* вм. *je* у другихъ Славянъ. Такъ, у Словенцевъ есть слово omela (рус. омёла), въ словацкомъ нарѣчіи чеш. языка—omelie (сущ. собирательное), тогда какъ поль. языкъ представляетъ jemiel или, съ окончаніемъ сходнымъ съ рус. и словен.,—jemioła; въ чеш.—jemela, у Верхнихъ Лужичанъ—jemelina, у Нижнихъ Луж.—также jemelina или hemelina. Слово это мы находимъ также со звукомъ i: въ стороц. отмѣчена форма имѣла, въ болг. является имéла, въ серб. — имела (или мѐла, съ безгласнымъ корнемъ), въ чеш. имѣется собирательное сущ. jmělí, которое, возведенное къ старослав. звукамъ, будетъ имѣлиѥ. Формы въ родѣ сербскихъ видимо объясняются сближеніемъ этого слова съ глаголами имати (хватать, ловить) и мести. Далѣе Потебня указываетъ на существ. ольха. *Е* въ этомъ словѣ представляютъ только южнослав. языки, причомъ одинъ изъ нихъ колеблется между *е* и *о*: мы видимъ болг. елхá, серб. јóха [1]), а по-словенски jelša, olša и jolša. (Jolša естественно считать плодомъ сдѣлки между первыми двумя форма-

[1]) У Сербовъ мы видимъ *о*, но это *о* не слѣдуетъ отожествлять съ рус. *о*: јóха есть стяженная форма: јельхà дало ближайшимъ образомъ јелхà; *л* по серб. фонетикѣ, имѣя передъ собой гласный и не имѣя его за собой, превращается въ *о*, такъ что изъ јелхà вышло јеохà, затѣмъ съ переносомъ ударенія—јеòха, и наконецъ со стяженіемъ—јóха.

ми). Нѣчто похожее на jolša знаетъ и рус. областная рѣчь: какъ владим. и вят. отмѣчено j о л х а вм. о л ь х а, какъ нижегород. отмѣчено j е л о́ х а; эти рус. формы, какъ мнѣ кажется, удобнѣе всего объяснять сближеніемъ со словомъ j о́ л к а. Сѣверозап. славяне въ словѣ о л ь х а имѣютъ *о*, какъ Русскіе: Поляки говорятъ olcha и olsza; остальные сѣверозап. славяне употребляютъ съ обыкновенными измѣненіями вторую изъ этихъ формъ: у Чеховъ—olše, у Лужичанъ—volša, въ языкѣ вымершихъ Полабскихъ славянъ—vülsa. Подобное же слово, какъ о л ь х а и о м ё л а, есть словенская множи́нница olita кишки: при немъ стоитъ серб. jѐлито; это слово существуетъ также у Нижнихъ Лужич.—jelito сычугъ (одинъ изъ желудковъ жвачныхъ). Еще Потебня указываетъ на словен. odvaj едва. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ появленіе звука *о* у западныхъ Славянъ мнѣ казалось бы возможнымъ объяснить сближеніемъ начальнаго слога съ предлогомъ *о*,—замѣною не имѣющаго никакого значенія *е* знаменательнымъ *о*: какое-ниб. *edvaj легко было переиначить въ odvaj, усмотрѣвъ въ первой части предлогъ, а во второй числительное; *elita могло разложиться въ народномъ сознаніи на *е*, корень li и суффиксъ ta, послѣ чего *е* могли замѣнить предлогомъ *о*. Какое-ниб. словен. olša, кажется, можно сопоставить съ сущ. lišej лишай, такъ что о л ь х а въ такомъ случаѣ стала бы пониматься, какъ покрытая лишаями. Позволительно такимъ же образомъ объяснять и рус. *о* на мѣстѣ инославян. *е*: можетъ быть, въ какомъ-ниб. словѣ е л е н ь въ первомъ слогѣ усмотрѣли предлогъ и возстановили его въ видѣ *о*. Въ пользу такого нефонетическаго объясненія говоритъ то обстоятельство, что рус. языкъ въ иныхъ словахъ знаетъ зачинное сочетаніе je, въ чистомъ видѣ, или со вторичнымъ измѣненіемъ. Вѣдь существуютъ же слова j е л̀, j о́ л к а, j о ш, j и ш̏ т̏ ш̏ о́, косвенные падежи къ мѣстоименью он, она: j и м у́, j и й о́, j е́ й у, не переходя въ о л̀, о́ л к а и т. д. Одно изъ этихъ словъ впрочемъ встарину, какъ будто, подвергалось такому измѣненію: слово ёжъ въ спискѣ Даніила Заточника, XV ст., является въ начертаніи **ожъ** (Колосовъ приводитъ его въ примѣръ на рус. *о* при инослав. и литов. *е*—**ежь** и ežỹs); но мы, вслѣдъ за Потебней, лучше будемъ толковать это **ожъ**, какъ попытку изобразить созвучіе jo: писецъ, не желая писать *е* вм. *о*, вѣрно изобразилъ гласный элементъ,

пренебрегши согласнымъ [1]). Относительно словъ ель, ёлка и т. д. я могъ бы сказать, что въ нихъ нельзя было усмотрѣть предлога, и оттого они остались непереиначенными. Впрочемъ надо признаться, что одно изъ этихъ словъ легко могло бы примѣниться къ предлогу—это нарѣчіе ещё, которое могло быть понято, какъ о что; и дѣйствительно существуетъ областная (олонецкая) форма ощё. Но съ другой стороны, кажется, можно допустить, что нарѣчіе ещё чувствовалось въ связи съ глагольною формою есть, и что такая связь могла сохранить его отъ переиначенья.

Противъ третьяго довода Колосова въ пользу первенства звука *е* Потебня не выставилъ возраженій, но противъ этого пункта споритъ Соболевскій, въ упомянутой статьѣ. Соболевскій хочетъ выдѣлить изъ числа занимающихъ насъ случаевъ слова пришлыя. Онъ указываетъ нѣкоторые примѣры появленія начальнаго *о* вмѣсто *е* въ памятникахъ болгарской редакціи. Таково слово **ѡѡноплѣнныѫ** (Эеіопъ—Аіѳіоψ) и собственное имя **Орьмиин** (описка вм. **Орьмионн**), греч. Ἑρμιόνη. Вмѣстѣ съ тѣмъ [2]) Соболевскій ссылается на мѣстный греческій выговоръ, представляющій *о* вм. начальнаго *е*: существуютъ областныя греч. формы охтро́с и о́ргон вм. ἐχθρός и ἔργον. Однако весьма сомнительно, вправѣ ли мы приводить русскія измѣненія такихъ именъ, какъ Олена, и единичные болгарскіе случаи въ связь съ греч. областнымъ явленіемъ. Еслибы Соболевскій указалъ намъ греческія имена Олени, Овдокіа, тогда, конечно, надо бы принять его взглядъ, но ихъ не встрѣчается. Въ отдѣльныхъ болгар. случаяхъ можно видѣть или описки, или руссизмы, или такое же осмысленье начальнаго *е* въ предлогъ, какое я предположилъ раньше. Впрочемъ насчетъ того, что собственныя имена, въ родѣ Олёна, слѣдуетъ выдѣлять въ особую группу, чуть ли не должно согласиться съ Соболевскимъ. Замѣна зачиннаго *е* или *je* черезъ *о* произошла еще въ доисторическое время, и врядъ ли Русскіе, заимствуя такія имена въ IX—X ст., могли передѣлать ихъ фонетически. Приходится кажет-

[1]) Впрочемъ въ пользу существованія, рядомъ съ фонемою ёж, разновидности ож можно сослаться на малорусское ожи́на ежевика.

[2]) Въ той же статьѣ и въ дополнительной замѣткѣ «Къ вопросу о русск. начальномъ *о*=ц.-слав. ѥ.» Р. Ф. В., т. XIII, стр. 140—141.

ся допустить, что выговоръ Олена возникъ по образцу колебанія между формами книжными и народными: употребляя просторѣчное олень при книжномъ јелень, можно было и вмѣсто собственнаго имени **Ѥлена** произнести на русскій ладъ Олена.

Высказавъ, по поводу возраженій сдѣланныхъ Потебнею Колосову, что начальное *о* при инославянскомъ *je* могло появиться путемъ осмысленія, считаю нужнымъ оговорить, что такое объясненіе удобно далеко не во всѣхъ словахъ, и что едвали не слѣдуетъ въ извѣстномъ смыслѣ принять объясненіе Потебни, Миклошича и Соболевскаго, а именно признать, что *е* и *о* одинаково древни. Конечно, мы не станемъ ихъ возводить къ одному *а*, развившемуся на славянской почвѣ безо всякой причины то въ *е*, то въ *о*, а должны будемъ предположить, что здѣсь сохранилось весьма древнее (праязычное) колебаніе—подобное же колебаніе, какое представляетъ глагольная форма **берж** при сущ. **нѯ-боръ**, греч. φέρω и φόρος, лат. tĕgo и tŏga. На существованіе подобнаго колебанія повидимому указываетъ сущ. **лан҃ь** олениця, стоящее рядомъ съ **ѥлень**. Такъ какъ при слав. словѣ **лакъть**, стоитъ лит. alkúnė, при слав. **лакати** (имѣющемъ, впрочемъ, побочную форму **алъкати**)—álkti, то и **лан҃ь**, возведенное къ основнымъ звукамъ, будетъ olnī. Образованіе это такое же, какъ санскр. vṛkī́ волчица, при vṛ́kas волкъ. Основѣ **ѥлен** въ словѣ **лан҃ь** противуполагается, значитъ, oln. Колебаніе въ основѣ слѣдуетъ предположить и для самаго слова **ѥлень**; оно ужъ и было предположено Лескинымъ, въ статьѣ, помѣщенной въ III т. Архива Славянской филологіи—«Слѣды разноступеннаго склоненія въ славянскомъ и въ литовскомъ: Spuren der stammabstufenden Declination im slavischen und litauischen». Отъ слова **ѥлень** встрѣчаются нѣкоторыя формы, указывающія на согласную основу; мы имѣемъ, напр., род. **ѥлене**; въ виду этого можно думать, что основа кончалась первоначально на **н**, и что имен. над. былъ ***ѥлы**, какъ **камы**. Корень тутъ, значитъ, **ѥл-** и суффиксъ **-ен-**, но суффиксъ **-ен-**, какъ видно изъ языка греч. и санскр., есть суффиксъ разновидный, т. е. онъ принимаетъ разный видъ, смотря по падежамъ, по-греч. мы имѣемъ напр. слово λιμήν, въ имен. η, въ род. ε—λιμένος, производное же сущ. λίμνη представляетъ одинъ только ν. Подобнымъ же образомъ санскр. основа rā́džan царь образуетъ имен. rā́džā, вин. rā́džānam,

зват. rā́džan, род. rā́džn̄as (вм. an здѣсь просто n, мягкій, въ примѣненіи къ предшествующему dž). Подобное же колебаніе огласовки встрѣчается и въ другихъ суффиксахъ; такъ, извѣстно колебаніе между ēr, ĕr, и r, какое мы имѣемъ въ греч. πατήρ, πατέρα, πατρός и въ санскр. формахъ pitā́, вин. pitáram, дат. pitré. Такія колебанія слѣдуетъ предположить уже въ праязыкѣ, т. е. праязыку слѣдуетъ приписать у нѣкоторыхъ словъ оттѣненіе или разноступенность основы (по-нѣм. Stammabstufung). Итакъ слово **ѥлень** представляетъ основу на другой ступени, чѣмъ литов. élnis: основа слав. **ѥлень** такая же, какъ въ санскр. зват. rā́džan, а въ лит. élnis такая, какъ въ род. rā́džn̄as. Славянолитовское склоненіе слова **ѥлень** было élō, род. elnós, им. мн. elénes; послѣ Литовцы по всѣмъ падежамъ провели слабую основу eln, Славяне же—сильную elen. Разноступенность намъ приходится предполагать не только въ такихъ случаяхъ, когда имѣется настоящая тема, но и въ такихъ, гдѣ корень служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ темой—она, значитъ, можетъ состоять и въ различной огласовкѣ корня: такое колебаніе было свойственно основной формѣ лат. pēs, pĕdis и греч. ποῦς, ποδός (при πεζός); очевидно въ праязыкѣ было въ однихъ падежахъ *e*, въ другихъ *o* (примѣрно: *pōs, pedós, pódm); Римляне провели по всѣмъ падежамъ *e*, а Греки—*o*. Такое же колебаніе м. б. позволительно предположить и для слова **ѥлень**, которое тогда содержало не только измѣнчивую наставку, но и измѣнчивый корень, и представляло формы olō, elnos, olenes или elenes, подравненіе которыхъ въ разныхъ направленіяхъ породило и русское олень, и иносл. јелень. У нѣкоторыхъ изъ занимающихъ насъ словъ, дѣйствительно можно указать въ родственныхъ языкахъ широкую огласовку корня. Таково слово осень, **ѥсень**, которое существуетъ въ готскомъ языкѣ въ значеніи жатвы и звучитъ asans, род. asanais (т. е. это основа на i=слав. ь); также въ старопрусскомъ мы находимъ assanis осень. Опять мы, значитъ, можемъ построить древнѣйшее склоненіе **осы**, **ѥсне**, им. мн. **ѥсене** или **осене**. Также и лат. alnus, можетъ быть, позволительно выводить изъ древняго *olnos, въ какомъ случаѣ оно представляетъ въ видѣ ol тотъ же корень, который по-слав. колеблется между *о* и *е* (ольха и **ѥльха**), а въ нѣм. Eller (elira) имѣетъ e. Къ только что изложенному объясненію зачиннаго *о* вм. *je* пришелъ и Богородицкій,

который впрочемъ говоритъ объ этомъ лишь мимоходомъ. Мнѣ удалось привести вамъ нѣкоторые доводы, но я всетаки не настаиваю рѣшительно на этомъ объясненіи. Можетъ быть, лучше всего сохранить рядомъ съ нимъ и другое, предложенное мною ранѣе, т. е. въ однихъ словахъ выводить нашу двойственность изъ праязычнаго колебанія, въ другихъ объяснять ее переиначеніемъ.

Перейдемъ теперь къ звуковому явленію, особенно характерному для русскаго языка, помѣщаемому съ полнымъ правомъ въ число отличительныхъ примѣтъ его—къ *полногласію*. Полногласіе есть терминъ, пущенный въ оборотъ Михаиломъ Александровичемъ Максимовичемъ, въ 30-хъ гг. Это названіе основано на невѣрномъ пониманіи самаго явленія: Максимовичъ усматривалъ въ русскомъ языкѣ сравнительно съ другими славянскими языками особенное обиліе гласныхъ, такъ что у него подъ понятіе полногласія подходили и такія слова, какъ волк при чеш. vlk. Въ этомъ смыслѣ онъ видѣлъ полногласіе и въ санскритскомъ языкѣ. Но отказываться отъ термина «полногласіе» незачѣмъ, потому что онъ успѣлъ получить условное, точное значеніе. Передавая своими словами формулировку, данную уже Петромъ Алексѣевичемъ Лавровскимъ, я опредѣляю полногласіе слѣдующимъ образомъ: полногласіе есть своеобразная огласовка плавно-чистыхъ созвучій—появленіе двухъ *о* или двухъ *е* по сторонамъ плавнаго (*р* или *л*), который въ другихъ славян. языкахъ слѣдуетъ за согласнымъ и имѣетъ за собой звуки *а* или *ъ*, либо *о* или *е*. То, что въ другихъ славян. языкахъ рус. полногласію соотвѣтствуетъ сочетаніе плавнаго съ *а* или *ъ*, слѣдуетъ понимать не буквально: звука *ъ* ни въ одномъ славян. языкѣ, кромѣ староцерк. и праслав., не существуетъ, а существуетъ лишь его отраженіе въ томъ или другомъ видѣ, такъ что новославян. языки, представляющіе *ъ* вм. двухъ русскихъ *е*, имѣютъ собственно не *ъ*, а его замѣну. Наконечная огласовка плавно-чистыхъ созвучій, притомъ съ *а* и съ *ѣ*, свойственна, какъ извѣстно, языку староцерковному, кромѣ того мы ее видимъ въ языкахъ южнославян. — въ болгарскомъ сербскомъ и словенскомъ, и въ одномъ сѣверозападномъ языкѣ— въ чешскомъ. Такимъ образомъ вмѣсто рус. борода́ является староцерк. брада, болг. брада́, серб. бра́да, словен. bráda, чеш. brada. Русскому голова́ соотвѣтствуетъ староцерк. глава,

болг. г л а в á, серб. г л á в а, словен. gláva, чеш. hlava. Русской формѣ м е р ё ж а (сѣть) соотвѣтствуетъ староцерк. мрѣжа, болг. м р é ж а, серб. м р ѣ ж а, словен. mréža, чеш. mříže. Этотъ примѣръ впрочемъ представляетъ то неудобство, что въ болг. и серб. языкахъ является такое измѣненіе ѣ, въ которомъ его нельзя отличить отъ *е*. Въ дополненіе возьмемъ еще рус. б é р е г, староцерк. брѣгъ, болг. б р ѣ г ъ (выговар. б р я к), серб. б р ѣ ј е г, словен. brég. (Чеш. břeh могло бы произойти также изъ б р е г ъ). Языки польскій и лужицкій въ обоихъ своихъ нарѣчіяхъ представляютъ *о* вмѣсто староцерк. а. Мы вм. брада имѣемъ broda, вм. глава—głowa—такъ по-поль. и по-нижнелужиц., по-верхнелуж. будетъ разница въ согласныхъ—hłowa (произносится ɥóva). Вмѣсто ѣ польскій языкъ представляетъ *е*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, можно бы усмотрѣть и ѣ, но въ другихъ совершенно ясно, что основной звукъ для польскаго языка есть *е*. Если мы возьмемъ слово brzeg, то не видно, что̀ лежитъ въ основаніи, но въ соотвѣтствіе русскому б е р ё з а мы находимъ поль. brzoza, гдѣ очевидно имѣется основное *е*, потому что изъ ѣ вышло бы *а*—*brzaza. (Передъ t, d, n, s, z, ł и г є и ѣ подверглись разширенію—первый въ *о*, второй—въ *а*). У Лужичанъ повидимому замѣчается колебаніе: иныя слова указываютъ на є, другіе на ѣ: брѣгъ по-верхнелуж. будетъ brjóh, по-нижнелуж.—brjog (jo указываетъ на *е*); съ другой стороны мы имѣемъ верхнелуж. brěza (ě этимологически есть ѣ; произносится въ родѣ i) [1]), въ нижнелуж. находимъ bŕaza: это bŕaza, скорѣе предполагаетъ є, нежели ѣ [2]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда славянскіе языки представляютъ колебаніе между двойной (полногласной) и двумя видами наконечной огласовки, родственные языки полагаютъ гласный в п е р е д и п л а в н а г о: въ нихъ, позволю себѣ такъ выразиться, является огласовка *срединная*. Такъ одинъ изъ нашихъ примѣровъ—слово г о л о в á существуетъ у ближайшихъ родичей Славянъ, у Литов-

---

[1]) Это е у Верхнихъ лужичанъ (по наблюденію Ф. Ѳ. Фортунатова: Archiv für slavische Philologie, IV, 576) является тамъ, гдѣ у Чеховъ д о л г о т а. Срв. ниже, стр. 72.

[2]) Впрочемъ считаютъ возможнымъ возводить луж. ě также къ основному *е*, чѣмъ устраняются указанія на основной ѣ.

цевъ: по-лит. — galvà; въ лит. же языкѣ мы находимъ и слово берёза въ видѣ bérzas (слово это по-лит. муж. рода). Въ лит. языкѣ имѣется и слово гóрод — gardas (значитъ овчарня); это же слово существуетъ въ языкѣ готскомъ, гдѣ звучитъ gards (домъ) [1]).

Противополагая обыкновенно въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ наконечной огласовкѣ староцерковнаго языка свое полногласіе, русскій языкъ однако въ иныхъ случаяхъ и самъ представляетъ наконечную огласовку. Мы говоримъ напр. брат, слаб, какъ въ староцерк., а не борот, солоб, какъ можно бы ожидать. Въ такихъ случаяхъ всѣ славянскіе языки между собой согласны. Что у южныхъ Славянъ и у Чеховъ является *a*, разумѣется само собой, но мы находимъ *a* и у Поляковъ и у Лужичанъ: brat, и не brot; słaby, а не słoby. Сверхъ того и родственные языки сходятся со славянскими въ постановкѣ гласнаго: онъ и тамъ стоитъ позади плавнаго. Вспомнимъ извѣстныя параллели къ слову **братъ, братръ**: frater, φράτωρ, готское brothar, литовское brólis, санскритское bhrâtar. Слово **слабъ** сродни нѣм. schlaff вялый, безсильный и глаголу schlafen спать, готская форма—slēpan.

Полногласіе есть черта общерусская, одинаково свойственная всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, только въ литературномъ языкѣ она значительно ограничена книжнымъ вліяніемъ; впрочемъ и на народную, особенно на пѣсенную рѣчь приходится допустить книжное вліяніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ полногласіе есть явленіе древнее, исконно-русское—уже въ первыхъ памятникахъ русской письменности мы находимъ слѣды его. Въ послѣсловіи къ Остромирову Евангелію дьяконъ Григорій упоминаетъ о князѣ **Колоднмирѣ** и о **Новѣгородѣ**; въ календарѣ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: **нцн zади перегънжкъ листа дъва.** (Въ томъ же словѣ, гдѣ написанъ ъ на

---

[1]) Основное значеніе, очевидно, самое общее: «нѣчто огороженное»— вѣдь городъ первоначально былъ «укрѣпленное мѣсто», «крѣпость», поэтому вполнѣ понятно и то, что это слово у другихъ Славянъ имѣетъ значеніе замка: поль. gród, чеш. hrad значатъ замокъ, такъ же и словен. grad; серб. грâд, хотя получаетъ иногда значеніе города, но обыкновенно значитъ замокъ; съ Русскими насчотъ значенія этого слова вполнѣ сходятся только Болгары.

своемъ мѣстѣ, гдѣ употребленъ правильно ѫ, онъ написалъ **перевмѣсто** староцерк. **прѫ-**!).

Въ случаѣ разногласія русскаго языка со староперковнымъ мы всегда будемъ склонны предполагать отступленіе со стороны Русскихъ. Въ такомъ смыслѣ и понималъ полногласіе Добровскій, который въ своихъ «Institutiones linguae slavicae dialecti veteris» выводитъ оро и ро изъ ра, не вдаваясь, впрочемъ, въ сколько-нибудь подробное разсмотрѣніе вопроса. Объясненіе русскаго полногласія предложено имъ, хотя также безъ подробной мотивировки, въ другомъ трудѣ, въ «Наброскѣ славянскаго корнеслова» (Entwurf zu einem Etymologikon der slavischen Sprachen). Въ этой книгѣ Добровскій утверждаетъ (приведу его слова въ точномъ переводѣ), что «русское смягченіе вовсе нежосткихъ созвучій, въ родѣ **прѣ-** въ **пере-**, указываетъ на смѣшеніе ихъ съ Финнами». Значитъ, Добровскій объясняетъ тутъ полногласіе вліяніемъ Финскаго племени. Конечно, легко допустить, что русская рѣчь могла подвергнуться финскому вліянію; однако же Финны могли бы навязать русскимъ славянамъ только то, что было у нихъ самихъ. Финскіе языки, также и тюркскіе, никогда не представляютъ двухъ зачинныхъ согласныхъ. Соотвѣтственно этому у нихъ измѣняются слова пришлыя; такъ, въ финскій языкъ вошло шведское слово klockare звонарь, пономарь (отъ klocka, равнаго нѣмец. Glocke колоколъ), причемъ стало прозноситься lukkari. Подобнымъ же образомъ Финны заимствовали слово крест и сдѣлали изъ него risti. Впрочемъ у Мадьяръ въ заимствованныхъ словахъ встрѣчаемъ вставочные гласные: такъ слово **крьстъ** звучитъ kereszt, изъ **блѫдъ** сдѣлали bolond. На основаніи мадьярскихъ формъ, которыя м. б., имѣлъ въ виду и Добровскій, можно бы объяснить полногласіе финскимъ вліяніемъ; но въ такомъ случаѣ русскій языкъ вообще не долженъ бы представлять двухъ согласныхъ въ началѣ словъ: зачѣмъ изъ **братъ** не сдѣлано борот, изъ **слабъ**—солобой? Зачѣмъ вообще, и помимо плавныхъ созвучій, не устранены зачинныя группы согласныхъ: отчего напр. сохранились глаголы стоять, гнать, не обратившись въ тоять, нать или въ сотоять, гонать? Очевидно, объясненіе Добровскаго надо признать неудовлетворительнымъ.

Къ тому же взгляду на полногласіе, какъ Добровскій, т. е. къ признанію его вторичнымъ измѣненіемъ староцерковной огласовки, склонялся Востоковъ. Не усматривая возможности финскаго вліянія, Востоковъ причину полногласія искалъ въ общихъ русскому народу съ финскимъ климатическихъ условіяхъ, во вліяніи сѣвернаго климата. Мысль эта высказана въ извѣстномъ «Разсужденіи о словенскомъ языкѣ». Однако и взглядъ Востокова, какъ замѣтилъ уже Максимовичъ, не выдерживаетъ критики, такъ какъ полногласіе существуетъ не въ меньшей степени и на югѣ Россіи. Притомъ такая общая ссылка на климатическія условія цѣны не имѣетъ, да и самъ Востоковъ, должно быть, не придавалъ ей большого значенія.

Тотъ же взглядъ мы встрѣчаемъ и у Каткова, въ его магистерской диссертаціи «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка», вышедшей въ 1845 году. Катковъ несовсѣмъ ясно и точно изложилъ свой взглядъ на полногласіе, но изъ сказаннаго имъ можно вывести, какъ его мнѣніе, что основныя славянскія формы сходствовали со староцерковными, т. е. было напр. градъ, изъ чего вышло сначала гродъ, а потомъ городъ. Какъ на доказательство вторичности полногласія Катковъ ссылается на существующее въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ соотвѣтствіе между чешскимъ количествомъ и русской акцентовкой. Катковъ отмѣчаетъ, что 1) русскому удареніе на второй части полногласія соотвѣтствуетъ чешская долгота, напр. корóва по-чеш. будетъ kráva, солóма—sláma, берéза—bříza, молóть (староцерк. млѣти)—mlíti. Когда же 2) удареніе приходится на первую часть полногласія, или вовсе не падаетъ на полногласіе, тогда у Чеховъ, по указанію Каткова, является краткость: гóрод по-чешски будетъ hrad, мóлот—mlat, бéрег—břeh, дéрево—dřevo, жóлоб žlab; точно также 3) бородá, слово, гдѣ удареніе приходится не на полногласіе, будетъ brada, головá—hlava, сторонá—strana. Впрочемъ изъ третьей части катковскаго правила, т. е. изъ утвержденія, что русскому безударному оро по-чешски соотвѣтствуетъ ră, столько исключеній, что слѣдуетъ отрицать самый законъ. Напр. мы имѣемъ по-чешски brázda при русск. бороздá,

dláto при долото́, vlákno при волокно́ [1]). Законъ Каткова въ нѣсколько иномъ видѣ былъ уже раньше указанъ чехомъ Антономъ Ярославомъ Пухмайеромъ (Puchmayer или Puchmír), въ грамматикѣ русскаго языка, изданной въ 1820-мъ г. (Lehrgebäude der russischen Sprache). Пухмайеръ воспользовался этимъ наблюденіемъ для облегченія Чехамъ произношенія русскихъ словъ: онъ даетъ правило, что въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ чехъ по своему количеству можетъ опредѣлить мѣсто русскаго ударенія — зная свое слово hrad, онъ безошибочно можетъ рѣшить, что по-русски будетъ г о́ р о д, а не г о р о́ д; зная свои kráva, bříza, онъ можетъ сообразить, что по-русски говорится коро́ва, а не ко́рова или к о р о в а́, б е р ёз а, а не б е́ р е з а или б е р е з а́. Катковъ изъ указаннаго звукового соотвѣтствія выводитъ, какъ я уже сказалъ, первенство староцерковной огласовки передъ русской. Доказательство этого первенства онъ усмотрѣлъ въ томъ, что русскому ударенію на второй части полногласія соотвѣтствуетъ долгота. Долгота свидѣтельствуетъ де о первичности ударенія и вмѣстѣ съ тѣмъ о первичности носящаго его гласнаго: напр. изъ того, что чехъ говоритъ kráva съ ā, слѣдуетъ, что въ русскомъ к о р о́ в а первичный звукъ есть второе *о*, а первое представляетъ позднѣйшую вставку. Въ связи съ утвержденіемъ, будто чеш. долгота въ соотвѣтствіе русскому ударенію доказываетъ его первичность, находимъ у Каткова цѣлое ученіе о томъ, что рус. удареніе вообще, или, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ, замѣняетъ первоначальную долготу—ученіе весьма неосновательное.

Въ первенство староцерк. огласовки плавно-чистыхъ созвучій вѣрилъ также С р е з н е в с к і й; онъ высказывается въ такомъ смыслѣ, не входя однако ни въ какія подробности, въ своихъ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка».

Къ тому же мнѣнію видимо склонялся и М и к л о ш и ч ъ, въ 1-мъ изданіи своей «Сравнительной фонетики», хотя онъ также не вдавался въ подробное разсмотрѣніе вопроса [2]). Миклошичъ

---

[1]) Мимоходомъ сдѣлаю замѣчаніе насчотъ русскаго слова ворóта-воротá: чешскій языкъ говоритъ за большую исконность второй акцентовки, такъ какъ нашему ворóта соотвѣтствовало бы *vráta.

[2]) Впослѣдствіи онъ посвятилъ полногласію особую монографію, о которой рѣчь будетъ ниже, т. к. въ ней проводится совсѣмъ иной взглядъ.

дѣлаетъ однако въ этой книгѣ дополненіе къ закону Каткова и Пухмайера, дополненіе, которое вполнѣ опровергаетъ взглядъ Каткова, устраняя и тотъ невполнѣ убѣдительный доводъ, которымъ Катковъ подкрѣпилъ свою теорію полногласія. Оказывается, что чешская долгота въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ не можетъ быть признана прямо праславянской, какъ дѣлалъ Катковъ. Миклошичъ отмѣтилъ, что насчотъ количества плавно-чистыхъ созвучій въ постоянномъ противорѣчіи съ чешскимъ языкомъ находится языкъ сербскій: гдѣ по-чешски долгота, тамъ по-сербски краткость, и, наоборотъ, гдѣ—краткость, тамъ—долгота.

Прежде чѣмъ приводить сербскіе примѣры, необходимо сказать два слова о сербскомъ удареніи. Въ сербскомъ языкѣ существуетъ удареніе односло́говое и двусло́говое, т. е. или удареніе приходится цѣликомъ на одинъ слогъ, или же въ немъ участвуетъ также слѣдующій слогъ. Односло́говое удареніе, когда оно сопряжено съ краткостью гласнаго, обозначается двойнымъ грависомъ, напр. сл̏ава; это односло́говое удареніе краткостное иначе можно назвать рѣзкимъ. Односложное удареніе долготное обозначается округленнымъ циркумфлексомъ; это удареніе есть нисходящее, т. е. первая часть гласнаго по тону выше второй. Тоже самое существуетъ и при рѣзкомъ удареніи, только тамъ, вслѣдствіе краткости гласнаго, это менѣе замѣтно. Односложное долготное удареніе представляетъ напр. слово пр̂ава. Двусложное удареніе также бываетъ краткостнымъ и долготнымъ. Знакъ краткостнаго двусложнаго ударенія, которое я называю въ своей акцентологіи слабымъ, есть гравись; удареніе это мы можемъ видѣть въ какомъ-нибудь словѣ мàгла (мгла). Двусложное долготное удареніе, обозначаемое акутомъ, можетъ быть названо восходящимъ, потому что вторая часть гласнаго въ музыкальномъ отношеніи выше первой, напр. ша́ла шутка. И слабое удареніе есть восходящее, но при краткости восходящее движеніе голоса менѣе замѣтно. Срв. сказанное о рѣзкомъ удареніи [1]). Двусложность удареній «слаба-

[1]) Сербское употребленіе акута и грависа главнымъ образомъ побуждаетъ меня избѣгать этихъ знаковъ въ русскомъ языкѣ и замѣнять ихъ (что сдѣлано въ моемъ Начертаніи славянской акцентологіи) новымъ знакомъ—отвѣсомъ. Срв. стр. 2, пр. 2.

го› и ‹восходящаго› состоитъ въ томъ, что кромѣ главнаго восходящаго ударенія есть еще весьма сильное второстепенное удареніе на слѣдующемъ слогѣ; удареніе это нисходящее. Какое-нибудь слово м а̀ г л а имѣетъ, значитъ, на начальномъ слогѣ удареніе восходящее краткостное, а на конечномъ слогѣ удареніе рѣзкое, т. е. краткостное нисходящее. Такимъ же образомъ слово ш а́ л а представляетъ на начальномъ слогѣ удареніе восходящее долготное, на конечномъ — нисходящее краткостное. Возьмемъ далѣе такое слово, гдѣ слогъ со второстепеннымъ удареніемъ будетъ долгій, напр. j ў н а̂ к. Здѣсь слогъ j ў представляетъ удареніе восходящее краткостное, а н а̂ к—нисходящее долготное [1]).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній отмѣтимъ соотношеніе сербскаго количества съ русской акцентовкой въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ, противорѣчащаго, какъ уже сказано, количеству чешскому. При русскомъ удареніи на второй части, которому у Чеховъ соотвѣтствуетъ долгота, у Сербовъ является удареніе рѣзкое, т. е. нисходящее краткостное: к о р о́ в а по-сербски будетъ к р а̂ в а, с о л о́ м а—с л а̂ м а, б е р ѐ з а—б р ѐ з а, м о л о́ т ь—м љ ѐ т и [2]). Напротивъ того русскому удареніе на первой части полногласія, которое у Чеховъ находитъ соотвѣтствіе въ краткости, у Сербовъ соотвѣтствуетъ удареніе нисходящее долготное: г р а̂ д, х л а̂ д, б р ѐ г (или, съ разложеніемъ ъ на два слога, —б р ѝ j е г). Русск. безударному о р о, мы видѣли, по закону Каткова у Чеховъ соотвѣтствуетъ краткость, въ дѣйствительности то краткость, то долгота; у Сербовъ мы тутъ постоянно видимъ удареніе восходящее, т. е. долготу: г л а́ в а, б р а́ д а, в р а́ т а [3]).

Итакъ чеш. долготу мы не можемъ признать праславянскою въ виду ея противорѣчія съ сербскою, и она отнюдь не свидѣтельствуетъ о первичности второго элемента въ полногласіи. Петръ

---

[1]) См. у Леонарда Мазинга: Leonhard Masing. Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents. Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. T. XXIII. № 5. St.-Pétersbourg 1876.

[2]) Знакъ љ обозначаетъ л мягкій.

[3]) Такимъ образомъ сербское восходящее удареніе, подобно чешской краткости (см. выше, стр. 73, пр. 1), говоритъ за первенство произношенія ворота́ передъ произношеніемъ ворóта.

Алексѣевичъ Лавровскій, взглядъ котораго на полногласіе намъ придется разсматривать впослѣдствіи, пытался, въ статьѣ по этому предмету, отстоять ученіе Каткова противъ Миклошича и устранить противорѣчіе между количествомъ чешскимъ и сербскимъ. Онъ высказывалъ догадку, что Сербы при опредѣленіи своихъ удареній смѣшали долготу и удареніе; но это предположеніе совершенно неосновательно: нѣтъ сомнѣнія, что написанію съ грависомъ (простымъ или двойнымъ) соотвѣтствуетъ краткость, а циркумфлексу и акуту—долгота, и что противорѣчіе между чешскимъ и сербскимъ языкомъ дѣйствительно существуетъ.

За первенство староцерковной огласовки высказался также Потебня [1]), въ своей монографіи «О полногласіи». Эта монографія, напечатанная въ Филологическихъ запискахъ за 1864 годъ, въ оттискѣ составляетъ первую часть «Двухъ изслѣдованій о звукахъ русскаго языка» [2]). Потебня въ доказательство вторичности полногласія приводитъ аналогію изъ языка сербскаго. Сербскій языкъ, въ югозападномъ своемъ говорѣ, представляетъ явленіе, на которое мы уже видѣли одинъ примѣръ—слово брӣег, при другомъ выговорѣ брēг, въ восточномъ нарѣчіи (въ сѣверозападномъ—брӣг). Потебня говоритъ: какъ ē разлагается на ије, такъ, слѣдуетъ думать, и древнее ѻл разложилось по-рус. на оро, лъ—на оло, ѣ—на ере, лѣ—на еле. Что тутъ дѣйствительно есть ближайшая связь, это подтверждается-де соотвѣтствіемъ акцентовки между словами полногласными и словами съ разложившимся ятемъ. По этому поводу Потебня вкратцѣ изложилъ особенности сербской акцентовки. Намъ, чтобы понять сопоставленія Потебни, необходимо отмѣтить, что сербское нисходящее удареніе (какъ краткостное, такъ и долготное) есть удареніе исконное и соотвѣтствуетъ русскому ударенію на томъ же слогѣ: слава—слáва, прâвда—прáвда. Съ другой стороны, удареніе восходящее (краткостное и долготное) есть удареніе оттянутое, приближенное на одинъ слогъ къ началу слова. Какъ остатокъ древняго ударенія, сохраненнаго въ русскомъ языкѣ, является удареніе второ-

[1]) Впослѣдствіи измѣнившій свой взглядъ на этотъ вопросъ.

[2]) См. выше, стр. 12.

степенное нисходящее: русскимъ м г л а́, п и л а́ соотвѣтствуютъ серб. м а̀ г л а̂, п и́ л а̂. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ самомъ сербскомъ языкѣ существуютъ нѣкоторыя доказательства того, что м а̀ г л а есть вторичное измѣненіе древняго м а г л а̂, п и́ л а—древняго п и́ л а̂: такая акцентовка употребляется у приморскихъ Хорватовъ—Хорватовъ-чакавцевъ, прозванныхъ такъ отъ мѣстоименія ч а (=* ѫ), вм. котораго у настоящихъ Сербовъ—ш т о [1]). Принимая въ соображеніе вторичность восходящаго ударенія, Потебня указываетъ на стройное соотвѣтствіе между акцентованіемъ сербскаго разложившагося *ъ* и русскаго полногласія. Оказывается, что русское г о́ р о д: сербскому г р а̑ д= югозап. (герцеговин.) с н и̑ j е г: восточ. с н е̑ г; рус. б о р о д а́: серб. б р а́ д а, т. е. первоначальному б р а̄ д а̂ = югозап. б и j ѐ д а, первоначальное б и j е д а̂: восточ. б е́ д а, первоначальн. б е̄ д а̂. А такъ какъ ије есть вторичное измѣненіе, плодъ разложенія, то и аналогичное ему по акцентовкѣ полногласіе должно считаться плодомъ разложенія. Впрочемъ аналогія между полногласіемъ и разложеніемъ *ъ*, какъ отмѣтилъ уже самъ Потебня, неполная; именно, разложеніе *ъ* происходитъ только тогда, когда э́кающіе и и́кающіе говоры представляютъ долготу, а при краткости разложенія не бываетъ, полногласіе же является и тогда, когда у Сербовъ произносится краткій звукъ. Такъ, восточно-сербскія в е̏ р а, д е̏ д по югозап. выговору будутъ в j е̏ р а, д j е̏ д (или со вторичнымъ измѣненіемъ ѣ̏ д)—разложенія нѣтъ, и только вм. простого *е* слышится *je*. Съ другой стороны сербскому в р а̑ н а соотвѣтствуетъ рус. в о р о́ н а, серб. с л а̑ м а—с о л о́ м а, серб. б р е̑ з а—б е р е̑ з а. Противъ толкованія Потебни, кромѣ его собственной оговорки, можно привести еще одно соображеніе, которое его вовсе опровергаютъ. Дѣло въ томъ, что соотвѣтствіе между акцентовкой рус. и серб., на которое напиралъ Потебня, есть (какъ было извѣстно и самому Потебнѣ) только частное проявленіе общаго соотвѣтствія въ акцентовкѣ, проходящаго по всему серб. и рус. языку. За немногими исключеніями русскій можетъ безошибочно опредѣлить мѣсто сербскаго

[1]) Впрочемъ въ настоящее время мы склонны предполагать, что предударный слогъ издавна имѣлъ нѣкоторое ударені̇е. См. выше, стр. 37·

ударенія—оно будетъ всегда на одинъ слогъ ближе къ началу, чѣмъ по-рус.; напр. по-рус. к а л а́ ч, к а л а ч а́—по-сербски к о̀ л а̂ ч, к о л а́ ч а; по-рус. д о б р о т а́—по-серб. д о б р о̀ т а; по-рус. ш и р и н а́—по-серб. ш и р и̏ н а. Притомъ это оттянутое удареніе бываетъ двуслого́вымъ, т. е. слабымъ, или же восходящимъ въ тѣсномъ смыслѣ. Когда же ударенію, падавшему на начальный слогъ, некуда было идти, тогда оно и по-серб. оставалось на мѣстѣ, но въ видѣ односло́гваго, т. е. рѣзкаго, или нисходящаго въ тѣсномъ смыслѣ, напр. рус. в ѣ р а по-серб. звучитъ в ј е̏ р а, п и́ ш е ш ь—п и̏ ш е̄ ш. Такимъ образомъ совершенно естественно, что между акцентовкой плавно-чистыхъ созвучій и слоговъ съ *ъ* имѣется соотвѣтствіе, и это соотвѣтствіе вовсе не доказываетъ аналогичности полногласія и разложенія *ъ*. Ничто намъ не мѣшаетъ выставить положеніе обратное Потебнинскому. Тогда какъ Потебня говоритъ, что фонема г р а̂ д съ нисходящимъ удареніемъ, разлагаясь, давала фонему г о́ р о д съ удареніемъ на первой части, мы смѣло могли бы сказать, что основное г о́ р о д подверглось стяженію, и изъ о́ р о явилось р а̂; также изъ первоначальнаго б о р о д а́ по-сербски могло бы выдти б о р о̀ д а, а потомъ со стяженіемъ—б р а́ д а [1]). Я вовсе не предлагаю держаться такого толкованія, но привожу его какъ возможное: въ доказательство, что объясненіе, предложенное Потебнею (оставленное впослѣдствіи и имъ самимъ) не заслуживаетъ признанія.

За первенство старославянской огласовки стоитъ также и Ягичъ. Ягичъ останавливался на этомъ вопросѣ по поводу работы Лавровскаго, въ критическихъ замѣчаніяхъ, помѣщенныхъ въ XIV т. Загребскаго журнала «Труды Югославянской Академіи» (Rad Jugoslavenske Akademije). Потомъ онъ возвращался къ нему въ разборѣ одного нѣмецкаго изслѣдованія о полногласіи, о коемъ рѣчь будетъ ниже. Вторая статья напечатана въ Архивѣ Славянской филологіи, и озаглавлена «О нѣкоторыхъ явленіяхъ славянскаго вокализма» [2]).

---

[1]) Правда в р а̏ н а вм. в о р б́ н а, съ краткостью, несмотря не стяженіе, непонятно; но вѣдь в о р б́ н а и в ј е̏ р а тоже не ладятъ.

[2]) Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus. Arch. f. slav. Phil., B. I. S. 397–411.

Къ тому же взгляду склоненъ и Лескинъ, соображенія котораго, такъ же, какъ и соображенія Ягича, приведу впослѣдствіи.

Тогда какъ перечисленные изслѣдователи считали полногласіе явленіемъ вторичнымъ, другіе напротивъ—признавали его древней общеславянской чертой, уцѣлѣвшей въ русскомъ яз.; одинъ даже желалъ возвести его къ самому праязыку. Въ такомъ смыслѣ высказался Максимовичъ, котораго я называлъ уже ранѣе, какъ изобрѣтателя термина «полногласіе». Рядомъ съ именемъ Максимовича можно поставить имя чешско-хорватскаго ученаго (чеха по происхожденію, хорвата по дѣятельности въ Загребскомъ университетѣ)—Гейтлера. Затѣмъ слѣдуетъ назвать во второй разъ Потебню, котораго мы раньше видѣли какъ представителя другого взгляда; и также профессора Берлинскаго университета, противъ котораго полемизировалъ Ягичъ, въ только что названной статьѣ,—Іоганна Шмидта.

Максимовичъ въ этомъ ряду первый. Онъ коснулся вопроса о полногласіи въ своей «Исторіи русской словесности», вышедшей въ 1839 г., а потомъ въ «Начаткахъ русской филологіи» (1848). Я уже говорилъ, что Максимовичъ подъ полногласіемъ понималъ вообще обиліе гласныхъ въ языкѣ, что онъ поэтому видѣлъ полногласіе также въ языкѣ санскр., который по сравненію съ новѣйшими языками дѣйствительно представляетъ избытокъ гласныхъ. Если мы однако сравнимъ количественное отношеніе гласныхъ къ согласнымъ въ староцерк. и санскр., или въ санскр. и греч., то сравненіе выходитъ не въ пользу санскр. Такимъ образомъ въ Санскритѣ нѣтъ полногласія въ смыслѣ Максимовича; нѣтъ въ немъ также полногласія и въ нашемъ болѣе тѣсномъ смыслѣ, хотя Максимовичъ пытался доказать его существованіе нѣсколькими сравненіями. Сравненія эти не выдерживаютъ научной критики, и приводить ихъ почти не стоитъ; указаніе и разборъ ихъ можно найти въ «Замѣткѣ о полногласіи» П. А. Лавровскаго въ VIII т. Извѣстій 2-го отд. Имп. Акад. Наукъ. Максимовичъ между прочимъ утверждаетъ, что рус. сорóка равняется санскр. sāráṅga. Sāráṅga значитъ пестрый, пѣгій [1]), такъ что значеніе не особенно близкое; кромѣ того *о* и *ат*, *к* и *g* другъ другу не со-

[1]) Служитъ также названіемъ одной антилопы, одной птицы и т. д.

отвѣтствуютъ: sāráṅga въ переложеніи на слав. звуки было бы **сарꙗга**, по-рус. с а р у г а; или пожалуй (т. к. санскритскому ā въ открытомъ слогѣ м. б. иногда соотвѣтствуетъ слав. о)—**сорꙗга**, с о р у г а [1]). Другія сопоставленія еще менѣе удачны; такъ напр. слово п т и ц а Максимовичъ сближаетъ съ санскр. pataga; тутъ дѣйствительно есть сродство — корень pat летѣть, д. б., заключается и въ славян. **пѣтица**, но этимъ сходство и ограничивается: санскр. слово состоитъ изъ patá-s полетъ и ga идти. Еще Максимовичъ кромѣ санскр. яз. ссылается на языкъ мадьярскій, гдѣ онъ указываетъ слова, заимствованныя у Славянъ и представляющія полногласіе, напр. kalasz колосъ, что̀ якобы доказываетъ, что въ періодъ заимствованія такихъ словъ полногласіе существовало также внѣ рус. языка—однако Мадьяры [2]) и изъ **класъ** могли дѣлать kalasz. Еще Максимовичъ приводитъ два-три слова, сохраняющія будто полногласіе у другихъ Славянъ. Таково поль. слово dereń кизильникъ—но это слово надо считать заимствованнымъ у Малороссовъ: настоящимъ польскимъ словомъ оно быть не можетъ, такъ какъ тогда оно звучало бы *dzierzeń.

Взглядъ на полногласіе Максимовича, въ измѣненномъ, болѣе научномъ видѣ, былъ возобновленъ Г е й т л е р о м ъ. Гейтлеръ въ своей «Староболгарской фонологіи» (Starobulharská fonologie, V Praze, 1873) подобно Максимовичу выводитъ наконечную огласовку изъ двойной, причомъ однако, въ виду показаній другихъ европейскихъ яз., считаетъ полногласіе не праязычнымъ явленіемъ, а только п р а с л а в я н с к и м ъ. Слово **жрѣбꙗ**, по этой теоріи, первоначально звучало **жерѣбꙗ**, изъ этого вышла прежде всего общеслав., уцѣлѣвшая въ рус. языкѣ, полногласная фонема **жереѣбꙗ**; староцерк. и нѣкоторые другіе славян. языки произвели стяженіе **-ерѣ-** въ **-рѣ-**, и такимъ образомъ возникло **жрѣбꙗ**. Самое присутствіе **ѣ**, по мнѣнію Гейтлера, свидѣтельствуетъ о стяженіи: вѣдь **ѣ** возникаетъ изъ звуковъ долгихъ, долгота же тутъ вполнѣ понятна, если исходить изъ фонемы съ двумя гласными. Подобнымъ же образомъ Гейтлеръ предполагаетъ древнѣйшую фонему **голва**, изъ чего по-

---

[1]) Что sāráṅga, какъ существ., муж. р., разумѣется, неважно.

[2]) По причинамъ, указаннымъ выше, стр. 71.

праславянски вышло **голова**, сохраненное русскимъ языкомъ и превращенное старославянскимъ въ **глава**, причомъ а опять-таки указываетъ на долготу и вмѣстѣ съ тѣмъ на стяженіе. Гейтлеръ нѣсколько затруднялся появленіемъ вмѣсто двухъ *о* звука *а*, тогда какъ можно бы ожидать *долгаго о*, но оправдывалъ это тѣмъ, что Славяне вообще не знаютъ $\bar{o}$, а имѣютъ на мѣстѣ его *а*. Мы теперь могли бы, если принять теорію Гейтлера, представить дѣло такъ, что olo дало сначала lō, а это $\bar{o}$, какъ и наслѣдственное $\bar{o}$, перешло въ *а*.

По поводу разсужденія Гейтлера вернулся къ вопросу о полногласіи А. Ав. Потебня, въ первой части своего труда «Къ исторіи звуковъ русскаго языка». Потебня отчасти согласился съ Гейтлеромъ, но затруднялся выводить la изъ olo, находя, что oio должно бы дать lo, и предположилъ поэтому, что стяженіе произошло въ такой періодъ, когда не было еще *о*, а было *ă*, т. е. онъ строилъ полногласную фонему г*ă*л*ă*в*а*, откуда со стяженіемъ—гл*ā*в*а*, а затѣмъ уже **глава**. Поправка лишняя и неудачная: при современномъ взглядѣ на индоевропейскій вокализмъ мы не вправѣ предполагать фонему г*ă*л*ă*в*а*, а должны предположить г*олова* [1]).

Еще разъ ученіе Максимовича было возобновлено въ измѣненномъ видѣ Іоганномъ Шмидтомъ, который не зналъ о мнѣніяхъ Гейтлера и Максимовича, и самъ пришелъ къ подобному же взгляду. Іоганнъ Шмидтъ посвятилъ вопросу о полногласіи и сходныхъ съ нимъ явленіяхъ въ другихъ языкахъ 2-ю часть своего изслѣдованія «Къ исторіи индоевропейскаго вокализма» [2]). Полногласіе у Шмидта является подъ санскритскимъ названіемъ svarabhakti. Слово svarabhakti значитъ «частичный гласный» (svara звукъ, гласный; bhakti дѣленіе, отъ корня bhag' дѣлить). Этимъ

---

[1]) Нѣкоторымъ словамъ, правда, надо приписать дославянское *а*, напр. основная форма къ прилагат. со́лон, какъ показываетъ сравненіе съ иностранными языками, будетъ *salnos съ *а*, но древнѣйшая праславянская всетаки *solnos.

[2]) Johannes Schmidt. Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus. Zweite Abtheilung. Weimar 1875.

именемъ индійскіе грамматисты назвали гласный, который, по ихъ мнѣнію, вторичнаго образованія, а именно возникъ послѣ r и l, имѣющихъ за собой согласные. Такимъ образомъ Шмидтъ подобно Гейтлеру объясняетъ вторую часть полногласія: первая унаслѣдована отъ древности, а вторая есть вторичный звукъ, развившійся изъ нѣкотораго гласнаго назвука, свойственнаго звукамъ r и l. Полногласныя формы по Шмидту, какъ и по Гейтлеру, возникли въ общеславян. языкѣ. Какъ и Гейтлеръ, Шмидтъ строитъ праслав. žerebę. Широкой огласовкѣ плавночистыхъ созвучій онъ придаетъ нѣсколько иной видъ, чѣмъ Гейтлеръ—у него является звукъ *a*, склонный къ *o*—gålåva, изъ этого средняго звука съ одной стороны могъ-де развиться *a*, а съ другой *o*. Послѣдочная огласовка у Шмидта, какъ и у Гейтлера, происходитъ путемъ стяженія, только онъ пытается оправдать странность такого измѣненія, хотя эта попытка цѣны не имѣетъ и похожа больше не поэтическій оборотъ, чѣмъ на серьёзный доводъ: онъ говоритъ, что первый гласный какъ бы просачивается сквозь полувокальные r и l. Предположивъ, какъ и Гейтлеръ, праславянское происхожденіе полногласія, Шмидтъ сталъ искать слѣдовъ его помимо рус. языка. Указанные имъ слѣды полногласія однако не заслуживаютъ такого названія.

Разсужденіе Шмидта вызвало цитованный уже на стр. 78 разборъ Ягича. Ягичъ высказывается въ пользу первичности послѣдочной огласовки у Славянъ. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы онъ доказалъ вѣрность этого взгляда: онъ только привелъ рядъ соображеній противъ Шмидта, съ которыми слѣдуетъ согласиться—съ одними вполнѣ, съ другими—отчасти. Не лишено значенія во первыхъ то обстоятельство, что полногласіе встрѣчается только въ одномъ славянскомъ языкѣ, во всѣхъ другихъ, въ томъ или иномъ видѣ, является послѣдочная огласовка. Даже и самъ русскій языкъ знаетъ полногласіе только внутри словъ, а тамъ, гдѣ сочетанія *р* и *л* со слѣдующимъ согласнымъ имѣютъ передъ собой всего одинъ гласный, который составляетъ зачинъ слова, и рус. языкъ ставитъ согласный позади плавнаго. Литовскому alkúnė порус. соотвѣтствуетъ *лок*оть, а не *олок*оть; санскр. корню ardh (ṛdhnóti удаваться, преуспѣвать) соотвѣтствуетъ *рос*ти, а не *орос*ти. Далѣе Ягичъ указываетъ на то, что мы должны бы ожидать слѣдовъ полногласія особенно въ вымершемъ языкѣ Полабскихъ

славянъ, который представляетъ двоякую огласовку плавночистыхъ созвучій: въ однихъ случаяхъ (при l)—послѣдочную, а въ другихъ (при r)—передовую. Мы видимъ напр. х л а̊ д, в л а̊ с (какой здѣсь былъ гласный, мы не знаемъ, по мнѣнію Шлейхера—широкое *o*, или *a*, смахивавшее на *o*), а съ другой стороны мы находимъ г о р д, с т о р н а. Именно въ такомъ языкѣ естественно бы ожидать и полногласія, но его не оказывается. Правда, Шмидтъ привелъ одинъ или два примѣра полабскаго полногласія, однако они не годятся: какое-нибудь dülan вм. **длань** не можетъ быть названо полногласнымъ, потому что гласные въ немъ неодинаковы, существенная же черта полногласія—одинаковость гласныхъ. Еще Ягичъ указываетъ на своеобразное передвиженіе акцента въ русскихъ полногласныхъ словахъ, свидѣтельствующее о вторичности полногласія. Обыкновенно при колебаніи ударенія мы видимъ переходъ его съ сосѣдняго слога на сосѣдній, переходовъ черезъ слогъ почти не бываетъ, между тѣмъ въ полногласныхъ словахъ удареніе скачетъ и черезъ слогъ—при им. пад. б о р о д а́ стоитъ вин. б о́ р о д у, при им. г о л о в а́—вин. г о́ л о в у. Послѣдній доводъ впрочемъ надо признать слабымъ, или даже совершенно бездоказательнымъ. Дѣйствительно, онъ говоритъ въ пользу того, что полногласныя слова содержали прежде однимъ слогомъ меньше, чѣмъ впослѣдствіи, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что было когда-то б р а д а́—б р а́ д ж, мы можемъ сказать, что было б о р д а́ — б о́ р д ж. Вѣскимъ соображеніемъ въ пользу вторичности полногласія можно считать одно отдѣльное слово, на которое не даромъ напираетъ Ягичъ; это—слово с т о́ р о ж. С т о́ р о ж несомнѣнно сродни лит. sargas, корень sorg, значитъ основная форма будетъ sorg̊ios, откуда въ старо-церк. ***сражь** и съ развитіемъ **т** между **с** и **р**, какъ переходнаго звука—**стражь**. Поэтому если с т о́ р о ж вышло изъ древнѣйшаго **стражь**, то **т** въ немъ совершенно понятно, если же основное ***соржь** прежде всего дало полногласную фонему, то должны бы говорить с о р о ж. Что касается полногласныхъ словъ указываемыхъ Шмидтомъ въ общеславянскомъ языкѣ (какія это слова, мы сейчасъ увидимъ), то Ягичъ призналъ ихъ существованіе, но указалъ совершенно справедливо, что они говорятъ не въ пользу Шмидтовской теоріи, а противъ нея: если одни полногласныя слова остались полногласными у всѣхъ славянъ, отчего бы

другія, если были таковыми, подверглись измѣненіямъ? По моему однако общеслав. полногласія не существуетъ ни въ одномъ словѣ. Полногласіе будто бы представляетъ слово **желѣзо**. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ иноязычныя формы съ передовой огласовкой: литовскую gelžìs, латышскую dzelze, старопрусскую gelso; въ соотвѣтствіе имъ можно бы ожидать русской формы ж е л ё з о, въ дѣйствительности же рус. языкъ представляетъ *ѣ* на второмъ мѣстѣ, и *ѣ* является во всѣхъ славянскихъ языкахъ; значитъ, это не есть полногласіе. Огласовка этого слова впрочемъ вообще представляетъ затрудненія: лит. языкъ имѣетъ еще форму geležìs съ двумя *е*; съ этимъ словомъ роднятъ также, и д. б. основательно, греч. χαλκός, хотя его κ не ладитъ со слав. *ж*. Мы можемъ, правда, предположить древнѣйшую греч. форму *χαλχός съ двумя придыхательными, изъ которыхъ затѣмъ одинъ утратилъ свое придыханіе, но это не выведетъ насъ изъ затрудненія, п. ч. придыханіе долженъ потерять первый согласный—вышло бы *καλχός, а не χαλκός, какъ изъ *φεύθομαι—πεύθομαι, а не *φεύτομαι. Впрочемъ окончаніе χος могли просто замѣнить обычнымъ суффиксомъ -κος. (Еще до дѣйствія закона о придыхательныхъ въ сосѣднихъ слогахъ.) Полногласіе Шмидтъ усматриваетъ также въ прилаг. **сверѣпъıн**, которое въ словенскомъ языкѣ существуетъ въ видѣ srêp (вм. svrêp). Опять таки мы имѣемъ **-ерѣ-** а не **-ере-**, значитъ, и это не есть настоящее полногласіе. Дѣйствительно полногласное созвучіе **-еле-** представляетъ другое прилаг. **пелесъ** темный, сѣрый; однако рядомъ съ **пелесъ** является и **пелѣсъ** съ **ѣ**. Слово это сопоставляютъ съ лит. pálszas блѣдный, желтоватый. Сюда же относится и лит. названіе мыши — pelẽ. Легко, кажется, можно допустить, что наше прилагат. звучало первоначально **плѣсъ**, и что *е* перенято имъ у какой-нибудь другой однокоренной формы, въ родѣ лит. pelė. Далѣе у Шмидта фигурируетъ слово **ѣлень**, а которомъ мы уже отмѣтили, что оно должно было имѣть нѣкогда разноступенное склоненіе: въ однихъ падежахъ была основа elen, въ другихъ—eln; elen, значитъ, не есть полногласіе, а есть сильный видъ основы, и не произошло изъ eln черезъ Шмидтовскую svarabhakti, а наоборотъ eln развилось изъ elen. Сравнивая съ разнотемностью, проявляющейся у этого слова, санскр. разнотемность какого-ниб. слова radžan—им. rā́džā, род. rā́dźńas, вин.

tādžānam, мы легко могли бы предположить, что слав. **ѥлень** имѣло также нѣкоторыя формы съ **ѣ** на второмъ мѣстѣ. Вотъ къ подобнымъ формамъ можетъ восходить затрудняющая насъ огласовка слова **желѣзо**. **Желѣзо** въ такомъ случаѣ предполагаетъ огласовку ghelēgh, лит. geležìs—ghelegh, другая лит. форма gelžìs—ghelgh, греч. χαλκός—gh ḷgh.—Наибольшее сходство со словомъ **ѥлень** имѣетъ, приводимое также у Іог. Шмидта, слово **пелена**, которое является въ такомъ видѣ въ староцерк., серб., болгар., хотя въ староцерк. отмѣчена и форма **плѣны** (мн. ч.); мы по-серб. видимъ пелѐна, по-болг. пелена́; у Словенцевъ однако plenà, уменьшительное pleníca. Кажется, не будетъ слишкомъ смѣло предположить для него древнѣйшее склоненіе съ согласной основой; т. е. какой-нибудь имен. pélō, род. pelnós, вин. pelénm̥, при чемъ, значитъ, изъ однихъ падежей идетъ ele, изъ другихъ el, которое по староцерковной фонетикѣ дало **лѣ**.

Возвращаясь къ возраженіямъ Ягича противъ Шмидта, я долженъ отмѣтить еще одинъ изъ доводовъ послѣдняго, который ему представлялся особенно вѣскимъ. По мнѣнію Шмидта въ нѣкоторыхъ словахъ староцерковная огласовка развивается такъ сказать на нашихъ глазахъ изъ полногласія. Онъ видитъ такое явленіе въ словѣ **пладьне**: **пладьне** произошло-де изъ **полодьне**. Однако формы **полодьне** не встрѣчается, и предполагать ее вовсе не слѣдуетъ. Вѣдь **полъ** половина есть слово уковаго склоненія — **полъ**, род. **полоу**; значитъ, оно, хотя и могло явиться въ составѣ сложенія въ видѣ **поло** (такъ какъ по-славянски *о* сдѣлалось обыкновеннымъ «соединительнымъ» гласнымъ), но нѣтъ никакой надобности въ этомъ; органическая же форма была бы **полъдьне**. Однако и этой формы не встрѣчается. Для объясненія нашего **пладьне** удобнѣй всего предполагать, что основа была первоначально согласная, а въ такомъ случаѣ **плад-** вм. **полд-** представляетъ обыкновенныя условія появленія **ла** вм. **ол**: какъ ***голва** дало **глава**, такъ и ***полдьне** дало **пладьне**. Подобнымъ же образомъ можно толковать, и притомъ рѣшительнѣе, слово **четвръдьневьнъ** (эпитетъ Лазаря). Шмидтъ выводитъ **-рѣ-** изъ **-ере-**, но совершенно произвольно. По замѣчанію Ягича написаніе **-ере-** почти не встрѣчается (мнѣ кажется, что оно даже совсѣмъ не встрѣчается), но является колебаніе между **-ero-**, **-еръ-**, **ерѣ-** и даже **-ѣрѣ-**. Можно думать, что окончаніе пер-

вой части было непонятно для писца; но съ точки зрѣнія сравнительной грамматики, думается мнѣ, эту форму слѣдуетъ считать совершенно ясной, а толковать ее можно такъ же какъ **пладьне**, т. е. видѣть въ первой части согласную основу **ѵєтвер-**, которая представляла при соединеніи съ д тѣ условія, при которыхъ въ староцерк. возникаетъ вм. **ер** —**рѣ**. Меньше еще вѣсу, чѣмъ указанные примѣры, имѣетъ **скралоупа** рядомъ со **скорлоупа**. [1]) Нѣкоторымъ словамъ, приводимымъ Шмидтомъ, нельзя впрочемъ отказать въ извѣстной долѣ убѣдительности: таково заимствованное народное названіе σαρακηνός, которое по-слав. является въ формѣ **срацинъ**; тутъ дѣйствительно, греч. -αρα- замѣнено черезъ **-ра-**. Можно однако допустить, что изъ греч. σαρακηνός русскіе сдѣлали с о р о ц и н ъ, а потомъ эту форму, которая могла показаться полногласной т. е. руссизмомъ, передѣлали на церковный ладъ. Еще Шмидтъ сопоставляетъ τέρεμνον со слав. **трѣмъ**, считая **трѣмъ** заимствованнымъ изъ греческаго, въ чемъ можно и сомнѣваться; но, конечно, и при общемъ происхожденіи этихъ словъ τέρεμνον представляетъ нѣкоторый доводъ въ пользу первенства полногласія.—Возраженія Ягича вызвали отвѣтъ Шмидта, напечатанный въ XXIII т. Журнала Сравнительнаго языкознанія. Излагать эти возраженія, хотя иныя изъ нихъ и не лишены значенія, нѣтъ надобности, такъ какъ я къ доводамъ Ягича уже присоединилъ нѣкоторыя оговорки, отчасти взятыя у Шмидта.

Соображенія, высказанныя въ пользу послѣдочной огласовки Лескинымъ, я приведу ниже, теперь же перейду къ третьей группѣ взглядовъ на полногласіе, по которымъ разныя славянскія огласовки одинаково древни и не происходятъ одна изъ другой. Представителемъ этого взгляда является М и к л о ш и ч ъ, который раньше склоненъ былъ исходить отъ староцерковной огласовки, но измѣнилъ свои воззрѣнія въ посвященной этому вопросу монографіи: «О происхожденіи словъ старословенской формы trêt и trat», 1878 г. Trêt и trat—это формулы, въ которыхъ r служитъ общимъ знакомъ для обоихъ плавныхъ (r и l), а t—для другихъ согласныхъ. Пользуясь этой формулой, Миклошичъ для обозначенія

[1]) Срв. мой Разборъ Миклошичева Этимологическаго словаря, стр. 147 =Р. Ф. В., т. XXIV, стр. 175, пр. 2. **Скоролоупа**, конечно, руссизмъ.

полногласія пишетъ teret и torot, а соотвѣтственную польско-лужицкую огласовку обозначаетъ посредствомъ tret и trot. Миклошичъ въ указанной монографіи строитъ праславянскія формы съ передовой огласовкой (tert и tort) и изъ нихъ выводитъ троякую огласовку отдѣльныхъ славянскихъ языковъ. Праславянскій выговоръ былъ, по этой теоріи, bergъ, откуда вышло съ одной стороны брѣгъ, съ другой—берегъ, съ третьей—брегъ. Такимъ же образомъ существовало-де праславян. golva, которое породило съ одной стороны глава, съ другой—голова, съ третьей—глова. Какъ и почему произошло такое измѣненіе, Миклошичъ не говоритъ: онъ довольствуется утвержденіемъ, что Славяне не терпѣли плавныхъ *р* и *л* передъ слѣдующимъ согласнымъ и такъ или иначе старались избавиться отъ подобныхъ созвучій. Миклошичъ, значитъ, только высказалъ свой взглядъ, но отнюдь не доказалъ его.

Непосредственную связь между полногласіемъ и инославян. огласовкой отрицалъ также Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, въ статьѣ «О русскомъ полногласіи», помѣщенной въ Извѣст. 2-го отдѣл. Имп. Ак. Н. въ V т., въ «Матеріалахъ для сравнительнаго словаря и грамматики русскаго языка и славянскихъ нарѣчій». Толкованіе полногласія у Лавровскаго довольно странное, но я приведу его для полноты нашего обзора. Лавровскій исходитъ изъ предположенія, что въ праязыкѣ были корни со слоговыми r и l, которые обладали способностью къ подъему; путемъ подъема и получался первый звукъ полногласія, т. е. подобнымъ образомъ, какъ корень tvr̥ въ существит. затворъ является въ видѣ твор, корень stl̥ въ существ. столъ—въ видѣ стол, такъ произошелъ подъемъ и въ какихъ-нибудь корняхъ grd, glv̥ при чемъ появилось первое *о* въ словахъ городъ и голова, звучавшихъ первоначально гордъ и голва. Чехи и Южные славяне утратили, сохраненную русскими, способность къ подъему—у нихъ напр. въ словахъ trh, plný слышны слоговые r и l, которые по-русски путемъ подъема переходятъ въ ор и ол: торг, полный. Утративъ способность къ подъему, Чехи и Южные славяне восполнили ее прибавленіемъ къ r и l другихъ гласныхъ — *а* и *ъ*: вм. голва у нихъ явилось глава, вм. борда—брада, подобнымъ же образомъ брѣгъ вм. бергъ. Вліяніемъ этихъ инославянскихъ формъ Лавровскій объясняетъ появленіе въ русскомъ

языкѣ второго гласнаго.—Въ этомъ объясненіи есть цѣлый рядъ странностей. Во первыхъ такъ называемый подъемъ (употребленіе корня въ болѣе сильномъ видѣ) зависитъ отъ строенія слова: словамъ при извѣстныхъ окончаніяхъ свойствена болѣе сильная, или болѣе слабая огласовка корня; значитъ подъемъ является при возникновеніи новыхъ словъ. Рус. волк рядомъ съ чеш. vlk, огласовка котораго совпадаетъ съ праславянскою, не представляетъ подъема, а переходъ l̥ (или замѣнившаго его ьл, ъл) въ ol; рус. языкъ вѣдь не унаслѣдовалъ корня vlk и не образовалъ отъ него вновь существ. в о л к. Точно также у Праславянъ существовало, съ той или другой огласовкой, существ. г о л о в а — Русскіе не вновь образовали это слово, и о подъемѣ на русской почвѣ говорить невозможно. Что до второго гласнаго, то замѣна черезъ а и ѣ утраченнаго подъема есть предположеніе странное; странно также заимствованіе этихъ гласныхъ: мы, правда, на каждомъ шагу видимъ заимствованіе словъ, но не звуковыхъ особенностей. Если даже допустить заимствованіе, предположивъ нпр. для его оправданія смѣшеніе Русскихъ съ другими славянскими племенами, то это вліяніе вѣроятно породило бы фонемы г о л а в а, б о р а д а и б е р ѣ г съ ятемъ, а не извѣстныя намъ полногласныя фонемы съ двумя *о* или съ двумя *е* [1]. Странной представляется также одна подробность въ теоріи Лавровскаго. Лавровскій говоритъ, что слоги er и el, замѣненные у Югозападныхъ славянъ черезъ *рѣ* и *лѣ*, представляютъ подъемъ r и l слоговыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣдніе восходятъ къ слогамъ ri и li. Ri, li, конечно, могли бы чередоваться съ рѣ, лѣ, еслибы *ѣ* тутъ былъ дифтонговый, однако чередоваться со слогами er, el они никакъ не могутъ. Это ученіе Лавровскій взялъ, повидимому, изъ санскритской грамматики, съ которой вѣроятно былъ мало знакомъ. Д. б., ему представлялись такіе случаи какъ t̥rtíya третій отъ корня tri. При теоріи Лавровскаго оказывается также необъясненнымъ, почему развилась послѣдочная огласовка у Поляковъ и Лужичанъ, что̀ онъ и самъ отмѣтилъ. Поляки и Лужичане сохраняютъ «подъемъ»: Поляки не говорятъ напр. trg, а targ, между

[1]) Впрочемъ есть всетаки возможность выводить г о л о в а изъ параллельныхъ фонемъ г о л в а и г л *а* в а, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

тѣмъ у нихъ является выговоръ broda. Хотя такимъ образомъ объясненіе полногласія у Лавровскаго оказывается весьма неудачнымъ, но статья его вполнѣ заслуживаетъ упоминанья потому, что Лавровскій далъ подробное сопоставленіе славянскихъ словъ между собой и со словами родственныхъ языковъ—отмѣтивъ, какія явленія соотвѣтствуютъ полногласію въ другихъ славянскихъ и неславянскихъ языкахъ. Кромѣ того, кажется, и въ самомъ объясненіи есть таки доля правды. Мнѣ представляется невозможнымъ объяснять разнообразныя огласовки плавно-чистыхъ созвучій исключительно звуковымъ путемъ, и я склоненъ допустить здѣсь, въ томъ или иномъ видѣ, подражательное измѣненіе словъ.

Изслѣдователи нашего вопроса, по моему, прекрасно опровергаютъ другъ друга, но ни одинъ самъ не выставилъ убѣдительной теоріи. Весьма странно, какъ мы уже отмѣтили, перестановка, или же прохожденіе гласнаго сквозь плавный, каковыя приходится предполагать при любомъ изъ предложенныхъ объясненій. Одинаково, говорю я, непонятно, какъ форма городъ могла дать гроодъ, изъ чего потомъ гр̄дъ и градъ, и какъ градъ или гр̄дъ могло разложиться въ гроодъ, откуда потомъ городъ. Непонятно также, почему глава въ такомъ случаѣ разложилось въ голова, а прилаг. слабъ сохранилось безъ разложенія. Для послѣдняго затрудненія указана однако возможность оправданія Лескинымъ. Лескинъ въ III т. Архива Славянской филологіи помѣстилъ «Замѣчанія къ вопросу о полногласіи» (Bemerkungen zur Svarabhaktifrage). Лескинъ обратилъ вниманіе на аналогію, представляемую однимъ явленіемъ Нижнелужицкаго языка, явленіемъ, которое на первый взглядъ можно бы истолковать въ пользу первенства полногласія, но которое требуетъ иного объясненія. Явленіе это слѣдующее. У Нижнихъ лужичанъ звукъ r, слѣдуя за безголоснымъ смычнымъ согласникомъ, т. е. за звуками k, t, p, превращается въ š: основному **проснти**, русск. просить, но-нижнелуж. соотвѣтствуетъ pšosyś; основному **просо**—pšoso, основному **трохл** малость—tšocha, основному **кртъ**, русск. крот,—kšet, инфинитиву **трясти**, русск. трясти, соотвѣтствуетъ tśeść (ś—знакъ мягкаго *и*). Въ противуположность указаннымъ случаямъ, въ которыхъ r во всѣхъ славянскихъ языкахъ слѣдуетъ за k, t, p, тѣ случаи, гдѣ русскій языкъ представляетъ полногласіе, сохраняютъ звукъ

r, напр. **прасѧ**, рус. поросёнокъ не будетъ pšose, a prose; староц. **страна**, рус. с т о р о н а не будетъ stšona, a strona, глаголъ **прѣти**, рус. п е р е т ь не будетъ pśeś, a pŕeś. Это вотъ явленіе можно бы, какъ замѣчаетъ Лескинъ, обратить въ пользу полногласія— сказавъ, что, очевидно, въ то время, когда у Нижнихъ лужичанъ совершался переходъ созвучій kr, tr, pr въ kš, tš, pš, такія слова какъ **прасѧ** не представляли еще соприкосновенія звуковъ k, t, p съ r, а представляли полногласіе, только впослѣдствіи измѣненное, т. е. когда вм. proso стали произносить pšoso, говорили еще porose, и лишь позднѣе совершилось выпаденіе перваго *o*, и тогда уже превращенія r не произошло. Однако такое толкованіе было бы ошибочно, потому что можно указать письменный памятникъ XVI столѣтія, гдѣ нѣтъ еще превращенія r послѣ указанныхъ согласныхъ, т. е. пишется prosyś, но уже существуетъ послѣдочная огласовка. Значитъ, объяснять отмѣченную двойственность какъ слѣдъ полногласія не приходится. Лескинъ предлагаетъ видѣть въ разсматриваемыхъ случаяхъ двоякій выговоръ r. Дѣйствительно, можно предполагать, что звукъ r, имѣвшій предъ собой согласные k, t, p, издавна пріобрѣлъ нѣсколько иной оттѣнокъ, чѣмъ въ тѣхъ словахъ, гдѣ не было такого соприкосновенія. Можно, такимъ образомъ, думать, что разсматриваемое явленіе восходитъ къ двоякости праславянскаго r: r въ какомънибудь словѣ **трава**, гдѣ r издавна стоялъ послѣ t, могъ отличаться отъ r въ словѣ **страна**, восходящемъ къ дославянскому *stornā. Вотъ на этой двоякости, м. б., и основывается та двойственность, которая насъ затрудняетъ въ русскомъ языкѣ: т р а в а, но с т о р о н а и т. п. Конечно, вопросъ о полногласіи и этимъ не рѣшается вполнѣ: мы, правда, поймемъ, что своеобразный r могъ выдѣлить изъ себя новый гласникъ, такъ что какая-нибудь фонема б о р а д а была бы понятна, но зачѣмъ же б о р о д а: зачѣмъ звукъ *a* измѣнился въ *o*? Непонятна также польская и лужицкая огласовка: зачѣмъ тамъ вмѣсто *a* появляется *o*, вм. *ъ—е*?

Въ виду всего выше изложеннаго, мнѣ казалось бы нужнымъ предположить въ праславянскомъ языкѣ двоякую огласовку занимающихъ насъ созвучій. Это указано въ одномъ примѣчаніи къ первой таблицѣ моего «Начертанія славянской акцентологіи» (стр. 233). Въ виду господствующей во всѣхъ неславянскихъ язы-

кахъ передовой огласовки, древнѣйшему славянскому языку, кажется, приходится вмѣстѣ съ Миклошичемъ приписать такую же огласовку, т. е. предположить фонемы **борда, голка, бергъ, мелко**. Съ другой стороны, однако, согласіе Южныхъ славянъ съ Чехами, языкъ которыхъ вообще довольно далекъ отъ языка Южныхъ славянъ, говоритъ въ пользу того, что и послѣдочная огласовка есть явленіе праславянское, т. е. что кромѣ фонемъ **борда, голка, бергъ, мелко** существовали **брада, глава, брѣгъ, млѣко**. Изъ указанныхъ дублетовъ съ удобствомъ можно объяснять существующее разнообразіе—иные Славяне просто сохранили одни изъ дублетовъ (**брада, глава** и т. д.); у Поляковъ же и Лужичанъ можно предположить сдѣлку между фонемами **борда** и **брада, бергъ** и **брѣгъ**, породившую сумѣски broda и breg, въ которыхъ постановка гласнаго идетъ изъ одной фонемы, качество—изъ другой. Русскій языкъ, по моему мнѣнію, произвелъ прежде всего ту же сдѣлку, какъ польскій и лужицкій, а потомъ слилъ получившіяся фонемы въ одну, сохранивъ огласовку обѣихъ, такъ, что изъ **борда** и **брода** вышло полногласное б о р о д а. Но какъ, спрашивается, понять двойственность **брада** и **борда**? Не отстрочиваемъ ли мы только этимъ объясненіемъ наши затрудненія? Вѣдь всетаки формамъ послѣдочной огласовки, не появляющимся внѣ славянскихъ языковъ, приходится приписать вторичное возникновеніе въ общеславянскомъ языкѣ. Однако существуетъ теорія, которая, если справедлива, можетъ насъ вывести изъ затрудненія. Именно, выставлено предположеніе (К р у ш е в с к и м ъ, въ V т. Рус. Фил. Вѣстн., въ работѣ «Къ вопросу о гунѣ»), что славянскія *ра, ла, ръ, лъ* соотвѣтствуютъ иногда долгимъ слоговикамъ праязыка, т. е. r̥̄ и l̥̄. Пришлось бы, значитъ, предположить въ данныхъ корняхъ колебаніе между огласовкой черезъ *о* и *е* и черезъ долгіе слоговики: построить праязычное склоненіе bhórdhā, родит. bhr̥̄dhás, изъ чего по-славянски развилось бо́рда, брады́—съ колебаніемъ огласовки по падежамъ, впослѣдствіи устраненнымъ черезъ примѣненіе ихъ другъ къ другу.

При моемъ толкованіи полногласія падаетъ также нѣкоторый свѣтъ на одно весьма загадочное явленіе, которое, впрочемъ, и такъ не вполнѣ выясняется. Я разумѣю то обстоятельство, что старославянскому созвучію **лѣ** по-русски соотвѣтствуетъ не только *еле*, но и *оло*. *Еле* мы видимъ въ словѣ ж е л е з а́, словенская

форма котораго есть žléza или žlézda, сербская жлијѐзда; видимъ также въ словѣ селезёнка, при которомъ стоитъ старославянское слєзена (встрѣчается, впрочемъ, также написаніе слезена), и въ словенскомъ мы находимъ slezena, и въ сербскомъ слезѝна (окончаніе -ена по-сербски замѣнено обычнымъ суффиксомъ -ина). Въ большинствѣ случаевъ мы однако видимъ не *еле*, а *оло*: при старославян. млѣко стоитъ рус. молоко́. Млѣко проходитъ по другимъ славянскимъ языкамъ съ обычной варьяціей. Подобнымъ же образомъ мы имѣемъ форму молóзиво (первое молоко посотёлу), вмѣсто старославян. млєзиво съ є; глаг. полóть въ старославян. формѣ будетъ плѣти; старославян. длѣто (оно не встрѣчается, но можетъ быть предположено на основаніи серб. длијѐто и словен. dléto), по-русски произносится долото́ [1]). Подобное же явленіе какъ русское *оло* вм. лѣ, замѣчается и у сѣверозападныхъ Славянъ—у Чеховъ, Поляковъ, Лужичанъ. Такъ, слово долото́ находитъ себѣ ближайшее соотвѣтствіе въ языкѣ чешскомъ, гдѣ оно звучитъ dláto; въ польскомъ является фонетически не совсѣмъ ясное—dłuto, уменьшительное dłutko. По-польски и нерѣдко происходитъ изъ *о* при извѣстныхъ условіяхъ, которыя отчасти существуютъ въ уменьшительномъ dłutko, поэтому можно думать, какъ обыкновенно и дѣлаютъ, что dłutko есть неэтимологичное написаніе, и что слѣдовало бы писать, вм. u, ó; въ форму же dłuto и могло зайти изъ уменьшительнаго. Впрочемъ, можно также думать, что слово это заимствовало огласовку черезъ и отъ однокореннаго глагола dłubać долбить, что въ переложеніи на старославян. звуки будетъ длъбати. Но, какъ бы то ни было, едвали подлежитъ сомнѣнію, что польское dłuto замѣнило первоначальное dłoto, равное чеш. dláto, рус. долото́. Далѣе мы въ соотвѣтствіе рус. молоко́ по-поль., рядомъ съ mleko, находимъ другое существ.

---

[1]) Въ старославян. памятникахъ, правда, употребляется это слово въ видѣ длато, но длато можетъ быть просто неправильнымъ измѣненіемъ русской формы на старославянскій ладъ: при томъ согласіи, которое вообще существуетъ относительно огласовки плавно-чистыхъ созвучій между старославянскимъ и другими южно-славянскими языками, едвали можно сомнѣваться, что по-старославянскому было длѣто, а не длато.

młokos молокососъ [1]). Еще мы въ польскомъ видимъ твердый согласный и широкую огласовку въ соотвѣтствіе рус. м о л о́ з и в о, а именно говорятъ młodziwo. Młodziwo представляетъ явное переиначеніе: dź вм. ź идетъ изъ прилаг. młody, но едвали оттуда же заимствована огласовка: еслибы по-польски основная фонема была mleźiwo, то ее не стали бы примѣнять къ мало-похожему прилаг. młody: вѣроятно, было młoziwo. Далѣе мы видимъ въ соотвѣтствіе рус. ж о́ л о б (при староцерк. **жлѣбъ**, серб. ж л̑ ј е б, слов. žléb), чешск. žlab, поль. żłób, род. żłobu; также у Лужичанъ (у Верхнихъ, какъ у Нижнихъ)—žłob. И слово ж е л е з а́, которое въ рус. языкѣ представляетъ узкую огласовку, встрѣчается съ огласовкой широкой, рядомъ съ узкою, у Чеховъ; это слово у Чеховъ имѣетъ троякій выговоръ: hlíza, hláza и žláza.

Основная форма въ указанныхъ словахъ, повидимому, представляла *е*; объ этомъ можно заключить уже по такимъ случаямъ, какъ **жлѣбъ**, ж о́ л о б, гдѣ произошло смягченіе, указывающее на соприкосновеніе согласнаго съ узкимъ гласнымъ. Можно сослаться также на родственные языки: при глаголѣ в о л о́ ч ь, староцерк. **влѣшти**, стоитъ литов. velkù съ *е*. Въ третьихъ въ этомъ же смыслѣ говоритъ явно заимствованное слово ш е л о м, ш л е м, равное готскому hilms, нѣмецкому Helm. Но, конечно, существованіе передовой огласовки черезъ *е* не мѣшаетъ предположенію, что рядомъ съ нею могли существовать другія формы съ огласовкой послѣдочной.

Для объясненія славянскаго колебанія при звукѣ l между широкимъ и узкимъ гласникомъ I о г. Ш м и д т ъ ссылается на вліяніе твердаго ł. У нѣкоторыхъ Славянъ развился-де твердый ł, и подъ его вліяніемъ произошло разширеніе, т. е. еще въ праславянской рѣчи въ нѣкоторыхъ областяхъ изъ древняго želbъ сдѣлалось želъbъ съ твердымъ ł, который потомъ повліялъ на *е*, и вышло žołъbъ. Фонема želbъ, становясь полногласной, дала želebъ, а фонема žołъbъ—žołobъ, потомъ со стяженіемъ получилось žlêbъ и žłabъ. Объясненіе это однако не годится. Разширеніе *е* въ *о* никакъ не можетъ считаться явленіемъ праславянскимъ: несомнѣнно, что рус-

[1]) Насчетъ соотношенія польскаго młokos и рус. м о л о к о с о с ъ ср. мой Разборъ Миклошичева Этимологическаго словаря, подъ словомъ Melko.

ское полногласіе древнѣе разширенія; такъ что преполагать форму žołъ и изъ нея žołoъ не приходится. Нѣсколько яснѣе представляется это дѣло при моемъ взглядѣ на полногласіе. Можно предположить колебаніе по падежамъ; такъ отъ слова ж е л е з а́ имен. могъ быть ***желѧ**, род. **глѧ**; изъ формы ***глѧ** мы прямо и будемъ выводить чешское hláza; žláza объяснимъ примѣненіемъ къ тѣмъ падежамъ, гдѣ было **ж**. Примѣняясь къ такимъ падежамъ, какъ ***желѧ**, ***глѧ** могло вм. ā получить ē (*ѣ*), т. е., сохранивъ долготу, но усвоивъ окраску отъ другихъ падежей, ā могло замѣниться черезъ ē. При полномъ примѣненіи огласовки родительнаго къ именительному, могло возникнуть ***желѧ**, ***глѣ**, а далѣе ж е л е з а́. Однако какое-ниб. м о л о к о́ можно вывести изъ основного ***мелко**; род. **млка** не иначе какъ при содѣйствіи такихъ формъ, какъ ***болто**, род. **блта** — безъ нихъ могло бы возникнуть только **млѣко**, ***млако**, ***мелако**, ***мелѣко**.

Остановимся теперь на другой особенности русскаго языка, которая также не повторяется въ инославянскихъ языкахъ. Это есть появленіе звука *о* вм. старославянскихъ **ъ** и звука *е* вм. старославянскаго **ѧ**, которое замѣчается передъ *j*. Вмѣсто старослав. фонемъ **мъи**, **мъѭ** мы имѣемъ по-русски м о й, м о́ й у, а въ какомъ-нибудь родит. падежѣ **людии** по-рус. является е—л ю д е́ й. Это превращеніе даже не есть общерусское: оно господствуетъ только въ великорусскомъ нарѣчіи, но не въ бѣлорусскомъ и не въ малорусскомъ. Происходитъ такое измѣненіе въ слѣдующихъ случаяхъ. *О* вм. **ъ** является 1) въ имен. ед. ч. муж. рода членовыхъ прилагат.: з л о й вм. **зълъи**, д о́ б р о й вм. **добръи**. (Основной великорус. формой слѣдуетъ считать д о б р о й, теперешнее д о б р ы й орѳографическій славянизмъ, который впрочемъ и фонетически находитъ себѣ оправданіе, такъ какъ *ы* довольно хорошо изображаютъ тотъ глухой выговоръ, который слышится вм. безударныхъ *о* и *а* въ закрытомъ слогѣ). 2) Мы находимъ такое измѣненіе у нѣкоторыхъ глаголовъ, въ настоящемъ времени и въ повелит. наклоненіи; это глаголы: в ы т ь, к р ы т ь, м ы т ь, р ы т ь, н ы т ь. 3) Мы видимъ это измѣненіе въ нѣкоторыхъ родственныхъуказаннымъ глаголамъ существительныхъ; напр. в о й при глаг. в ы т ь, п о р т о м о́ й к а при глаголѣ м ы т ь, з е м л е р о́ й к а при глаг. р ы т ь.

Звукъ *е* вм. **н** является въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ имен. ед. ч. муж. рода членовыхъ прилагат., гдѣ мы пишемъ *і*, подобно тому, какъ въ твердомъ различіи пишемъ *ы*, но основнымъ великорус. окончаніемъ слѣдуетъ считать *ей*; напр. си́ней, лу́чшей. 2) Въ родит. пад. мн. ч.: людéй, костéй и т. д. 3) Въ настоящ. и повелит. глагола брить: брѣю, брѣй, гдѣ, правда, обыкновенно пишутъ *ѣ*, но совершенно произвольно. 4) Въ повелит. глаголовъ бить, вить, пить, шить. И наконецъ 5) въ нѣкоторыхъ существ.: воробéй, соловéй, муравéй, жéребей, и́ней, змѣй и змѣя́ (въ двухъ послѣднихъ мы пишемъ *ѣ*, но безъ надобности). Изъ указанныхъ случаевъ употребленія *е* вм. **н** нѣкоторые повторяются и въ малорусскомъ, а именно, мы находимъ сущ. соловéй и род. падежи на *е*: свинéй, дітéй, хотя есть также свиний и т. п., и у Бѣлоруссовъ здѣсь является *ей*; но въ большинствѣ случаевъ Малороссы и Бѣлоруссы, какъ уже сказано, согласны съ остальными Славянами.

Въ указанной особенности великорусскаго языка видятъ обыкновенно вторичное звуковое измѣненіе. Однако, еслибы совершился переходъ звука **ы** въ *о* и звука **н** въ *е* передъ j, то не могли бы существовать такія формы, какъ злы́йа, другъ'и́йа. Мнѣ кажется (по этому вопросу есть моя статейка въ V т. Р. Ф. В.), что *о* и *е* слѣдуетъ выводить изъ **ъ** и **ь**, которые первоначально чередовались съ **ы** и **н**. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это очень легко допустить; такъ прилагат. **ꙁълън** имѣло древнѣйшую форму **ꙁълън**; такъ и для **сни̑нн** основная форма есть **сни̑ьн**. Точно также и родит. на **нн** имѣютъ при себѣ дублеты, представляющіе **ьн**—**людьн**. Существительнымъ на *ей*, какъ съла́в'ей, въраб'е́й, естественно приписать первоначальное окончаніе **ьн** уже вслѣдствіе бѣглости звука *е* (родит. съла́в'ја, въраб'ја). Также у глаголовъ, представляющихъ *е* вм. **н**, мы видимъ бѣглость коренного гласнаго—пью рядомъ съ пей; въ томъ же смыслѣ свидѣтельствуютъ настоящ. шью, бью, вью. Особое положеніе занимаетъ повелит. лей при наст. лью; его можно бы объяснить изъ **льн**; но, такъ какъ обыкновенное наст. въ старослав. есть **лѣжѫ** и повелит. **лѣн** (съ **ѣ**), то здѣсь можно возводить *е* къ **ѣ**. Въ пользу древности **ь** въ указанныхъ случаяхъ говоритъ языкъ чешскій: въ старочеш. языкѣ существуютъ формы bju, pju вм. позднѣйшихъ biji,

ріjі. Подобнымъ же образомъ я для глаголовъ съ *о* вм. ы предполагаю наст. и повелит. съ ъ—мъѫ, мъи. Можно спросить, конечно, почему тутъ ъ не онѣмѣлъ, находясь въ открытомъ слогѣ. Но сохраненіе ера легко объясняется тѣмъ, что на него падало удареніе, а ударяемый гласный онѣмѣть не могъ. Чередованье ы съ ъ, и съ ь въ корняхъ и суффиксахъ вполнѣ понятно: оно аналогично тому чередованію, которое мы дѣйствительно имѣемъ въ староцерк., напр. въ настоящемъ ѹтѫ при инфинитивѣ ѹнѫти. Кромѣ указанныхъ словъ, въ которыхъ переходъ, по-моему мнимый, совершался передъ j, есть одно слово, гдѣ русскій языкъ представляетъ звукъ *о* вм. ы передъ другимъ согласнымъ; это нарѣчіе нонѣ вм. нынѣ. И здѣсь очень легко предположить колебаніе между ы и ъ, т. е. первоначально между ū и ŭ. Мы дѣйствительно по-греч. видимъ νῦ рядомъ съ νῦν, по-санскр. nū и nŭ. Въ этомъ случаѣ мнѣ кажется было нъıнѣ и *нънь-ѵе, и впослѣдствіи стали примѣнять одну форму къ другой и говорить не только нонъче, но и нонѣ, нонѣшній. Слѣдуетъ замѣтить, что противъ моего толкованія можно сослаться на исторію языка: Колосовъ отмѣчаетъ, что ей вм. ій встрѣчается только съ XII или начала XIII вѣка, а ой вм. ый въ XIII, или въ началѣ XIV в. Приблизительно тоже самое говоритъ Потебня: «въ началѣ XIII ст. является ей, которое въ началѣ XIV уже господствуетъ». Мнѣ однако кажется, что эти данныя не мѣшаютъ допустить, что великорусское нарѣчіе своими *о* и *е* восходитъ къ ъ и ь. Писцы могли подъ книжнымъ вліяніемъ предпочитать написанія ы и и—вѣдь еще до недавняго времени у насъ писали злый. Могли такому употребленію буквъ ы и и вм. о и е или же ъ и ь содѣйствовать мѣстные говоры: уроженецъ юга или запада, говорившій, слѣдовательно, языкомъ, который впослѣдствіи развился въ малорусское или бѣлорусское нарѣчіе, конечно, могъ писать *ы* и *и* по свойству своей рѣчи.

Разсмотримъ теперь нѣсколько подробнѣе явленіе, котораго приходилось касаться уже по другимъ поводамъ — малорусское сжатіе или наклоненіе гласныхъ, при которомъ исконные *о* и *е* переходятъ въ *і*. Наклоненіе или сжатіе имѣетъ мѣсто въ закрытыхъ слогахъ: основное колъ даетъ вiл, родит. однако волá; таковы же нiс—нóсу, кiсть—кóсти; лiд (ледъ)—

лéду. Это явленіе не во всѣхъ областяхъ Малороссіи вполнѣ одинаково. Прежде всего замѣтимъ, что звукъ *і*, возникающій изъ первоначальнаго *о*, произносится различно: въ говорахъ Галиціи это *і* умягчительное, значитъ, совпадаетъ съ исконнымъ ѣ; напротивъ того на Волыни и въ Подольѣ оно неумягчительно, значитъ, совпадаетъ съ исконнымъ н; на Украйнѣ оно вообще умягчительно, но лишь слегка умягчаетъ звуки *н* и *л*. Такимъ образомъ въ словѣ лій, основномъ лон, слогъ лі не совпадаетъ со слогомъ лі въ словѣ ліс, гдѣ і вполнѣ мягкое, въ словѣ же лій оно тоже мягко, но въ меньшей степени, съ чѣмъ соединенъ также двоякій выговоръ *л*; такимъ же образомъ въ словѣ ніс (носъ) *и* и *н* мягкія, но мягкость не столь значительна, какъ въ словѣ нíмець. Какъ изъ всякаго звукового закона, такъ и изъ этого закона есть исключенія, которыя однако обыкновенно объясняются очень легко и просто. Есть, вопервыхъ, такіе случаи, гдѣ наклоненію подвергаются прояснившіеся ъ и ь, напр. слова́ брова́ (староцерк. брѣвь), дрова́ (дрѣва) образуютъ род. мн. брів, дрів. Очевидно, здѣсь происходитъ подражаніе словамъ со звукомъ *о* исконнымъ; точно такъ же объясняется уменьшит. брíвка вм. органическаго бро́вка. И полногласное *о* сжатію не подвержено; однако здѣсь также есть, но опять-таки рѣдкія, исключенія: та́къ, слово борона́ можетъ образовать род. мн. бо́рóн и борíн; бересá—берéз и берíз: очевидно и это і плодъ подражанія. Мы находимъ также иногда *і* вм. *о* въ открытыхъ слогахъ; напр. уменьшит. гвіздо́к не должно бы имѣть звука і, а должно бы звучать гвоздо́к; таково же слово кілó́к (кол) и родительные гірó́к, кізó́к; не ожидали бы мы встрѣтить и уменьшительнаго второй степени нíжечка къ слову нога́. Однако всѣ эти формы объясняются вліяніемъ ближайшихъ къ нимъ формъ; именно, гвіздо́к и кілó́к взяли свое *і* у косвенниковъ—гвіздка́, кілка́, гвіздку́, кілку́ и т. д.; род. кізо́к основывается на законномъ сжатіи въ остальныхъ падежахъ—кíзка, кíзки и т. д.; уменьшит. второй степени нíжечка взяло свое *і* отъ уменьшит. первой степени нíжка. Есть также нѣкоторыя исключенія въ другую сторону—случаи сохраненія *о* и *е* тамъ, гдѣ мы ожидали бы ихъ превращенія. Это должно отчасти объясняться книжнымъ вліяніемъ. Таково слово Бог, которое, впрочемъ, встрѣчает-

ся и въ формѣ Біг, напр. дáсть Біг, помогáй Біг, спасúбі. Съ такимъ же книжнымъ *о* является слово год (настоящее малорусское названіе года есть рік—поль. rok), при производномъ погíдчата (дѣти-погодки); таковы же словá Госпóдь, дом (дом по-малорус. хáта), гром, рядомъ съ которымъ есть и грім. Далѣе исключенія представляютъ нѣкоторыя глагольныя формы: ведéш, ведéцця, гдѣ, очевидно, было вліяніе другихъ лицъ, напр. 3-го л. безъ суффикса—ведé.

По сравненію съ другими славян. языками слѣдуетъ считать несомнѣннымъ, что малорус. *і* вм. *о* и *е* восходитъ къ первоначальной долготѣ, т. е. что первоначально происходило въ закрытыхъ слогахъ продленіе, и потомъ уже это количественное измѣненіе повело къ качественному.

Подобное же сжатіе, какъ въ въ малорусской рѣчи, существуетъ въ языкахъ чешскомъ, польскомъ, лужицкомъ и сербскомъ. Притомъ въ сербскомъ языкѣ дѣйствительно является долгота, точно также и въ чешскомъ, только чешская долгота соединена и съ качественнымъ измѣненіемъ гласнаго. Не пускаясь въ подробности, отмѣчу серб. Бо̄г—Бо̆га, лѣ̄д—лѣ̆да (или, употребляя знаки сербскихъ словарей и грамматикъ, Бо̂г—Бо̑га, лѣ̂д—лѣ̑да); по-чешски мы имѣемъ Bů̄h—Boha. Въ чешскомъ мы видимъ ū, которое по этимологическимъ соображеніямъ обозначается черезъ ů̄, въ болѣе старомъ языкѣ здѣсь былъ дифтонгъ uo, еще раньше—ō.

Также и малорусское сжатіе м. б. проходило черезъ эти ступени. Дѣло въ томъ, что въ областной малорусской рѣчи существуютъ дифтонги уо, уе, уа, уі, также просто уи ў; такіе дифтонги и монофтонги встрѣчаются въ разныхъ областяхъ: въ губерніяхъ Сѣдлецкой, Ковенской, Черниговской, на Угорской Руси. Потебня, Житецкій и Огоновскій, видя въ этихъ звукахъ остатокъ старины и думая, что они представляютъ переходныя ступени отъ ō къ теперешнему і, строятъ длинный рядъ переходовъ. Я затрудняюсь съ ними согласиться и не считаю нужнымъ приводить ту послѣдовательность, въ которой они располагаютъ этотъ переходъ звуковъ. Въ говорахъ, представляющихъ дифтонги вм. *о*, тѣ же дифтонги замѣняютъ и первоначальное *е*, только что предшествующій согласный мягокъ; напр. тамъ, гдѣ говорятъ

в у о л вм. в і л, тамъ также говорятъ и л у о д вм. л і д. Поэтому указанные ученые и сжатіе *е* проводятъ черезъ тѣ же ступени, какъ сжатіе *о*. Потебня, впрочемъ, дѣлаетъ исключеніе для тѣхъ случаевъ, гдѣ *е* стояло передъ согласнымъ мягкимъ, такъ что трудно предположить разширеніе его въ *о*, напр. к а́ м і н, к а́ м е н а: здѣсь Потебня выводитъ *і* прямо изъ *е*. Мнѣ казалось бы, къ чему склоненъ и Ягичъ, что естественнѣй выводить *і* изъ *е* и *о* безъ посредства дифтонговъ, считая дифтонги побочнымъ явленіемъ областной рѣчи. Но, и не проводя звука *е* черезъ всѣ эти ступени, всетаки можно объяснять ими *і* на мѣстѣ *о*. Въ пользу дифтонговъ говоритъ обычность передъ сжатымъ *о* п р и з в у к а: подвергшееся сжатію начальное *о* всегда имѣетъ передъ собой *в*, напр. слово о к н о́ звучитъ в і к н о́, слово о в е́ ц ь (род. мн.) стоитъ при именит. в і в ц я́; о р е́ л образуетъ род. в і р л а́. Съ одной стороны не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что звукъ *в* не могъ развиться фонетически передъ *і*, а съ другой—первая часть дифтонга *уо* легко могла перейти въ *в*. Можно думать, что изъ основного ōрла́, которое мы имѣемъ въ серб. языкѣ (имен. ò р а о, род. о́ р л а), развилась форма у о р л а́, перешедшая сначала, смотря по тому, предшествовалъ ли гласный звукъ или согласный, въ в о р л а́ и і р л а́, а затѣмъ, какъ плодъ сдѣлки между этими двумя фонемами, появился выговоръ в і р л а́. Въ виду показанія другихъ славянскихъ языковъ, мнѣ кажется, надо возводить начатки продленія въ закрытомъ слогѣ звуковъ *о* и *е* къ праславянской порѣ, т. е. надо думать, что подъ конецъ этого періода началось ослабленіе ъ и ь, рука объ руку съ которымъ шло усиленіе другихъ е́ровъ и ерей и продленіе чистыхъ гласныхъ въ предшествующихъ слогахъ—въ реченіяхъ с ъ н ъ, д ь н ь, д о м ъ, л е д ъ конечный слогъ ослабѣвалъ, а начальный усиливался. Объ этомъ нѣсколько подробнѣй говорится въ моей «Славянской акцентологіи», въ дополнительной главѣ о количествѣ. Предположивъ, что продленіе началось еще въ праславянской рѣчи, естественно думать, что оно должно было существовать и въ основномъ русскомъ языкѣ. Я склоненъ предполагать, что какое-нибудь слово н о с въ основномъ рус. представляло ō; вмѣстѣ съ тѣмъ я думаю, что вмѣсто срединнаго ъ въ такихъ случаяхъ было ŏ напр. с ŏ н; соотвѣтственно тому л ē д представляло ē, а д е н ь—ĕ. (Возможно, конечно, что

въ основномъ русскомъ уже не было долготы, а что она была замѣнена качественнымъ измѣненіемъ гласнаго). Держась такого мнѣнія, я долженъ допустить, что, тогда какъ въ малорусской рѣчи фонемы съ продленными или же нѣсколько измѣненными въ качественномъ отношеніи звуками *о* и *е* продолжали развиваться фонетически и дошли до звука *і*, въ великорусской онѣ были устранены путемъ подражанія: л е д и н о с утратили свои долгія или своеобразныя *о* и *е*, заимствовавъ краткія или обыкновенныя *о* и *е* у косвенниковъ. Такимъ образомъ малорусское сжатіе представляетъ слѣды древняго количества, м. б., правда, не русскаго, а только праславянскаго. Въ пользу того, что долгота существовала и въ самомъ русскомъ, можно сослаться на нѣкоторыя областныя формы. Кое-гдѣ (въ Гродненской и Ковенской губ.) слышится, будто-бы, вмѣсто сжатаго *о* просто ō; если это вѣрно, то въ этомъ можно видѣть глубокій архаизмъ.

Въ обыкновенной русской рѣчи настоящаго к о л и ч е с т в а не существуетъ; мы видѣли, впрочемъ, что безударные гласные представляютъ количественные оттѣнки: что они неодинаково кратки. Существуетъ далѣе, въ областной рѣчи, какая-то д о л г о т а, о которой, однако, свѣдѣнія весьма скудны. Колосовъ въ Вятской губерніи подмѣтилъ случаи долготы, не зависящей, по его мнѣнію, отъ ударенія. Онъ приводитъ напр. глаголъ синѣ́ти, сущ. о́зеро, нарѣчіе пожа́луйста̄, глаг. возйтѝ. Указанная долгота едва ли можетъ быть признана древнею, потому что сербскій языкъ въ этихъ случаяхъ (по скольку имѣетъ такія слова) представляетъ краткость: језеро, вòзити, гòр-је-ти. Весьма немногочисленныя фразы, приводимыя Колосовымъ, указываютъ на логическій характеръ этого продленія: «не берутъ то вѣдь ӯжъ, молодые-то не берӯтъ», тутъ видимо продленіе представляетъ риторическій пріемъ. Уже несомнѣнно риторическимъ характеромъ отличается та долгота, которая слышится въ обыкновенной русской рѣчи. Такъ, при удивленномъ вопросѣ мы, кажется мнѣ, употребляемъ восходящее ударе-ніе, сопряженное съ долготой: спрашивая напр. «зачѣ́мъ это?» «когда́ это было?» мы протягиваемъ ударяемый гласный и, кажется, повышаемъ голосъ на второй части. Обыкновенно однако русскіе ударяемые гласные—средней длительности. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ словахъ существуютъ ударяемые гласные б о л ѣ е к р а т к і е,

получающіе притомъ удареніе, похожее на рѣзкое удареніе сербскаго языка и на краткостное—нѣмецкаго. Такой выговоръ гласнаго—краткій съ рѣзкимъ удареніемъ—сопряженъ съ усиленіемъ слѣдующаго согласнаго, которое на письмѣ выражается удвоеніемъ согласной буквы. Можно подобрать довольно много прилагательныхъ съ окончаніемъ нный: б р а н н ъ й, б р ѣ н н ъ й, в и с ѣ н н ъ й, с о н н ъ й, д л и н н ъ й, п а л ы н н ъ й, т ш у г у н н ъ й. Подобнымъ же образомъ слышится рѣзкое *о* въ словѣ п о д д а н ъ й; точно такъ же въ прилаг. н и з ш і й (гдѣ мы пишемъ *зш*, а этимологически должно бы писать *жш*, фонетически—*ш*ш) мы имѣемъ *и* съ рѣзкимъ удареніемъ—нишъй; точно такъ же въ прилаг. в ы ш ш ъ й слышатся *ы* съ рѣзкимъ удареніемъ, а въ словѣ б у т т а—*у* съ такимъ же удареніемъ. Само собой разумѣется, что все дѣло въ произношеніи: иногда мы на письмѣ не обозначаемъ усиленія согласнаго, но въ рѣчи соблюдаемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ произносимъ рѣзкое удареніе. Таково слово п о р у ч и к ъ, этимологическое написаніе котораго было бы -чщикъ, а фонетическое -тшшик, таково нарѣчіе ф п р о т т ш ш и м. Такое же удареніе является во 2-мъ л. ед. ч. и въ 3 л. обоихъ чиселъ, равно какъ въ неокончательномъ возвратныхъ глаголовъ, такъ что получаются окончанія -а т т с с а, -а т т с а, -и т т с с а, -о т т с с а, -у т т с с а, -ы т т с с а, -и с с а, -о с с а; такимъ образомъ является выговоръ с т а р а т т с с а, г р а т т с с а, р ъ з л и т а т т с с а, с т р и м и т т с с а (въ послѣдней фонемѣ совпадаютъ инфинитивъ и однинное третьеличье настоящаго), (о н) н и с о т т с с а, (а н и) н и с у т т с с а, м ы т т с с а, (т ы) н и с о с с а, (т ы) с т р и м и с с а. Также и наоборотъ, когда согласныя буквы удваиваются, но въ произношеніи этого удвоенья не соблюдается, то предшествующій гласный не становится рѣзкимъ—такъ напр. слово к л а с с ъ, гдѣ мы пишемъ два *с*, но произносимъ одинъ, не имѣетъ рѣзкаго ударенія.

По поводу количества я коснулся вопроса объ у д а р е н і и; скажу теперь нѣсколько словъ о его мѣстѣ, чѣмъ и закончу свой очеркъ фонетики гласныхъ. Русское удареніе, какъ извѣстно, не связано

никакими общими законами и можетъ падать на любой слогъ—русская акцентовка, по моей терминологіи, есть разномѣстная-вольная. Въ другихъ языкахъ бываетъ акцентовка одномѣстная; такова чешская, напирающая всегда на начальный слогъ; другія акцентовки, будучи разномѣстными, могутъ быть разномѣстными-связанными, т. е. представляющими ограниченную свободу; такова напр. греческая акцентовка, которая держится въ границахъ конечнаго слога и двухъ ему предшествующихъ, и притомъ связана еще извѣстными количественными ограниченьями. Вольную акцентовку среди славянскихъ языковъ представляютъ еще сербскій, словенскій и болгарскій. Впрочемъ, можно сказать, что и въ русскомъ языкѣ удареніе обыкновенно падаетъ на три послѣдніе слога, какъ въ греческомъ, уже потому, что односложныя, двусложныя и трехсложныя слова составляютъ въ языкѣ большинство, да и во многосложныхъ удареніе не разъ падаетъ на одинъ изъ этихъ трехъ слоговъ. Итакъ, русское удареніе чаще всего приходится на одинъ изъ трехъ конечныхъ слоговъ. Нерѣдко, однако, оно падаетъ на четвертый съ конца, иногда и на пятый; встрѣчается удареніе на шестомъ, на седьмомъ, пожалуй, даже на восьмомъ слогѣ отъ конца, но оно составляетъ уже рѣдкость. На удареніе въ предѣлахъ трехъ конечныхъ слоговъ приводить примѣровъ не стоитъ, такъ оно обычно. На 4-мъ слогѣ имѣютъ удареніе напр. слѣдующія слова: ви́сѣлица, су́кровица, о́колотень, глагольныя формы опи́сываю, отдѣ́лываю, разска́зываю, портня́жничаю, разбо́йничаю, прилагательныя на -и́тельный въ нѣкоторыхъ формахъ, напр. снисходи́тельная, -наго; на пятомъ слогѣ имѣютъ удареніе напр. слова: взя́точничество, вы́брошенные, глагольныя формы (вы) разска́зываете, (что́ вы) подѣ́лываете. Удареніе на шестомъ слогѣ, еще болѣе рѣдкое, представляютъ напр. о́боротничество, заи́мствованіями, Все́володовичи; такую акцентовку имѣетъ цѣлый рядъ причастій на -ивающійся, -ывающійся, напр. обнару́живающійся, скра́дывающійся, воспи́тывающійся. Еще рѣже встрѣчается удареніе на седьмомъ слогѣ; примѣромъ можно взять, служившее намъ уже раньше примѣромъ, отчество Всеволодовичи въ твор. пад.: Все́володовичами, и нѣкоторые падежи прича-

стій на -и в а ю щ і й с я, -ы в а ю щ і й с я, напр. с к р а́ д ы в а ю щ і е с я. На восьмомъ слогѣ удареніе имѣетъ одно только слово, и то, если не сокращать его окончанія -іе въ -ье, это—в ы́ б а л л о т и р о в а н і е. Примѣровъ на удареніе на пятомъ, шестомъ и седьмомъ слогѣ съ конца можно подобрать довольно много, однако при этомъ замѣчается, что слова такого рода—книжныя, искусственныя, чаще всего—причастія. Считая отъ н а ч а л а слова, удареніе также чаще всего приходится на первый, на второй, или третій слогъ, рѣже на четвертый, весьма рѣдко на пятый, или на шестой. Удареніе, падающее на четвертый слогъ отъ начала, мы видимъ напр. въ слѣдующихъ словахъ: в о р о т н и к и́, и н с п е к т о р а́, п е р е п л е с т и́, удареніе на пятомъ слогѣ: с о р о к о в и к и́, п е р е п о л о ш и́ т ь, (о н а) п е р е в е д е н а́; на шестомъ: п е р е г о в о р е н о́, о т р е к о м е н д о в а́ т ь. На седьмомъ слогѣ имѣемъ удареніе въ одномъ искусственномъ словѣ—в ы с о к о п р е в о с х о д и́ т е л ь с т в о; однако здѣсь удареніе соединено со второстепеннымъ удареніемъ на второмъ слогѣ отъ начала. То же второстепенное удареніе замѣчается въ сложныхъ словахъ, съ удареніемъ на шестомъ слогѣ: м а̀ л о р а с п р о с т р а н е́ н н ы й, о̀ б щ е у п о т р е б и́ т е л ь н ы й—слова эти также искусственныя.—Русскій языкъ въ дѣлѣ ударенія представляетъ немало мѣстнаго разнообразія, но въ большинствѣ случаевъ слова акцентуются одинаково во всей Великой и даже Бѣлой и Малой Россіи [1]).

---

[1]) Подробнѣе говорится объ удареніи въ моемъ не разъ уже цитованномъ Начертаніи славянской акцентологіи; кое-что указано и въ этихъ лекціяхъ на стр. 1, 36, 72—73, 75—78.

Согласные звуки.

Характерную особенность русскаго консонантизма составляетъ сильное развитіе согласныхъ твердыхъ и мягкихъ (по терминологіи Грота—дебелыхъ и тонкихъ). Въ другихъ европейскихъ языкахъ господствуютъ согласные средніе. Такъ напр. твердое *т* въ прилагательномъ тóмный представляетъ рѣзкую противуположность мягкому *т* прилагательнаго тѐмный, а нѣмецкое *t* какого-нибудь Tonne бочка стоитъ между ними по серединѣ. Даже остальные славянскіе языки—за исключеніемъ польскаго и, кажется, лужицкаго—не знаютъ такихъ твердыхъ согласныхъ, какъ русскій. Съ другой стороны, у остальныхъ славянъ не такъ развита мягкость [1]). У Поляковъ (сравнительно весьма богатыхъ мягкими согласными) не бываютъ мягкими ch, t, d и r: первое вслѣдствіе сохраненія имъ исконной твердости, напр. muchy, а не мýх'и, какъ по-русски; вторыя два вслѣдствіе перехода мягкихъ t и d въ ć и dź, напр. pić, dzień, а r — вслѣдствіе превращенія его въ болѣе-менѣе твердый шипящій звукъ (первоначально *рж*, *рш*, теперь просто *ж*, *ш*), напр. morze (гдѣ rz=*ж*), krzyk (гдѣ rz=*ш*). Подобнымъ же образомъ Нижніе лужичане не знаютъ мягкихъ ch, h: говорятъ напр. muchy, hykawa (икота), не знаютъ также мягкихъ t, d, которыя перешли

---

[1]) Въ послѣдующемъ изложеніи допущены нѣкоторыя неточности, во избѣжаніе неумѣстныхъ здѣсь подробностей изъ инославянскихъ фонетикъ. Между прочимъ я предпочелъ вовсе не упоминать о Болгарахъ.

въ ś, ź, напр. piś, źeń. У Верхнихъ лужичанъ мы не находимъ t′, d′, ś, ź, l′: первыя два превратились въ ć, dź, напр. pić, dźeń, остальныя три отвердѣли—s и z вполнѣ, напр. sywy сивый, zyma зима, l—до средняго выговора, напр. ludźo (**людиє**). Чехи знаютъ мягкость только у трехъ согласныхъ: t, d, n, напр. tělo, děd, něco (нѣчто). Сербы имѣютъ четыре мягкихъ звука љ, њ, ћ и ђ, напр. крâљ, кȏњ, нôћ, мѐђа. Словенцы умягчаютъ лишь два согласника: l и n, напр. kralj, konj.

Въ русскомъ же языкѣ всѣ согласные, за коими первоначально слѣдовали **є**, **ь**, **ѣ**, **н** или **л**—бываютъ мягки: мы видѣли въ отдѣлѣ о гласныхъ звукахъ, что русскіе *е* и *и* звуки «умягчительные», что **л** перешелъ въ *'a*, и что онѣмѣвшій **ь** оставилъ по себѣ мягкость [1]). Изм. Ив. Срезневскій, и въ слѣдъ за нимъ другіе наши слависты, понимали меньшее количество мягкихъ согласниковъ въ инославянскихъ языкахъ какъ утрату сохраняемой русскою рѣчью старины, такъ что говорили объ «ослабленіи» въ этихъ языкахъ мягкости и твердости. Однако гораздо естественнѣе, вмѣстѣ съ Миклошичемъ, предполагать у всѣхъ славянъ уклоненіе отъ старины, только въ разныя стороны: тогда какъ у однихъ мягкость и твердость уменьшалась, у другихъ она увеличивалась. Въ Старославянскомъ несомнѣнно могли умягчаться всего три согласныхъ **л**, **р** и **н**, мягкость которыхъ обозначалась на письмѣ посредствомъ іотированныхъ гласныхъ, а иногда посредствомъ ка́моры (ˆ): **полѥ**, **полѧ**, **полю**, **по̑лн**, **по̑ль**; **морѥ**, **морѧ**, **морю**, **мо̑рн**, **мо̑рь**; **сно̑ь**, **сноѧ**, **сноѥ**—умягченіе произошло подъ вліяніемъ нѣкогда входившаго въ составъ окончаній j. Тѣ же л̓, р̓, н̓ слѣдуетъ предполагать и въ праславянской рѣчи, гдѣ, кромѣ того, должны были звучать мягко ж, ш, ч, ждж (=ж̓д̓ж̓), щ (=ш̓т̓ш̓), ц (=т̓с̓) и s (д̓з̓), напр. б о ж̓е!, д у ш̓е!, о т ь ч̓е!, дъж̓д̓ж̓ь, р о ш̓т̓ш̓а, р ж ц̓ ѣ, н о s̓ѣ. Возможно, что такъ было и въ старославянскомъ (это предполагаютъ на основаніи весьма обычнаго употребленія въ такихъ случаяхъ бук-

[1]) Тамъ же отмѣчены и нѣкоторыя (вторичныя) отступленія отъ общаго закона.

вы **ю**: **мѫжю, бꙑвъшю, стыцю** и т. п.), но навѣрное сказать этого нельзя [1]).

Итакъ нѣтъ основанія думать, чтобы въ старославянскомъ и въ праславянскомъ языкѣ согласные передъ всякимъ **є, ь, ѣ, а** и **и** были мягки. Даже въ общерусскомъ, въ виду малорусской твердости слоговъ т е, т и, д е, д и, и т. д., удобнѣе предположить передъ узкими гласными с р е д н і й выговоръ. Противъ праславянской мягкости нѣкоторыхъ слоговъ можно привести фонетическія соображенія. А именно, зубные *с, з, т* и *д* не могли бы въ такомъ случаѣ удержаться, а подверглись бы превращенію въ **ш, ж, шт** и **жд**: вмѣсто **село, ꙁемлѧ, тѧжькъ, дьнь** явились бы **шело, жемлѧ, штѧжькъ, ждьнь**. (По-русски было бы вм. т̀ а́ ш к ъ й—т̀ ш̀ а́ ш к ъ й, вм. д̀ є н̀—ж є н̀; у другихъ славянъ еще иначе). Также губные въ такомъ положеніи у южныхъ и у восточныхъ славянъ потерпѣли бы нѣкоторое измѣненіе: вмѣсто **бнтн, перо, вьсь, мясо**, стали бы говорить **блнтн, плеро, вльсь, млясо**. Не предполагая такимъ образомъ для праславянскаго языка мягкости согласныхъ передъ всѣми узкими гласными, мы съ другой стороны не можемъ приписать имъ вездѣ одинаковое произношеніе; а должны думать, что у Праславянъ, смотря по широкости или узости слѣдующаго гласнаго, появлялись такіе же оттѣнки, какъ напр. въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ звукъ t въ словѣ Theer деготь мягче чѣмъ въ словѣ Thor ворота, а въ словѣ Thier животное еще мягче чѣмъ въ Theer. Умягченіе (въ большей или меньшей степени) является естественнымъ слѣдствіемъ того, что переходъ отъ твердаго согласнаго, образуемаго съ разширенною устною полостью, къ узкому гласному весьма неудобенъ.

Сильно развивши мягкость и твердость, русская рѣчь почти не знаетъ согласныхъ с р е д н и х ъ. Таковые слышатся въ тѣхъ случаяхъ, когда первоначально твердый согласный (имѣвшій когда-то за собою ъ), или же склонный къ отвердѣнію губной подвергся такъ сказать половинному примѣненію къ слѣдующему мягкому, напр. к̓ н̓ и́ г а, первонач. **кънига**, л о́ в̓ л̓ а; нѣкоторые согласные (ж, ш и ц) бываютъ средними и передъ гласными—срв. стр. 9.

[1]) См. мой разборъ русскаго перевода „Грамматики старославянскаго языка А. Лескина.“ Ж. М. Н. Пр. 1890 г., іюль, стр. 185.

Представлю теперь таблицу согласныхъ звуковъ русскаго языка, къ которой присоединю замѣчанія на счетъ принятой въ этой таблицѣ классификаціи и терминологіи, а также на счетъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ звуковъ.

ТАБЛИЦА СОГЛАСНЫХЪ ЗВУКОВЪ.

	Согласные					
	Мгновенные			Протяжимые		
	Ротовые		Носовые	Проточные		Дрожащіе
	Безголосные	Голосовые		Безголосные	Голосовые	
Заднеязычные Тв.	к: как	г: га́га	—	х: краха́	ѣ: бла́ѣа	—
Ср.	к̓: кн̓и́га	г: г̓н̓и́т̓и!	—	х̓: вздахн̓и́т̓и!	ѣ̓: ѣ̓дя́	—
Мяг.	к̓: к̓и́с̓т̓	г̓: г̓ил̓	—	х̓: с̓т̓их̓и́	j: а бла́j̓а	—
Передненёбные Тв.	—	—	—	ш: шар	ж: жар	р: рак
Ср.	—	—	—	ш̓: ш̓ес̓т̓	ж̓: ж̓ес̓і	р̓: р̓ви!
Мяг.	—	—	—	ш̓: зд̓е́ш̓н̓ьй	ж̓: п̓р̓е́ж̓н̓ьй	р̓: р̓а́са
Зубные Тв.	т: так	д: дар	н: нос	с: сон	з: зуп	л: ла́па
Ср.	т̓: т̓ри	д̓: д̓ран̓	н̓: званн̓и́	с̓: ус̓н̓и!	з̓: з̓л̓у́ка	л̓: пал̓к̓и́(?)
Мяг.	т̓: т̓ен̓	д̓: д̓ен̓	н̓: н̓а́н̓а	с̓: с̓о́мга	з̓: з̓а́бнут̓	л̓: л̓а́мка
Зубогубные Тв.	—	—	—	ф: фо́фън	в: вол	—
Ср.	—	—	—	ф̓: ва́ф̓л̓и	в̓: дро́в̓н̓и	—
Мяг.	—	—	—	ф̓: ф̓е́д̓а	в̓: в̓ол	—
Губные Тв.	п: пол	б: бок	м: мох	—	—	—
Ср.	п̓: ло́п̓н̓и	б̓: гра́б̓л̓и	м̓: ка́м̓н̓и	—	—	—
Мяг.	п̓: п̓ен̓	б̓: б̓ас	м̓: м̓ел̓	—	—	—

Мгновенные согласные иначе называются взрывны́ми, или смычны́ми: термины эти выставляютъ разныя стороны образованія этихъ звуковъ, при которомъ во рту происходитъ сомкнутіе органовъ, а затѣмъ мгновенный разрывъ ихъ выпускаемою струею воздуха. Словомъ «протяжимые» я замѣняю употребляемыя другими «протяжные» и «длительные», потому что звуки этого рода обыкновенно вовсе не протягиваются, а только спо-

собны къ протяженію. Гротъ, весьма удачно назвавшій мгновенные звуки «смычными», противуполагаетъ имъ протяжимые какъ «проторные», ибо при образованіи ихъ воздухъ такъ сказать протирается черезъ тѣснину между не совсѣмъ сомкнутыми органами. Термина «проторные» я не усваиваю себѣ потому, что онъ слишкомъ похожъ на другой терминъ «проточные» употребляемый мною при подраздѣленіи протяжимыхъ звуковъ. Названіе «проточные» указываетъ на то, что воздухъ какъ бы плавно протекаетъ по устной тѣснинѣ, тогда какъ при образованіи «дрожащихъ» языкъ приходитъ въ дрожательное движеніе [1]). Мгновенные согласные въ нашей таблицѣ подраздѣлены на «ротовые» и «носовые». «Ротовые» согласные образуются въ одной лишь ротовой полости, которая бываетъ отдѣлена отъ носовой посредствомъ поднятія небной занавѣски; при «носовыхъ» же воздухъ выпускается и въ ротъ и въ носъ: носовая полость даетъ свой особый резонансъ, а во рту происходитъ то же сомкнутіе органовъ, какъ для звука *д* (при чемъ получается *н*), или какъ для *б* (тогда получается *м*). Носовой резонансъ есть элементъ протяжимый и придаетъ носовымъ согласнымъ нѣкоторую протяжимость—ихъ поэтому обыкновенно и относятъ къ звукамъ длительнымъ; что на мой взглядъ, въ виду участія въ нихъ мгновенныхъ элементовъ *д* и *б*,—невѣрно [2]).

Изъ согласныхъ названныхъ въ таблицѣ «задненёбными» одни вполнѣ заслуживаютъ это названіе, т. к. при нихъ задняя часть языка подымается къ заднему нёбу; другіе точнѣе могли бы быть названы средненёбными, т. к. дѣйствуютъ среднее нёбо и средняя часть языка. Конечно, между задненёбными и средненёбными нельзя провести точной границы. Нашимъ задненёбнымъ

---

[1]) Изъ этого слѣдуетъ, что названіе „плавныхъ,“ которымъ я выше (напр. стр. 68) по привычкѣ пользовался для звуковъ *р* и *л*, лучше подходитъ къ другимъ протяжимымъ, нежели къ нимъ. Еще менѣе оно подходитъ къ *н* и къ *м*, которые въ греческой и латинской грамматикѣ также называются плавными.

[2]) Думаю такъ на перекоръ Зиверсу (Eduard Sievers, Grundzüge der Phonetik, Leipzig 1881, S. 45, Anm. 2), который отвергаетъ сходное съ моимъ мнѣніе „индусовъ и нѣкоторыхъ новѣйшихъ“.

согласнымъ обыкновенно даютъ неточное, хотя болѣе краткое и удобное названіе «гортанныхъ».

Изъ звуковъ «передненёбныхъ» (при коихъ кончикъ языка приближается къ переднему нёбу) *ж* и *ш* носятъ удобное и характерное названіе «шипящихъ».

«Зубные» не вполнѣ заслуживаютъ своей клички: они образуются поднятіемъ кончика языка къ верхней челюсти. Протяжимымъ проточнымъ зубникамъ *с* и *з* присвоено особое названіе «свистящихъ».

«Зубногубные» образуются при сближеніи верхнихъ зубовъ съ нижнею губой.

При «губныхъ» производится сомкнутіе и затѣмъ разрывъ губъ.

Дѣленіе согласныхъ на «безголосные» и «голосовые» [1]) основано на участіи въ ихъ образованіи *голосовыхъ струнъ*. При образованіи голосовыхъ согласниковъ голосовая щель на столько сужена натянутыми голосовыми струнами (горловыми связками), что проходящій воздухъ приводитъ эти струны въ дрожательное движеніе, при образованіи безголосныхъ—воздуху предоставленъ свободный проходъ и струны остаются въ покоѣ. Голосовые согласные иначе называются «звучными», «звонкими», «ясными», «громкими», а безголосные—«отзвучными», «беззвучными», «глухими», «тихими», «шопотными» [2]). Согласные носовые и дрожащіе, по участію голосовыхъ струнъ принадлежатъ къ голосовымъ, но не названы такъ въ таблицѣ, потому что не имѣютъ соотвѣтственныхъ безголосныхъ; къ этому положенію впрочемъ ниже будетъ сдѣлана нѣкоторая оговорка.

«Мягкость» согласныхъ, о коей рѣчь была уже ранѣе, съ физіологической стороны состоитъ въ томъ, что при образованіи согласнаго средняя часть языка приближается къ среднему нёбу и губы складываются въ узкое отверстіе, какъ для гласнаго і и родственнаго ему согласнаго j; иначе говоря, одновременно съ другимъ согласнымъ произносится j, который примѣшивается къ этому дру-

---

[1]) Это термины Я. К. Грота.

[2]) Встрѣчаются также названія „мягкіе“ и „твердые“, взятые изъ школьной терминологіи Нѣмцевъ, весьма неудачныя, да и употребляемыя нами уже въ иномъ значеніи.

гому согласному и такъ сказать пропитываетъ его насквозь. Мѣсто образованія согласныхъ задненёбныхъ, передненёбныхъ и верхнечелюстныхъ («зубныхъ») при умягченіи ихъ приближается къ среднему нёбу—первыя изъ задненёбныхъ становятся прямо средненёбными. Умягченіе же губныхъ и зубногубныхъ представляетъ совсѣмъ особую артикуляцію: нижняя губа съ верхней губой или съ верхними зубами произносятъ *п, б, ф, в*, а языкъ въ то же время произноситъ *j*. Противоположная мягкости твердость состоитъ въ отсутствіи іотовой примѣси, въ образованіи согласнаго по-дальше отъ средняго нёба и въ широкомъ растворѣ губъ.

Въ частности о согласникахъ задненёбныхъ замѣтимъ слѣдующее. Въ праславянской, да еще и въ общерусской рѣчи звуки *к, г, х*, дѣйствительно всегда были задненёбными, и за ними всегда слѣдовали широкіе гласные. И въ настоящее время *к, г, х* средненёбныя встрѣчаются обыкновенно лишь передъ звукомъ *і*, на мѣстѣ котораго въ старину стояли ы, напр. к'и́слъй, г'и́бнут', х'и́тръй; сарó к'и, слу́г'и, му́х'и — первоначально кы́слъи, гы́бнути, хы́тръи; сорóкы, слу́гы, му́хы; рѣже, а именно (если не считать пришлыхъ словъ) только въ нѣсколькихъ падежныхъ формахъ, являются сочетанія *к'е, г'е, х'е*: к'а́м, рук'а́, наг'а́, блах'а́—случаи, въ коихъ старинный языкъ производилъ смягченіе *к, г, х* въ *ц, з, с*. Мягкое *к* передъ *а* мы произносимъ исключительно въ весьма извѣстномъ названіи китайскаго города Кя́хты [1]). Однако слогъ к'а, а также к'о, к'у не рѣдко слышатся въ областной великорусской рѣчи (преимущественно въ южной—Курской, Орловской, Воронежской), вслѣдствіе уподобленія предшествующимъ мягкимъ согласнымъ, напр. каи̯е́и̯к'а, ш'а́пъ т͡ш'к'а, вин. -и̯к'у, -т͡ш'к'у; т͡ш'еи̯к'у́, т͡ш'еи̯к'о́м. Совершенно однородны съ этими вологодскіе (значитъ, сѣверно-великорусскіе) примѣры у Никанора Бѣлоруссова [2]): поскорёшенькю, травонькя, цьвѣтичькяхъ и т. п. Одну судьбу со зву-

[1]) На письмѣ представляетъ подобное-же сочетаніе слово гяуръ, но т. к. мы ударяемъ на *у*, то здѣсь не произносимъ звука *а*.

[2]) Н(иканоръ) Бѣлоруссовъ. Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологодской губерніи. Варшава 1887, стр. 26=Р. Ф. В., т. XVIII, стр. 218.

комъ *к* послѣ мягкихъ должны были имѣть *х* и *г*, но такія сочетанія 1) весьма рѣдки: на *х* мнѣ извѣстенъ только одинъ примѣръ с в е р ь х ю (Собол. Лекціи, изд. 1 стр. 92, изд. 2—116) и даже предположить я, кромѣ другихъ падежей того же слова в е р х ъ, могу лишь одно еще о́ л ь х'а; на *г* я вовсе не знаю примѣровъ, а предположительно могу указать слова в о л ь г о́ т н о, д е н ь г а́, с е р ь г а́, п у с т е л ь г а́ (ятребокъ Falco tinnunculus) и 'О л ь г а. 2) Въ тѣхъ говорахъ, коимъ по преимуществу свойственно занимающее насъ явленіе, звукъ *г* подвергся такому измѣненію, что едвали можетъ переходить въ г'. См. ниже. Т. к. въ старославянскомъ не существовало сочетаній **кь, гь, хь**, то естественно въ русскомъ языкѣ не встрѣчается к', г', х' въ изглашеніи, или передъ согласными. Впрочемъ слово в ѣ р х, вслѣдствіе того-же уподобленія, которое повело къ выговору с в ѣ р х'у, м. б. произносится также в ѣ р х'.—Возникновеніе мягкихъ (средненёбныхъ) *к, г, х* Потебня относитъ приблизительно къ XIV вѣку, Соболевскій же возводитъ начало его къ XII вѣку; установленіе здѣсь хотя бы приблизительной даты едвали возможно, ибо съ одной стороны могли сохранять **кы, гы, хы** какъ наслѣдственное правописаніе, а съ другой стороны написанія **кн, гн, хн** могутъ указывать не на мягкіе, а на средніе слоги, каковые до сихъ поръ слышатся у малороссовъ и должны быть предположены какъ переходная ступень отъ **кы, гы, хы** къ *к'и, г'и, х'и*.

Задненёбный проточный и безголосный звукъ *х* въ зачинѣ является въ менѣе сильномъ видѣ нежели внутри слова и въ исходѣ: зачинное *х* приближается къ нѣмецкому h [1])—сравнимъ первое *х* со вторымъ въ словахъ х о́ х ъ т, х а х о́ л, х'и х'и́ к а т.

Соотвѣтственный звуку *х* голосовой звукъ в [2]) господствуетъ въ нарѣчіяхъ Малорусскомъ и Бѣлорусскомъ, а также въ Южновеликорусскомъ говорѣ (за исключеніемъ Московскаго разнорѣчія), напр. в о с т, в у с, в р а д (в р а т), н о в а́ (н а в а́) и т. д. Возможно, что

---

[1]) Нѣмецкое h—гортанное и образуется посредствомъ суженія голосовой щели.

[2]) Насчотъ нашего обозначенія этого звука срв. стр. 7, пр. 2. См. таку Грота въ „Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія", изд. 2, по указателю, стр. 412—413.

разсматриваемый звукъ не всегда и не вездѣ одинаковъ и можетъ приближаться къ нѣмецкому h, знакомъ котораго принято передавать его въ латинской транскрипціи; но, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не слышится настоящаго h, и соотвѣтственный нѣмецкій звукъ есть не h, а g въ словахъ Wage вѣсы, Bogen дуга и т. п., по сѣверно-нѣмецкому произношенію. Мгновенное *г* въ рѣчи Малороссовъ, Бѣлоруссовъ и Южныхъ великороссовъ является лишь какъ плодъ уподобленія звука *к* слѣдующему голосовому согласнику, напр. по-малорусски ґ б́ и́ с у, по-бѣлорусски г в а р̓ а́: Малороссы и Бѣлоруссы имѣютъ однако звукъ *г* въ нѣкоторыхъ словахъ заимствованныхъ съ польскаго, напр. г р у н т, г а́ н о к (крыльцо, галлерея),=польскимъ, первоначально нѣмецкимъ grunt, ganek. Для этого *г* въ малорусской и бѣлорусской письменности, съ конца XIV столѣтія (Соб., Лекц., изд. 2, стр. 46, въ 1 изд. 43), употребляется сочетаніе *кг*. Въ противуположность другимъ вѣтвямъ русскаго языка, въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ и московско-литературномъ произношеніи господствуетъ *г* м г н о в е н н о е. Литературное произношеніе представляетъ протяжимое *г* только 1) въ созвучіяхъ гд, гг и гб, изъ коихъ послѣднія два возникаютъ лишь въ соединеніяхъ съ предлогомъ къ: к а в д а́, т а в д а́, ъ̈ н а в д а́, ф̀ с и в̀ д а́, в д а̀, в д о́ м у, в̀ д е́ р̓ ь в у; в г а р̓ а̀ [1]), в̀ г и́ р̓ и; к б р а́ т у, к̀ б̀ е́ р̓ ь г у [2]); 2) въ словахъ н о́ в ъ т̀, к о́ в ъ т̀, д о́ в ъ т̀, л̀ о́ в ъ к и м̀ а́ в ъ к, которыя (надо полагать) пріобрѣли в въ угоду другимъ своимъ формамъ, представляющимъ *х*: н о́ х т̀ а, к о́ х т̀ а, д о́ х т̀ а, л̀ о́ х к ъ й, м̀ а́ х к ъ й; 3) въ словахъ (Б о х) Б о́ в а, Б о́ в у и т. д., б а в а́ т ъ й, б ъ в а т ы́ р̓, у б о́ в ъ й, Б а с п о́ т̀ (однако г ъ с п а д̀ и́ н, г ъ с п а ж а́) и н а в о́ й. Прилагательныя б о г а т ы й и у б о г і́ й, получаютъ в (первое не всегда) подъ вліяніемъ, дѣйствительно родственнаго, Бох- Бо́в а; также можно объяснять и б о г а т ы р ь, хотя это слово могли заимствовать изъ Татарскаго съ готовымъ в (baγadúr); 4) в слышится еще въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ и нѣмецко-русскихъ названіяхъ городовъ: Д а́ н т̂ с̀ ь х, род. Д а́ н т̂ с̀ ь в а,

---

[1]) Сравнимъ обратный порядокъ задненёбныхъ у Бѣлоруссовъ и Южновеликороссовъ.

[2]) Слышится также *г* мгновенное: д. б. по желанію произнести ближе къ письму. *Гб* посерединѣ является въ славянизмѣ с о г б е́ н ъ.

П̀ьт̀ирбу́рх—П̀ьт̀ирбу́рвa. Это очевидно вліяніе сѣверно-нѣмецкаго выговора Dàntsi\χ, Pétъrsbur\χ. Бох- Бовa, Баспо́і и навбо́й, м. б. и убо́бъй, могутъ считаться заимствованіемъ изъ языка церковнаго, въ коемъ чтеніе г за в объясняется южно-русскимъ и западнорусскимъ вліяніемъ. Настоящему церковному—староцерковному—языку естественно приписывать ґ мгновенное, каковое господствуетъ у южныхъ славянъ—Болгаръ, Словенцевъ и Сербовъ. Есть, правда, соображеніе въ пользу протяжимости староцерковнаго г, указанное Бётлингомъ въ его «Грамматическихъ изслѣдованіяхъ о русскомъ языкѣ», а именно то, что переходъ при смягченіи въ ж и ʒ (**боже!, боʒи**) роднитъ его съ х, смягчаемымъ въ ш и с (**доуше!, доусн**), а не съ к, дающимъ ч и ц (**пророче!, пророцн**), соотвѣтственно чему было бы бодже, бодзи. Однако смягченіе созвучія ʒг въ ʒд (**дрaʒгa** лѣсъ—**къ дрaʒдѣ**) и превращеніе сочетанія ʒж въ жд (**нждемь** вм. **нʒжемь**) доказываетъ, что первоначально г смягчался именно въ согласные дифтонги дз и дж: **дрaʒдѣ** и **нждемь** упрощены изъ *дрaздзѣ, *ижджемь, какъ **нштадніе** изъ *ишчaдніе. Для дифтонга дз даже существовала въ азбукѣ особая буква (смыслъ которой впрочемъ рано позабылся)—ѕ. И въ праславянской рѣчи вѣроятно употреблялось ґ мгновенное [1]): мы уже отмѣтили, что таково южнославянское ґ (впрочемъ областная рѣчь Словенцевъ знаетъ h вмѣсто g), таково же польское и нижнелужицкое; у Чеховъ же и у Верхнихъ лужичанъ, произносящихъ h вм. g, такой выговоръ явно вторичный, о чемъ свидѣтельствуетъ нѣмецкая передача мѣстныхъ названій, напр. Praha—Prag, Hradec (Опавскаго округа въ Силезіи)—Grätz, Rajhrad (Бёрненскаго округа въ Моравіи)—Raigern; село Hodźij и деревня Holca (въ Верхней Лужицѣ)—Göda и Golenz. Такія имена доказываютъ, что во время усвоенія ихъ Нѣмцами Чехи и Верхніе лужичане еще не имѣли звука h. Считаю однако нужнымъ оговорить, что это вовсе не доказываетъ существованіе у нихъ ґ мгновеннаго: могло тогда слышаться, какъ переходный звукъ между g и h, ґ

[1]) Однако впослѣдствіи, въ морфологіи, мы увидимъ случай въ коемъ хотѣлось бы предположить ґ протяжимое.

проточное, которое Нѣмцамъ естественно было передавать черезъ свое g. Полагая такимъ образомъ, что староцерковный, а также и праславянскій языкъ (по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ) представлялъ г мгновенное [1]) мы склонны будемъ приписать таковой и общерусскому языку, хотя я не рѣшаюсь, вслѣдъ за Соболевскимъ, утверждать [2]), что до XII вѣка и въ южнорусскомъ произношеніи не существовало ѣ: опущеніе въ скандинавскихъ именахъ звука h, напр. Алданъ изъ Halfdan, доказываетъ только, что не было звука h, а ѣ (далеко не тождественное съ нимъ) могло существовать.

Мягкое, т. е. средненёбное, ѣ есть тотъ звукъ, который мы называемъ іотомъ. Поэтому ѣ, очутившись передъ узкими гласными, и превращается по-русски въ j: мы произносимъ бля́го и а бля́jӓ (или а бля́jи); бох и а бо́jӓ (а бо́jи), бо́jи, баjи́на; Пьтирбу́рх и ѳ П'ьтирбу́рjӓ. Подобнымъ же образомъ новогреческій языкъ, представляющій проточное г, передъ узкими гласными превращаетъ его въ j: ѧ́е́ѣо, но ѧ́е́jиє. Съ другой стороны j сроднi мягкому (средненёбному) х', къ коему относится какъ голосовой звукъ къ безголосному, что̀ можно провѣрить на сѣверонѣмецкомъ произношеніи, въ которомъ j попадаетъ нерѣдко въ изглашеніе или передъ безголосные созвучники и, дѣлаясь тогда по общему закону безголоснымъ, даетъ х', напр. вѣ́jъ дороги—ед. ч. вѣх', ѧ́е́jън̀ власть—прош. вр. ѧ́е́х'тъ. По-русски этого не происходитъ потому, что русскій междугласный j есть j слабый или полугласный, иначе говоря—неслого́вое і. Для обозначенія этого неслоговаго і я въ своей транскрипціи пользуюсь буквою й: сохраняя обычное начертаніе бой, пишу также бо́йа, бо́йу, бо́йъм, бо́йӓ (бо́йи) [3]), баи́, байо́ф и т. д. Сравнимъ выра-

---

[1]) За древность г высказался Потебня въ статьѣ „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ и въ „Замѣткахъ о малорусскомъ нарѣчіи“; Колосовъ на этотъ счетъ колебался, Срезневскій приписывалъ обоимъ звукамъ одинакую древность.

[2]) Лекціи, стр. 45 (2 изд.), въ 1 изд.—42.

[3]) Передъ гласнымъ і этотъ звукъ особенно слабъ, на что̀ указываетъ маленькая надстрочная буква.

женія о Богѣ и о боѣ: разница между ними только въ томъ, что первое представляетъ послѣ *о* сильный, настоящій j, а второе—слабый, полугласный (неслогóвое i); таково же отношеніе между выраженьями о благѣ и облаѣ. Въ зачинѣ и послѣ согласныхъ слышится болѣе сильный j, который однако тоже смахиваетъ на полугласный и нѣсколько разнится отъ j изъ ѣ, напр. jáма, jєi̯, jóлка, jук, съславjй, -ѣjóф, -ѣjám [1]). J слышится также въ началѣ нѣкоторыхъ пришлыхъ реченій, гдѣ пишется *ге*, напр. jьн̇ирáл, jьагráф'ьйа: выговоръ съ г' д. б. искусственный, вызванный написаніемъ, т. к. эти слова (первое несомнѣнно, а второе по всей вѣроятности) взяты у сѣверныхъ нѣмцевъ, съ готовымъ j. Также и собственное имя Jиóрjьй, Jигóр̇ьй, или Jигóр могло придти отъ грековъ съ тѣмъ же звукомъ—смущаетъ меня только то обстоятельство, что Γεώργιος представляло, надо полагать, два j, и *г* въ формахъ Егорій, Егоръ приходится тогда объяснять вліяніемъ другого, похожаго имени Григорій. Притомъ русскіе, заимствуя слово съ рѣдкимъ вообще, а въ зачинѣ совсѣмъ не существующимъ сочетаніемъ *ге*, и сами могли замѣнить его родственнымъ, вполнѣ обычнымъ je.

Передненёбные проточные согласники *ш* и *ж*, коимъ по звуковому впечатлѣнію присвоено названіе шипящихъ, имѣютъ по-русски ту особенность, что мало способны къ умягченію: кромѣ прописаннаго въ таблицѣ з̇д̇ѐш̇н̇ьй, я на мягкое *ш* могу привести лишь немногіе примѣры: в̇ѐш̇н̇ьй, т͡ши=р̇ѐш̇н̇а, г̇р̇ѐш̇н̇ьк, -ь͡тса, нас̀м̀ѐш̇н̇ьк, -ь͡тса, нъкан̇ѐш̇н̇ьк,

[1]) Нѣсколько подробнѣе говорится о j въ моей статьѣ „Мнѣніе г. Тулова о русскомъ правописаніи“, Р. Ф. В., т. V, стр. 358—362, къ которой я впрочемъ впослѣдствіи счелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторую оговорку, въ разборѣ русскаго перевода „Грамматики старославянскаго языка А. Лескина“, Ж. М. Н. Пр. 1890, іюль, стр. 177, пр. 1. Срв. также замѣчанія Ѳ. Евг. Корша „Weitere Beobachtungen über die Aussprache des Russischen. Arch. f. slav. Phil., B. III“—поправки къ статьѣ акад. Грота „Ueber die Natur einiger Laute im Russischen“, въ томъ же томѣ, которая по-русски озаглавлена „Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка“ и болѣе раннія наблюденія Каткова: „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“, Москва 1845, стр. 88—89.

гр́е́шн́ьвъйа (ка́ша), в́и́шн́а, гдѣ *ш* также стоитъ передъ н́, а передъ собой имѣетъ узкій гласный; примѣры на ж: в́е́ж́л́ьвъй, -въст́, пр́е́ж́д́и, н́ив́е́ж́д́и, а́д́е́ж́д́и, на-. Въ словахъ съ предшествующимъ широкимъ гласнымъ, какъ б а ш н я, п а ш н я, *ш* звучитъ уже нѣсколько тверже. Кромѣ того даже сочетаніе ешн́ слышится не у всѣхъ: произносятъ также з́д́е́ш́н́ьй, в́е́ш́н́ьй, і́ши^м^р́е́ш́н́а, также пр́е́ж́н́ьй, пр́е́ж́д́и. Твердость *ш* и *ж* явленіе вторичное, о чемъ рѣчь будетъ ниже [1]).—Передненёбный дрожащій *р* проявляетъ нѣкоторую склонность къ отвердѣнію: у Бѣлоруссовъ и у многихъ изъ западныхъ малороссовъ онъ вообще отвердѣлъ, а въ великорусской (даже литературной) рѣчи весьма обыченъ слогъ *ры* вм. *ри*, напр. с к р ы п [2]).

Относительно зубныхъ (верхнечелюстныхъ) звуковъ слѣдуетъ оговорить, что мои средніе *н и л* не совсѣмъ заслуживаютъ этого названія и мало разнятся отъ твердыхъ.

Изъ зубно-губныхъ вызываетъ на нѣкоторое замѣчаніе безголосный *ф*. Принято говорить, что это не русскій и вообще не славянскій звукъ. Дѣйствительно, праславянская рѣчь не знала этого звука, но новославянскіе языки вовсе его не чуждаются. Помимо нѣкоторыхъ вполнѣ обрусѣвшихъ, хотя и пришлыхъ реченій, вродѣ Ф и л́ и́ п, Ф́о́д ъ р, л а ф́а́, ф у т, ф у н т, звукъ этотъ весьма часто замѣняетъ соотвѣтственный голосовой *в* (сохраняемый на письмѣ), что̀ по общему закону происходитъ въ изглашеніи и передъ безголосными согласниками, напр. л о ф́, п р а ф́, ж ы ф́, к р а с́и́ ф́, ѓн а ф́, п р а ф́!, л о́ ф́ к а, л а́ ф́ к а, с́и́ ф́ к а, пр а́ ф́ т́и! и т. п. Въ областной рѣчи *ф* нерѣдко происходитъ изъ сліянія двухъ звуковъ *х* и *в*, напр. въ галицкомъ ф а л́и́ т́и. (Объ этомъ ниже будетъ сказано нѣсколько подробнѣе). Звукъ *ф* въ словахъ заимствованныхъ у грековъ замѣняетъ не только φ, но и ϑ, напр. Ф́о́д ъ р Θεόδωρος, ана́ ф́ ъ м а ἀνάθεμα, ^и^иф́и́р αἰθήρ, что̀ основано на новогреческомъ (очевидно уже и византійскомъ, отчасти м. б. и еще болѣе древнемъ) произношеніи ϑ какъ англійское th

---

[1]) И объ „удвоенныхъ“ *ш́* и *ж́* будетъ сказано впослѣдствіи.

[2]) Карскій, Обзоръ 58—59; Соболевскій Лекціи 97, 2 изд. 122; мой Разборъ Этим. слов. Микл., Р. Ф. В., т. XVIII, стр. 28, пр. 3.

въ thing вещь, т. е. какъ звукъ средній между *с* и *ф*. Смѣшеніе тождезначныхъ для русскаго ф и θ встрѣчается съ первыхъ памятниковъ русской письменности. Соболевскій (Лекціи, стр. 47, въ 1 изд.—44) приводитъ, въ числѣ другихъ примѣровъ, **сапьѳнрѣмь** и **анѣфракѣсъ** (греч. σάπφειρος и ἄνθραξ) изъ Святославова Изборника 1073 г., л. 104 и 121 об.

Въ нашу таблицу согласныхъ не вошли *ц*, *ч* и *щ*, потому что это не простые звуки, а созвучія, содержащія (какъ указано уже выше, стр. 3 и 9, и согласно чему дѣлалась транскрипція) въ тѣсномъ сліяніи элементы *т*, *с* и *ш*: *ц*=т+с, ч=т+ш, щ=ш+т+ш. Вслѣдствіе очевиднаго сходства съ *с* и съ *ш* звукъ *ц* относятъ къ свистящимъ, а *ч* и *щ*—къ шипящимъ. Что *щ* не простой звукъ, признается всѣми, но многіе отрицаютъ это для *ц* и *ч*. Даже Я. К. Гротъ, который въ «Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія отъ Петра Великаго и донынѣ [1])», совершенно основательно самъ доказывалъ сложность *ц* и *ч* тѣмъ, что при попыткѣ протянуть эти звуки, они слышатся только въ самомъ началѣ, но затѣмъ тотчасъ же обращаются въ С. (ЦССС... т. е. ТССС...) и въ Ш (ЧШШШ... т. е. ТШШШШ...), и повторилъ это доказательство въ «Русскомъ правописаніи», § 14, тѣмъ не менѣе утверждаетъ въ послѣднемъ трудѣ, что *ц* и *ч* «производятся каждый одной артикуляціей языка» и прибавляетъ, будтобы для того «чтобы удостовѣриться, что въ русскомъ языкѣ *ч* не сложный, а одинъ цѣльный звукъ, стоитъ только сравнить произношеніе нашего к у ч е р ъ съ нѣмецкимъ Kutscher». Подобнымъ же образомъ Потебня говоритъ, что «было бы поразительно услышать н а р ѣ т с ѣ́ или на р і т с і́ вм. н а р ѣ ц ѣ́, н а р і ц і́» и что «с русской точки зрѣнія произношеніе напр. м е т ш у вм. м е ч у, м е ч ю... очень далеко отъ дѣйствительности»; притомъ де «сочетаніе *т-ш* тоже встрѣчается» [2])—какъ примѣръ на него приводится «польское *trz* изъ trz: trzeba». Разница между противополагаемыми Гротомъ и Потебней случаями дѣйствительно существуетъ, но по моему вовсе не состоитъ въ цѣльности здѣсь, и раздвоенности тамъ, а

---

[1]) Филологическія разысканія. Изд. 2, т. II, стр. 17.

[2]) К исторіи звуковъ русскаго языка, ч. II, стр. 38 и 45 (Р. Ф. В., т. II, стр. 2 и 207).

въ неодинаковости составныхъ элементовъ: написаніе р ѣ т с ѣ, р і т с і́ мы прочитаемъ съ твердымъ *т* и съ мягкимъ *с*, тогда какъ созвучіе т͡с въ первомъ случаѣ содержитъ два среднихъ звука, во второмъ—два мягкихъ; написаніе м е т ш у́ указываетъ на *т* и *ш* твердые, а произносятся здѣсь *т* мягкое, а *ш*—мягкое или среднее; подобнымъ же образомъ поль. trz содержитъ t твердое и этимъ (да еще, кажется, большею рѣзкостью *ш*) разнится отъ cz: срв. trzy три=т͡шы и и czy ли=т̑ш̑и. Сопоставимъ еще русскія слова п о д с и н и т ь и о ц ѣ н и т ь, о т ш е л ь н и к ъ и к а ч е л и, п о д ш и т ь и п о ч и т ь, т. е. п ъ т̑с̑и н̑и́т̑, а т͡с ы н̑и́, а т̑ш̑е́л̑н̑ь к, к а т̑ш̑е́л̑и, п а т ш ы и т̑, п а т̑ш̑и и т̑ [1]). Различіе нѣмецкаго Kutscher отъ русскаго к у ч е р ъ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что *ч* въ обоихъ элементахъ среднее, а кромѣ того усиленное («удвоенное»), что̀ сопряжено съ краткостью предшествующаго гласника: рус. к у ч е р ъ есть к-у́-т̑ш̑-ь-р, нѣм. Kutscher — к-у́-т̑ш̑ш̑-ъ-р. Срв. стр. 101. Подобно этому нѣм. *ч*, разнится отъ *ч* сочетаніе *тш* въ какомъ-нибудь дѣепричастіи о т ц в ѣ т ш и: срв. а т͡с̑в̑о́ т͡ш ш ы и выраженіе в о́ т͡ш и.

Созвучіе *ц* обыкновенно является въ твердомъ видѣ, напр. т͡с а р̑, т͡с ы п к а, а т̑а т͡с, передъ звукомъ *е* оно среднее: т̑с̑а п, т̑с̑е́р̑к ъ ф мягкое *ц* является лишь какъ плодъ уподобленія, напр. въ словахъ а т с у́ т̑с̑в̑ь й а, б́е́т̑с̑т̑в̑ь й а, с̑л́е́т̑с̑т̑в̑ь й а, гдѣ пишется *тс* и *дс*, а кромѣ того въ пришлыхъ словахъ на ц і я: а́к т̑с̑ь й а, а с̑и г н а́ т̑с̑ь й а, л́е́к т̑с̑ь й а, хотя произносятъ также, по требованію русской фонетики, ц ы я: а́к т с ы й а, а с̑и г н а́ т с ы й а, л́а к т с ы й а. Впрочемъ мягкое *ц* весьма обычно у Малороссовъ, которые говорятъ напр. в о р о б е́ т̑с̑ воробей, в̑и в т̑с̑ а́, равно какъ у Бѣлоруссовъ, у коихъ оно развилось изъ мягкаго *т*: д а т̑с̑, т̑с̑ о́ т̑с̑ а [2]).

[1]) Насчетъ оттѣнковъ звука *и* срв. выше стр. 14—15.

[2]) Переходъ этотъ, съ коимъ сопряжено также превращеніе мягкаго *д* въ д'з', носитъ названіе д з е к а н ь я. Дзеканье, кромѣ бѣлорусской рѣчи

Ч есть *т'+ш* среднее, или же *т'+ш'*, напр. т҃ш҃єс҃т҃ или т҃ш҃єс҃т҃, ноч҃ш҃ или ноч҃ш҃; во всякомъ случаѣ оба элемента мягки при послѣдующемъ мягкомъ согласникѣ, напр. наї҃ш҃н҃и҃, н҃єч҃ш҃к҃и. Тѣмъ, что *ч* обыкновенно состоитъ изъ *т* мягкаго и *ш* средняго объясняется на первый взглядъ весьма странное явленіе, что *ч* суживаетъ предшествующіе гласные, но слѣдующее за нимъ *и*— разширяетъ: срв. м҃єч҃ш҃и и м҃ич҃ш҃и҃ы, н҃єч҃ш҃ и нъ н҃ич҃ш҃и҃ы. Это вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить новымъ доказательствомъ сложности *ч*.

Трехзвучіе *щ* въ первыхъ двухъ элементахъ мягкое, а въ третьемъ—среднее, или же мягкое во всѣхъ трехъ: л҃єш҃т҃ш҃, р҃óш҃т҃ш҃а, ѥиш҃т҃ш҃ý или л҃єш҃т҃ш҃, р҃óш҃т҃ш҃а, ѥиш҃т҃ш҃ý. Вмѣсто *штш* слышится также мягкое, протяжное *ш*: ѥиш҃ш҃ý, ѥиш҃ш҃ó; таково московское произношеніе, которое я однако затрудняюсь назвать вмѣстѣ съ тѣмъ «великорусско-литературнымъ» (Соб., Очерки изъ исторіи русскаго языка I, 110). Это ш҃ш҃ естественно выводить изъ ш҃т҃ш҃ просто черезъ опущеніе средняго элемента, а не путемъ какой-то «ассимиляціи» (Соб. Лекціи по ист. русск. яз., 94, во 2 изд.—119); также «сѣв.-великор. штюка=щука, ештё=еще и т. п.», являющіяся «спорадически, вслѣдствіе диссимиляціи», я объясняю опущеніемъ послѣдняго элемента.

Шипящіе и *ц* въ старорусскомъ, какъ принимаютъ всѣ изслѣдователи, на основаніи господствующихъ въ старѣйшихъ памятникахъ написаній въ родѣ ѵѫ, ѵѧ, ѵю, всегда были мягки. По Колосову отвердѣніе ихъ, начавшись не позже XII вѣка, къ XV-му завершилось. Но, какъ отмѣтилъ уже Потебня, въ Замѣткахъ по историч. грамм. рус. яз., это излишнее обобщеніе, т. к. мягкость

встрѣчается еще кое-гдѣ: изъ сѣверныхъ великороссовъ у Ситкарей (на рѣкѣ Сити, Моложскаго уѣзда Ярославской губерніи), а изъ малороссовъ у Заблудовцевъ (Заблудовье — Бѣлостоцкій и отчасти Бѣльскій уѣздъ Гродненской губ.) и у нѣкоторыхъ угорскихъ русиновъ, въ Шарошпотацкомъ комитатѣ (Семеновичъ въ Сборникѣ учениковъ В. И. Ламанскаго).

и донынѣ кое-гдѣ сохраняется, о чемъ можно справиться у Потебни (О звуковыхъ особенностяхъ, 10 в, г) и у самого Колосова, въ его позднѣйшемъ трудѣ, Обзорѣ. Съ другой стороны болѣе ранніе примѣры твердости шипящихъ (Очеркъ, стр. 80): **ловнцꙗ, бі҆ж** и т. п. могутъ быть просто написаніями на церковный ладъ, и достовѣрны лишь тѣ случаи, въ коихъ являются сочетанія *жы, шы, цы*, а такіе примѣры встрѣчаются только съ XIV-го вѣка (Соб. Лекціи, 93; 2 изд. 118).

Чередованіе звуковъ.

Окончивъ обзоръ отдѣльныхъ звуковъ, обратимся къ тѣмъ измѣненіямъ, которымъ они подвергаются при производствѣ и при измѣненіи словъ—здѣсь придется говорить и о гласныхъ и о согласныхъ звукахъ, но преимущественно о послѣднихъ. Чередованіе звуковъ бываетъ двухъ родовъ, изъ коихъ я для одного сохраняю обыкновенное названіе звукового *перехода*, а другой называю звуковой *подстановкой*. О переходѣ можно говорить напр. въ такихъ случаяхъ, какъ род. мн. ч. в о *т* вм. в о *д*, т. к. превращеніе конечнаго *д* въ *т* составляетъ для насъ органическую потребность, на столько, что, не наломавъ языка на иностранный ладъ, мы и французское mode вм. м о *д* произнесемъ м о *т*; таково же чередованіе ѧ съ є (срв. выше, стр. 6—8). Примѣромъ подстановки можетъ служить хоть слово j о́ л к а рядомъ съ j є́ л̀: чередованіе здѣсь *е* и *о* происходитъ по преданію, т. к. звуковые законы современной рѣчи вполнѣ допускаютъ выговоръ j а́ л к а (конечно, не j є́ л к а), или же j о л̀—срв. в и с о́ л̀ ь н̀ к ъ й. Другой примѣръ подстановки: слово с у́ ж ъ н ъ й могло бы не мѣнять *д* на *ж*—с у́ д̀ ь н ъ й столь же возможно, какъ дѣйствительно существующее к р а́ д̀ ь н ъ й, и лишь въ силу привычки удерживается *ж* [1]).

---

[1]) Необходимость историческаго взгляда на звуковую мѣну отчетливо выставлена Колосовымъ въ его „Замѣткахъ о звукахъ русскаго и старославянскаго языковъ. (По поводу 3-го изданія Исторической Грамматики Буслаева и I-го тома Сравнительной Грамматики Шерцля)“, Фил. Зап., 1872, вып. IV. Подробнѣе толкуетъ объ этомъ Бодуэнъ-де-Куртенэ. „Нѣкоторые отдѣлы сравнительной фонетики словянских языков“. Р. Ф. В.,

Различая звуковую подстановку отъ перехода, мы должны однако признать, что въ основѣ своей это одно и тоже явленіе; подстановка обусловливается прежними звуковыми законами и есть ничто иное, какъ закостенѣвшій переходъ: с у́ ж е н о й напр. когда-то развилось изъ древнѣйшаго сѫдjенъи путемъ перехода *дj* въ *ж*. Поэтому, естественно, нельзя провести точной границы между подстановкой и переходомъ. Такъ переходъ звука *к* передъ узкими гласными въ *ꙗ* и въ *ч*, по свидѣтельству всѣхъ славянскихъ языковъ, несомнѣнно совершился еще въ праславянскомъ, и старо-церковная мѣна звуковъ въ родѣ **ржка, къ ржцѣ, ржѹнъ** представляетъ не переходъ, а подстановку, но это чередованіе такое живое, такъ послѣдовательно выдерживается, что мы погрѣшимъ несущественно, если назовемъ его переходомъ.

Какъ съ одной стороны бываютъ живыя чередованія, такъ съ другой стороны бываютъ устарѣвшія, законы которыхъ совершенно вышли изъ сознанія, а иногда даже не поддаются научному объясненію. Такія чередованія нерѣдко устраняются путемъ подравненія. Напр. глаголъ х о т ѣ т ь первоначально представлялъ *о* только въ настоящныхъ формахъ, а въ инфинитивныхъ являлся *ъ*, но въ русскомъ языкѣ *о* проведено по всѣмъ формамъ. Уже въ старо-церковномъ рядомъ съ **хътѣти** встрѣчается **хотѣти**, а иногда также наоборотъ въ настоящемъ—**хъштѣшн** вм. обыкновеннаго **хоштѣшн**. Такимъ образомъ при подобной подправкѣ новая огласовка можетъ вовсе вытѣснить старую, или же употребляться съ нею рядомъ. Случается, что съ уцѣлѣвшею древней огласовкой соединяется нѣкоторый оттѣнокъ значенія: слово м о́ ш к а напр. есть ничто иное, какъ уменьшительное къ м у́ х а, т. к. равно поль. meszka (pchła ziemna), сродни со староцерк. **мъшица** и предполагаетъ основное мъшька, срв. чередованіе *у* съ *о* въ прилаг. с у х о й=**соухъи** и въ глаголѣ с о́ х н у т ь=**съхнѫти**; однако теперь какъ уменьшительное употребляется перенначенное м у́ ш к а [1]), а м о́ ш к а стало

т. V (1881 г.)—статья впрочемъ неудобная для чтенія, между прочимъ вслѣдствіе цѣлаго ряда новыхъ латинскихъ терминовъ; то же неудобство представляетъ статья Крушевскаго „К вопросу о гунѣ“, тамъ же.

[1]) Приводимое въ словарѣ II-го Отдѣленія и у Даля м о́ х а (изъ употребленія мнѣ неизвѣстное) представляетъ обратное примѣненіе.

обозначать другое насѣкомое. При значительномъ измѣненіи звуковъ и смысла связь между разновидностями одного и того же корня можетъ совершенно порваться: такъ б д-и т е л ь н ы й, б у д-и́ т ь и с о-б л ю д-а́ т ь съ русской точки зрѣнія содержатъ три различныхъ корня, хотя первоначально **БѢД**, **БОУД** и **БЛЮД**, т. е. древнѣйшія bhudh, bhoudh и bheudh, были разновидностями одного. Иной разъ сохранившееся чередованіе, поступивши такъ сказать на службу производства, распространяется за свои первоначальные предѣлы: такой случай представляютъ наши глаголы на -и в а т ь, -ы в а т ь, при образованіи которыхъ коренное *о* замѣняется черезъ *а*—по примѣру наслѣдственнаго соотношенія х о́ д и т и п о х а́ ж и в а е т, с п о́ р и т и о с п а́ р и в а е т [1]) развилась 1) замѣна черезъ *а* второго *о* въ полногласіи: п о в о р о́ т и т—п о в о р а́ ч и в а е т, к о л о́ т и т—в ы к о л а́ ч и в а е т, п о л о́ щ е т—в ы п о л а́ с к и в а е т и 2) замѣна имъ прояснившагося ъ: к о́ р м и т—о т к а́ р м л и в а е т; *а́* вм. такого *о* представляютъ также глаголы р а з б а́ л т ы в а т ь, п о м а́ л к и в а т ь, о т т а́ л к и в а т ь рядомъ съ б о л т а́ т ь, м о л ч а́ т ь, т о л к а́ т ь, содержащіе *о* на письмѣ и при окальскомъ произношеніи. Своеобразенъ глаголъ з а п о д а́ з р и в а т ь, при з а п о д о́ з р и т ь, гдѣ превратился въ *да* (правда, не сознаваемый ясно) п р е д л о г ъ *до*.

Въ области согласныхъ, можно сказать, самый замѣчательный случай подстановки есть такъ называемое с м я г ч е н і е, т. е. замѣна задненёбныхъ: *к* черезъ *ц, ч*; *г*—черезъ *з, ж*; *х*—черезъ *с, ш*; замѣна зубныхъ *т* и *д* черезъ *ч* и *ж*; замѣна губныхъ *п, б, м, в* черезъ *пл', бл', мл', вл'*. Терминъ «смягченіе» мы вслѣдъ за Бодуэномъ-де-Куртенэ, должны признать неудачнымъ, т. к. звуки получаемые при упомянутомъ превращеніи въ настоящее время могутъ и не быть мягкими; но, за незнаніемъ лучшаго, я пользуюсь имъ какъ терминомъ условнымъ; при чемъ отличаю отъ него у м я г ч е н і е (терминъ Гротовскій): «смягченіе» у меня то же, что̀ «переходное» смягченіе Срезневскаго, умягченіе—что̀ «непереходное, непосредственное» т. е. напр. замѣна *к* черезъ *к'*, *т* черезъ *т̀*. Умягче-

---

[1]) Привожу примѣры въ настоящемъ времени, т. к. въ инфинитивѣ древнее соотношеніе нерѣдко скрашивается аканьемъ.

ніе заслуживаетъ названіе перехода: образуя напр. мѣстный падежъ къ недавно заимствованному слову т е л е ф о́ н, мы въ немъ невольно превращаемъ твердый *н* въ мягкій—а т̀ ь л̀ и ф о́ н̀ а̀ (-и). Напротивъ того «смягченіе» представляетъ звуковую подстановку, и неправильно говорить, будто «русскій языкъ смягчаетъ» напр. *ки* въ *чи*; другой примѣръ на смягченіе уже приведенъ выше, какъ образчикъ подстановки. Смягченіе несомнѣнно явленіе древнее: превращеніе *к*, *г*, *х* передъ *j* и узкими гласными въ шипящіе, а передъ однимъ изъ такихъ гласныхъ, дифтонговымъ *ѣ* [1]) и замѣняющимъ дифтонговый *ѣ—и*, въ свистящіе, которое повторяется во всѣхъ славянскихъ языкахъ, и притомъ господствуетъ съ большею строгостью въ болѣе ранніе періоды, совершилось уже на праславянской почвѣ. Вѣроятно у Праславянъ же произошло и смягченіе мгновенныхъ зубныхъ передъ j, которое, хотя и въ различномъ видѣ, свойственно всѣмъ славянскимъ языкамъ—причемъ всѣ измѣненія древнихъ tj и dj (кромѣ болгарско-староцерковныхъ **шт** и **жд**, представляющихъ затрудненіе и при другихъ толкованіяхъ) съ удобствомъ выводятся изъ т͡с̀ и д͡з̀, напр. с в ѣ т͡с̀ а́ и м е д͡з̀ а́, которыя я считаю праславянскими. См. мою замѣтку «Два слова о смягченіи т и д». Грамм. зам., I, 74=Р. Ф. В., т. VII, стр. 278. Смягченіе губныхъ, если не праславянское (я не прочь допустить, что сѣверозападное з е м̀ а—поль. ziemia, чеш. země—такое же вторичное измѣненіе древнѣйшаго з е м л̀ а́, какъ болг. з е м я́), то общее юговосточное.

Относительно tj и dj замѣчу еще, что между превращеніемъ перваго въ согласный дифтонгъ *ч*, а второго въ *ж* замѣчается нѣкоторое противорѣчіе, аналогію къ которому можно указать въ чешскомъ языкѣ: с в ѣ ч а́ по-чешски svíce, м е ж а́—meze. Чешское z, по свидѣтельству польскаго языка, а также словацкаго нарѣчія, представляющихъ выговоръ miedza, medza есть упрощеніе болѣе ранняго dz, соотвѣтственно коему и русское *ж* надо возводить къ дж. Однако упрощеніе дж произошло еще въ до-

[1]) Дифтонговый *ѣ—ѣ* произошедшій изъ дифтонга oi. Срв. мою статью О звуковомъ значеніи *ѣ*. Грамм. зам., т. I, стр. 44, въ 1 изд. 42=Р. Ф. В., т. VI, стр. 12.

историческую пору, т. к. уже старѣйшіе памятники русскаго письма, съ Остромировымъ евангеліемъ во главѣ, представляютъ смягченіе *д* въ *ж*. Употребительное въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ *дж* (напр. галицкія х о ́ дж у, р а дж у, с а дж е н и й рядомъ съ м е ж е, ч у ж и й) естественно объяснять подобно великорусскому *жд* (по-скольку оно народное, напр. въ словѣ у р о ж д а́ й р. съ у р о ж а́ й) позднѣйшимъ возстановленіемъ *д* въ угоду не смягчавшимъ его формамъ, какъ х о д и́ т и; тѣмъ болѣе, что это *дж* извѣстно по памятникамъ лишь съ XVII в. (Соб., Лекціи 126). Однако исключительное господство *дж* изъ *дj* въ Карпатскомъ говорѣ, напр. м е д ж е, ч у д ж и й (Пот., О звук. особ., 39) неудобно объяснять, вслѣдъ за Соболевскимъ, подражаніемъ возникшему у другихъ словъ колебанію между *ж* и *дж*, и мы кажется должны допустить здѣсь, соглашаясь отчасти съ Потебней, сохраненіе древнѣйшаго русскаго *дж*. Слѣдуетъ отмѣтить еще неодинаковое отношеніе старѣйшихъ памятниковъ къ смягченію *т* и *д*: при весьма нерѣдкомъ ж, почти не встрѣчается ꙋ—Колосовъ приводитъ изъ памятниковъ XI в. только *чуждиимъ* Сб. 1073 г., *чюжему* Сб. 1076 г. и печерахъ тмж., а на счетъ XII-го говоритъ, что встрѣчаются хочеть Вкладн. Варл., очюженыи Жит. Бор. и Гл., *чюжихъ* Ев. 1143 г. и еще нѣсколько, но добавляетъ, основываясь особенно на первомъ примѣрѣ, что такое смягченіе въ живомъ языкѣ было обычно. Нельзя не согласиться съ этимъ замѣчаніемъ, сравнительную же рѣдкость ꙋ можно оправдать тѣмъ, что гораздо легче было допустить, въ угоду русскому произношенію, пропускъ одной буквы (д), нежели замѣну знака щ или шт черезъ ꙋ.

Примѣромъ на звуковой переходъ намъ служило превращеніе конечнаго *д* въ *т*—это частное проявленіе общаго закона, что в ъ и с х о д ѣ (или, употребляя другой терминъ, въ изглашеніи) г о л о с о в ы е с о г л а с н и к и с т а н о в я т с я б е з г о л о с н ы м и [1]): не только конечное *д* переходитъ въ *т*, такъ что напр. единственное число слова р о́ д ы совпадаетъ съ единственнымъ числомъ слова р т ы въ одной

---

[1]) Согласные очутились въ исходѣ, а во многихъ случаяхъ передъ другими согласными, лишь вслѣдствіе онѣмѣнія нѣкогда слѣдовавшихъ за ними ъ и ь.

фонемѣ р о *т*; но также *г* превращается въ *к*, причемъ совпадаютъ слова рогъ cornu и рокъ fatum; такимъ же образомъ мы произносимъ б о *х* (въ родительномъ б о́ *в* а) [1]), в о *с*, л о *ф*, л о *п*. Одинаковую судьбу съ твердыми согласными имѣютъ и мягкіе: к л а т̀, к н̀ а с̀, к р о ф́, г л у п̀. Мягкіе *в* и *б* въ изглашеніи, кромѣ перехода въ *ф* и *п*, наравнѣ съ *п* и *м*, склонны къ отвердѣнію и становятся средними или прямо твердыми: народная рѣчь, повидимому, лишь въ видѣ исключенія представляетъ изглашеніе на мягкій зубной (такъ въ Олонецкомъ, по Колосову, конечные губные мягки: кровь, рубь, корабь). Въ южновеликорусскомъ изъ числа согласныхъ подлежащихъ въ исходѣ обезголо́шенію слѣдуетъ исключить *в*, каковой звукъ переходитъ въ полугласный (неслого́вое *у*), образуя съ предыдущими гласниками дифтонги: р о ў, п р а ў, к р а с́ и ў. Одно изъ южновеликорусскихъ разнорѣчій, путивльское, и одно изъ сѣверныхъ, яренское (Яренскъ—Вологодской губ.), говорятъ, вовсе не превращаютъ конечныхъ голосовыхъ въ безголосные. Конечные голосовые свойственны также Малорусской рѣчи, гдѣ мы находимъ выговоръ р̀ и *д*, р̀ и *в*, н̀ и *ж*, в̀ и з, ш о *в*, л о *б*. Однако западные малороссы согласны съ великороссами, и Головацкій въ своей Грамматикѣ, 31, предписываетъ произносить л о *п*, х л і *п*, ч е р *ф* ъ, д і *т*, о б л і́ *х* (обліг—цѣлина), к н я с ь, с т о́ р о *ш*. Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что восточные малороссы и согласные съ ними великороссы въ этомъ случаѣ вовсе не сохранили старину, а в о з с т а н о в и л и голосовые согласные изъ другихъ формъ. Остатокъ общерусскаго обезголо́шенія я усматриваю въ словѣ д о щ, род. д о щ а́, которое звучитъ такъ и на Украйнѣ, и естественнѣй всего объясняется переходомъ старѣйшаго д о ж̀ д̂ ж̀ ь—д о ж̀ д̂ ж̀ а́ въ д о *щ*—д о ж д ж а́, послѣ чего возникли, какъ новотворки къ именительному, косвенники д о щ а́,-у́ и т. д. Срв. поль. deszcz, род. dżdżu и deszczu.

Повсемѣстное исключеніе изъ разсматриваемаго закона представляетъ изглашеніе предлоговъ, напр. п а *д* а к н о́ м, а *б* у р а ж а́ [й] и, [й] *и з* у г л а́. Но это исключеніе мнимое, т. к. предлогъ не само-

---

[1]) При проточномъ выговорѣ *г* вм. него всегда получается *х*: въ южновеликорусскомъ говорѣ слышится р о *х*, д р у *х* и т. п.

стоятельное слово, а составляетъ одно цѣлое съ «управляемымъ» имъ именемъ, только по этому вѣдь и могли возникнуть безсложные предлоги *в*, *к* и *с*. Нужно сдѣлать оговорку и насчетъ изглашенія самостоятельныхъ словъ, когда за ними, безо всякой паузы, слѣдуетъ голосовой согласный, напр. р о̀ *д* Г а л и́ т с ы н ы х. Сомнительно, сохранился ли въ такихъ соединеніяхъ древній выговоръ, или же голосовые вновь возникли изъ безголосныхъ путемъ уподобленія; въ пользу второго взгляда говоритъ появленіе безголосныхъ передъ гласными и передъ согласными нейтральными: р о̀ *т* У́ х т ъ м̀ с̀ к̀ ь х, р о̀ *т* Н а р ы́ ш̀ к̀ ь н ы х, хотя такіе случаи могли бы представлять п о д р а ж а н і е другимъ, гдѣ *т* развилось фонетически.

Что касается хронологіи обезголо́шенія конечныхъ согласниковъ, то Соболевскій приводитъ на него лишь единичные примѣры изъ памятниковъ XIII в. (калантъ Кормч. 1282 г., отинутъ Пс. 1296 г.), но мы можемъ за нимъ повторить, что «нѣтъ основанія думать, чтобы эта замѣна получила развитіе въ очень позднее время»: вѣдь и теперь мало-мальски грамотный не собьется въ употребленіи окончаній *бъ*, *дъ* и т. д.

Перейдемъ къ согласнымъ с о з в у ч і я м ъ (иначе говоря, къ согласнымъ сочетаніямъ или группамъ). Созвучія вообще бываютъ о д н о р о д н ы, т. е. голосовые согласники не сочетаются съ безголосными, мягкіе—съ твердыми.

Голосовые согласные передъ безголосными о б е з г о л а ш и в а ю т с я: изъ первоначальныхъ в о д ъ к а, г ж б ъ к а, л а в ъ к а, н о ж ь к а и т. п. выходитъ в о́ *т* к а, г у́ *п* к а, л а́ *ф* к а, н о́ *ш* к а. Иногда безголосные звуки, вслѣдствіе подражанія, заходятъ и въ такія формы, гдѣ могли бы сохраняться голосовые, такъ слово б у́ т к а образуетъ род. мн. б у́ т ъ к, уменьшительное б у́ т ъ ч к а и производное б у́ т ъ ш̀ н̀ ь к, и первоначальное *д* сохраняется только на письмѣ, да иногда въ книжно-ломанномъ произношеніи. Въ народной рѣчи подобная замѣна встрѣчается и у другихъ (вѣроятно у всѣхъ) словъ этого рода; отмѣчены напр. л о́ т о к вят., л о́ т ы ч к а нж., перм., кур. (щигров. у.), ш у́ п а ч к а кур., в о́ т а ч к а кур. (щигр.), л о́ ш е ч к а влгд., п о н е м н о́ ш е ч к у олон. Съ указанными словами можно сравнить поль. уменьшительное łerek отъ łeb-łba. Малорусское нарѣчіе, въ восточныхъ говорахъ, не знаетъ

обезголо́шенья, а произносить н҃и́жка, с҃л҃и́ꙑ з҃ки́ꙑй, розказува́т҃иꙑ, помо҃т҃и́ꙑ, ве́з҃т҃и́ꙑ, н҃ид столо́м, но Галичане (по показаніямъ Головацкаго, § 56, стр. 29, и Осадцы, § 560) говорятъ бу́пка, ло́шка, л҃е́хко, ф҃тори́ꙑй, и т. д. Малорусскіе голосовые передъ безголосными я склоненъ объяснять позднѣйшимъ возстановленіемъ изъ родственныхъ формъ: слово тескó тёзка вм. ожидаемаго тезкó, кажется, представляетъ объ этомъ, хотя единичное, но вѣское свидѣтельство. Великорусскіе (а именно южные) говоры уклоняются отъ общаго закона, когда дѣло касается звука *в*, который превращается въ полугласный (неслогóвое *у*), если ему предшествуетъ гласный звукъ, или въ настоящій гласный (*у* слоговое): ла́ўка, д҃а́ўка—у с҃о́, удава́. Эти явленія не вовсе чужды и сѣверно-великорусскому; у Малороссовъ же начальное *у* вм. *в* передъ согласными весьма обычно, а *в* въ какомъ-нибудь бр҃íвка лишь слегка приближается къ полугласности. Срв. сказанное объ изглашеніи, стр. 126. Обезголóшеніе передъ безголосными Соболевскій (стр. 98) склоненъ возводить ко второй половинѣ XIII вѣка, при чемъ указываетъ примѣры начиная съ 1307 года (ускими въ Поликарповомъ ев.), а изъ смоленскаго договора 1229 г.—написаніе ризкии, свидѣтельствующее-де о сохраненіи въ то время голосовыхъ передъ безголосными. Мнѣ однако кажется, что *жск* никакъ не могло перейти въ *зк*, которое я считаю только хитрымъ написаніемъ вмѣсто *ск* и толкую такимъ образомъ въ пользу болѣе ранняго совпаденія древняго *зк* съ *ск*.

Безголосный звукъ передъ голосовымъ звукомъ голосовѣетъ: **съдати, отъ брата, къде, просьба, скатьба** являются въ видѣ здаѣ, адбра́та, ѣ҃дя́, про́з҃ба, сва́д҃ба. Вслѣдствіе подражанія голосовой можетъ зайти въ такія формы, гдѣ долженъ бы сохраняться безголосный: слово сва́дьба образуетъ род. мн. сва́деб и прилаг. сва́дебный, вм. сва́теб и сва́тебный (срв. сватъ, сва́таться). Исключеніе составляетъ звукъ *в*, который терпитъ передъ собой безголосные: с҃вя́т, т҃во́рдъй, кл҃у́ква, хвост. Въ такихъ случаяхъ, какъ утверждаютъ иные (Бодуэнъ-де-Куртенэ), происходитъ обратное уподобленіе, и являются сочетанія *сф*, *тф*, *кф*, *хф*,—дѣйствительно встрѣчаются, говорящія въ пользу такого взгляда написанія **Тферь, Тихфинъ**, а у Поляковъ (однако не у всѣхъ) явственно слышат-

ся tfardy, kfiat вм. twardy, kwiat. Не посреди̇нѣ ли правда, т. е. не содержатъ ли подобныя созвучія, въ обыкновенномъ русскомъ произношеніи, *с* смахивающій на *з* (не совсѣмъ безголосный) и *в* приближающееся къ *ф* (голосовое, но въ слабой степени)? Подобное же исключеніе представляютъ—отчасти древнія—сочетанія безголосныхъ съ *р, л, н, м*: *кр'ик, тр*уп, р*а́тн*ъй, j*а́сн*ъй, к*и́сл*ъй, у́*тл*ъй, з*а*т̀*м*и́т̀, в*а*̀см*о́*й, въ нихъ также не то возникаютъ безголосные *р, л, н, м*, не то происходитъ взаимное примѣненіе. Голосовѣніе *с* передъ *м* въ такихъ словахъ какъ К у з ь м а, И з м а и л, о р г а н и з м, явленіе не русской, а греческой фонетики.—Превращеніе безголосныхъ въ голосовые происходитъ также въ концѣ словъ (не только предлоговъ, но и словъ самостоятельныхъ), если только не дѣлать послѣ нихъ паузу; мы говоримъ напр. б р а̀*д* з а б ы̀ л к н̀*и́*г у, п*о̀б* д а в а̀ л с т*о́* р у б̀ л*е́*й, н*о́з* б а̀ л̀ и̇т̀, м ы̀*ж* б̀*и*ж ы̀ т̀, т͡с*ѐб* з а з̀ в и̇н̀*а́*л а, г р а̀*в* Г*а́*б з б у р с к ъ й, п р а р*о̀г* Д а в ы̀ т̀, м*о́*в г а р̀ и̇т̀; также б р а̀*д* Д а̀ н̀*и́*л, п*о̀б* б р а̀ н̀ л м у ж ы к*а́*, н*о́з* з ъ б а̀ л̀*а́*л, м ы̀*ж* ж*а́* л ъ б н а и̇ ш̀ т̀ ш*а́* л а, т͡с*ѐб* б у д ь т с̀ н*а́* т а, г р а̀*в* в*а́* ж̀ н ь т̀͡ш ъ й ь т, п р а р*о̀г* г р а м̀*и́*л п а р*о́* к̀*и* [1]). Однако Богородицкій и Александровъ, въ своихъ фонетическихъ транскрипціяхъ разсказа «Ось и чека» оба пишутъ (а къ къ уш) р*а̀с* з ъ г а р̀*а́* л а с̀ *о̀* с̀ [2]); хотя по моему въ этомъ случаѣ не можетъ быть паузы (и Богородицкій здѣсь паузы не отмѣчаетъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть созвучія *сз*. Говорю о невозможности для русскаго языка: сами по себѣ сочетанія въ родѣ *сз*, *пб* возможны и дѣйствительно существуютъ въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ необходимая для такого произношенія пауза, будучи минимальною, нисколько не мѣшаетъ цѣльности словъ, какъ l̀*о́*с̀ з*а́*в̣н̣, *à*̀н̀б̀ и ᴹ т̀ н̣, *ò*ў ф̀ в̄ j̀ н̣; сравнимъ еще м̀ и ᴹ т̀*б*ў р j р, в*а́*̀й с̀ б̀ *и́* р, ш л̀ *à*̀х̀ б̀ *о́* ў м и особенно своеобразное *н*̀ з а л̀ м [3]), а также литовскія *ш* б, *ш*ж, *п* д въ

[1]) Сочетанія *гд* и *г* (*кд* и *к*) могутъ, кажется, переходить также въ вд и вг.

[2]) В. А. Богородицкій. Курсъ грамматики русскаго языка. Ч. I. Фонетика (Варш. 1887), стр. 107 и 116=Р. Ф. В., т. XV, стр. 119 и 128.

[3]) Нѣмецкая орфографія этихъ словъ: lossagen, abbitten, aufwiegen, Mitbürger, Weiszbier, Schlagbaum, Psalm.

iszbė́gu выбѣгаю, iszv̀ejóju вылавливаю, lìpdamas лѣзущій [1]). Относительно хронологіи голосовѣнія передъ голосовыми естественно, хотя не обязательно, думать вмѣстѣ съ Соболевскимъ (Лекц. стр. 97), что оно произошло тотчасъ послѣ того, какъ безголосные—съ изчезновеніемъ ъ или ь—очутились передъ голосовыми; проявленіе этого уподобленія на письмѣ начинается съ XIII в.: ѥде, нѣѥдѣ Жит. Ниф. 1219 г. (тж., стр. 98).

Мягкіе согласные передъ твердыми—въ какомъ положеніи они могли очутиться, конечно, лишь по выпаденіи за ними ь—твердѣютъ. Напр. кан͡тсы́, бар͡тсы́, зъ̀а́рскъй, вздо́рнъй, по́тнъй изъ основныхъ **коньцн, борьцн, ꙁвѣрьскън, къ̀дорьнън, потьнън**, гдѣ сначала, какъ слѣдъ онѣмѣвшаго ь, необходимо предполагать мягкость. Гротъ, когда говоритъ, что передъ наставками ный и скій не происходитъ умягченія у словъ на ъ и даже замѣчается у словъ на ь отвердѣніе, грѣшитъ противъ исторіи языка: въ какомъ-нибудь пу́тнъй, не смотря на пу́т, нечего ждать мягкости вмѣсто твердости въ по́тнъй, т. к. русскій языкъ унаслѣдовалъ и только подвергъ дальнѣйшимъ изѣненіямъ сходныя фонемы **пѫтьнън** и **потьнън**. Разницы можно бы еще ждать между такими словами какъ мирско́й и тса́рскъй, ѩспали́нскъй и ко́нскъй, го́рнъй и бу́рнъй, т. к. мы въ праславянскомъ должны предполагать съ одной стороны **мнрьскън, нсполнньскън, горьнън** со средними согласными передъ ь, а съ другой стороны (въ виду первичницъ **цѣсарь, конь, боурꙑ**) **цѣсарьскъи, коньскън** и **боурьнън**—съ мягкими; однако въ русскомъ языкѣ, гдѣ нѣмѣвшій ь всегда оставлялъ по себѣ мягкость, эта двойственность была сглажена. Всѣ указанные примѣры представляютъ отвердѣніе передъ твердыми зубными; передъ задненёбными и губными мягкость сохраняется: ня́нька, бар́ба́, пи́смо́ [2]).

---

[1]) Kurschat, Friedr. Grammatik des littauischen Sprache, Halle 1876, § 129 a.

[2]) Срв. мои Грамм. зам., т. I, стр. 89=Р. Ф. В., т. VIII, стр. 191; срв. также польское разширеніе *e* и *ѧ* въ 'o и въ 'a только передъ твердыми зубными (да еще передъ r) sioło, las, но pogrzeb, wiek.

Особое положеніе занимаетъ звукъ л̀, который сохраняется и передъ твердыми зубниками: не только с̀т̀р̀и л̀ б̀а́, б̀и л̀ м̀о́, п̀о́л̀ка [1]), 'О л̀ г а, но также с̀е́л̀ с к ъ̀й, д̀е́л̀ н ъ̀й, з а с т о́л̀ н ъ̀й. Впрочемъ въ областной (сѣверновеликорусской и малорусской) рѣчи попадается также отвѣрдѣніе л̀: с и́ л н о й, б о л н о́й, б о л ш о́й, т о́л к о и т. п.; в о́л н и й, б і́л ш и й, т і́л к о и т. п. (Соб., Лекц. 106). Писменное проявленье отвердѣнія отмѣчено уже въ XIII и даже въ XII вѣкѣ: въ Галицк. ев. 1266 г. читается с н ѣ д ъ̑ н о, р а в ъ̑ н ы, т е м ъ̑ н ы, въ Добрил. ев. 1164 г. н и в ъ̑ н ы х ъ. Въ Галицк. ев. встрѣчаются также написанія б о л ъ̑ н а, д о в о л ъ̑ н о (Тж., стр. 105).

Т в е р д ы е с о г л а с н ы е, очутившись (по выпаденіи ъ̀) передъ мягкими, подвергаются уподобленію и у м я г ч а ю т с я, становясь мягкими, или средними; иногда впрочемъ умягченіе столь незначительно, что можно говорить о сохраненіи твердости. Не всѣ согласные одинаково способны умягчать другіе звуки, или сами умягчаться; кромѣ того въ этомъ дѣлѣ не мало мѣстнаго, а м. б. и личнаго разнообразія. Такъ губные и шипящіе даже передъ j, отъ коего прежде были отдѣлены также умягчительнымъ ъ̀, имѣютъ средній выговоръ: б̀ j у, п̀ j у, в̀ j у; р у ж̀ j о́, м ы ш̀ j а́к. Впервые подмѣтившій здѣсь несогласіе произношенія съ письмомъ прот. Павскій впалъ въ преувеличеніе, усмотрѣвши здѣсь твердый выговоръ; кромѣ того онъ напрасно относилъ сюда же *ч* и *щ*. Или м. б. у него сказалось какое-нибудь областное произношеніе? По Коршу, въ нижецитуемой статьѣ, передъ j не умягчаются только *ш* и *ж*. У Малороссовъ и Бѣлоруссовъ губные передъ j дѣйствительно тверды, или почти тверды. Примѣры на полное умягченіе: в а с̀ н̀а́ (**въ сънѣ**), н а д̀ н̀а́ (**на дънѣ**), п р а д̀ л̀ и́ т̀ (***продълнти**: рус.

---

[1]) Это слово представляетъ отступленіе отъ даваемаго Гротомъ правила, что „*л* умягчается передъ всѣми наставками, *кромѣ начинающихся съ к*“, самое же правило развилось вслѣдствіе того, что передъ начальными согласниками нашихъ суффиксовъ обыкновенно выпалъ ъ̀, а передъ начальнымъ *к*—ъ̀: м'а́л к ъ̀й, к о́л к ъ̀й, в̀и́л к а, с̑с̑ы́л к а=**мелъкъи, колъкъи, вилъка, съсылъка.**

в д *о* л ь), з'л̀ и т̀ (*ꙁѫлнтн); на половинное: с к'а̀ м (**съ** ***кѣмь**) [1]), г'н̀и! (**гънн!**), ѣ д̀ а (**къдѣ**); на минимальное умягченіе: г о́ *р* к и, с а́ *н*-к и, п а́ *л* к и [2]). Въ иныхъ словахъ д. б. не происходило выпаденія ъ, т. к. они образованы, или же подправлены въ сравнительно позднее время, когда уже не было особаго звука ъ—таковы предложныя слова с̀ј є́ с̀ т̀ (стрцк. **съѣстн**), в̀ј а̀ с т-в̀ј а̀ з д а, п а д̀ј о́ м и т. п. [3]). Такой случай представляютъ и только что приведенныя г о́ р к и, с а́ н к и, п а́ л к и, т. к. ъ изъ основныхъ фонемъ г о р ъ̀ к ъ̀, с а н ъ̀ к ъ̀, п а л ъ̀ к ъ̀, конечно, выпалъ ранѣе, чѣмъ слогъ *къ*, перешедши въ к'и, пріобрѣлъ умягчительность. Надо полагать, что, при чисто звуковомъ развитіи, постепенное умягченіе слога *къ* сопровождалось бы такимъ же умягченіемъ предшествующаго звука, и получился бы выговоръ г о́ р̀ к'и, с а́ н̀-к'и, п а́ л̀ к'и; если же *р*, *н*, *л* довольно тверды, то въ этомъ естественно видѣть примѣненіе къ другимъ падежамъ, какъ г о́ р к а, -у и т. д. Такъ же я объясняю привычное мнѣ, какъ и Гроту, произношеніе д̀ а́ ф̀ к'и (или, если угодно, д̀ е́ ф̀ к'и: *е*, кажется, не очень широкое); рекомендуемое Коршемъ—д̀ е́ ф' к'и ститаю самороднымъ [4]). Со словами нѣкогда представлявшими ъ не слѣдуетъ ставить на одну доску такія слова, гдѣ согласные издавна соприкасались и никогда не могло быть твердаго выговора, какъ н̀ е́ с̀ н и (стрцк. **пѣсни**), в а [й] и́ н̀ с̀ т̀ в̀ ь н ъ̀ й (**конньстквнъи**): здѣсь уже у

---

[1]) Наша буква ъ въ такихъ случаяхъ не имѣетъ своего настоящаго значенія, а иногда и вполнѣ равносильна ъ: напр. слово а б̀ ј о́ м отличается отъ слова п а б̀ ј о́ м только отсутствіемъ звука *п*.

[2]) Послѣднее слово, вслѣдствіе весьма распространенной картавости, превращающей твердый л въ чисто-губное (т. е. не зубно-губное) в, похожее на англійское w, а послѣ гласныхъ въ закрытыхъ слогахъ—въ неслогóвое *у*, такъ что получаются дифтонги оў, аў, аў, иў, ыў, можетъ и не представлять своеобразнаго *л*.

[3]) Срв. мою статью „Об устраненіи ъ“, стр. 5=Р. Ф. В., т. XIV, стр. 351. Въ этой статьѣ я впрочемъ напрасно приписывалъ словамъ с ъ̀ ѣ с т ь и о б ъ я в и т ь *с* и *б мягкія*.

[4]) Я. К. Гротъ. О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка (Филолог. разыск.). Th. Korsch. Weitere Beobachtungen über die Aussprache des Russischen (Arch. f. sl. Ph., B. III).

Праславянъ имѣлось нѣкоторое умягченіе (выговоръ средній), и въ Русскомъ языкѣ произошло только усиленіе мягкости. Тѣмъ менѣе можно говорить объ уподобленіи тамъ, гдѣ послѣ согласнаго выпалъ оставлявшій по себѣ мягкость ъ, напр. въ словахъ на *чик*: м а́ л̓ т̓ ш̓ ь к, к о́ н̓ т̓ ш̓ ь к, л а́ р̓ т̓ ш̓ ь к=*мальчикъ, *коньчикъ, *ларьчикъ, также *д* въ словахъ б ѣ д с т в і е и п о з д н і й (б'е́т̓с̓т̓вьйа, п о́ з' н̓ ь й), давшее въ первомъ словѣ *т*, а во второмъ выпавшее, вовсе не умягчилось путемъ уподобленія, т. к. первоначальныя формы были б ѣ д ъ с т в ь ј е, п о з д ъ н ы й (стрцк. **поздынъ**). Коршъ, и въ большей еще степени Гротъ недостаточно обращаютъ вниманіе на указанное обстоятельство. Гротъ иногда даже сбивается со звуковъ на буквы и ожидалъ бы умягченія въ словахъ т о́ р ж ъ ш̓ т̓ ш̓ а, с т а́ р *ш* ъ й передъ отвердѣвшими *ж* и *ш*: здѣсь напротивъ того произошло отвердѣніе въ одномъ случаѣ мягкаго или средняго, а въ другомъ несомнѣнно мягкаго *р*—основныя фонемы т ъ р̓ ж' щ' е или т ъ р̓ ж' и щ' е и с т а р̓ ш̓ ь й (стрцк. **старьшинн** вин. п.).—Что̀ до времени умягченія передъ мягкостью, то Соболевскій (Лекц., стр. 105) приводитъ на него примѣры уже изъ памятниковъ XII—XIII вѣка: в ъ з я, в ъ з я т и Добр. Ев. 1164 г., р о п ъ щ ю т ь Псалт. 1296 г., а л ъ ч ь н а, а л ъ ч ю щ а Галиц. Ев. ок. 1266 г. [1]).

Ш и п я щ і е и с в и с т я щ і е н е с о ч е т а е м ы, и свистящій передъ шипящимъ самъ становится таковымъ же, вмѣстѣ съ чѣмъ, разумѣется, происходитъ также уподобленіе голосового слѣдующему безголосному или безголоснаго—голосовому: вмѣсто *сш*, *зш* появляется двойное, или, лучше сказать, нѣсколько протяжное *ш*, вмѣсто *зж*, *сж*—такое-же *ж*, напр. ш̓ ш у́ м ъ м, б и ш̓ ш у́ м у;

---

[1]) Послѣднее слово меня нѣсколько затрудняетъ: хотя теперешній выговоръ а л ъ ч н ы й, а л ъ ч у щ і й и могъ бы считаться вторичнымъ порожденіемъ орфографіи, но вѣдь мы произносимъ м а л̓ т̓ ш̓ а́ т̓. Приводимыя тамъ же ж а л ь ч е и м е л ь ч е д. б. заимствовали мягкость у болѣе раннихъ ж а л̓ ь ш е и м ѣ л̓ ь ш е (вѣдь первичная сравнительная степень первоначально производится отъ корня), или же произошли изъ нихъ посредствомъ замѣны *ш*, въ угоду звуку *к* положительной степени, черезъ *ч*.

ж͡ж ы н о́ й у, о́ ь ж͡ж ы н ы́; ш͡т ш́ е́ с́ т́ j у, о́ и ш͡т ш́ е́ с́ т́ и. (Передъ ш͡т ш́ *з и с* вовсе пропадаютъ: о́ и ш͡т ш́ о́ т́ к'и; сочетанія *сщ* въ предложныхъ соединеніяхъ не существуетъ, т. к. говорятъ напр. с *а* ш͡т ш́ о́ т к ъ й, мы однако встрѣтимся съ нимъ ниже). Впрочемъ насчетъ ж͡ж и ш͡ш изъ *зж* и *зш* слѣдуетъ сдѣлать оговорку, которая относится также къ з͡з и с͡с (напр. о́ ь з͡з а б о́ т, о́ и с͡с и́ лы). Въ старославянскомъ, какъ извѣстно, предлоги, которые у насъ въ отдѣльномъ написаніи кончаются на *зъ*, обыкновенно **ъ** не имѣютъ и подвергаются сліянію съ согласнымъ зачиномъ соединяемаго съ ними реченія, напр. **бештнсльнъ, бештнсла, нжденж** (**шт** и **жд** вторичное упрощеніе ш͡тш и ж͡дж изъ з͡тш, з͡дж); **бесплы, бе҃зъла; бе҃здрꙋма** (съ переходнымъ отъ *з* къ *р* звукомъ *д*); **бе҃жнѥго** (съ такимъ же смягченіемъ какъ **мышлѭ** къ **мыслнтн**). Если же русскій языкъ въ такихъ случаяхъ унаслѣдовалъ *щ, ждж* и т. д. (соотвѣтственныя написанія, кромѣ **жн**, вполнѣ обычны въ старѣйшихъ русскихъ памятникахъ, напр. из-д-Ростова Сказ. о Бор. и Гл., по сп. XII в.), то соединеній *зш, зж, зч* въ немъ никогда не было, а произошла только п о п ы т к а возстановить въ чистомъ видѣ какъ изглаженіе предлога, такъ и зачинъ соединеннаго съ нимъ слова, при чемъ возстановляемое *з* прямо стало звучать *ж, ш* или *с*. Первые примѣры на возстановленіе (по Соб., Лекц. 130) р а с с у д и т и Тріодь Моис. кіевлян. XII—XIII в., 14, и ж ъ ж е н у т ь Ев. 1270 г., 24, б е з з л о б ь ѥ Кормч. ок. 1282 г., 458. Не слѣдуетъ однако забывать, что въ подобныхъ написаніяхъ могло бы отражаться мудрствованіе грамотѣевъ, а не живое произношеніе.—Стремленіемъ къ раздѣльности корня и приставки я объясняю себѣ также старинную замѣну *зш'*, вмѣсто *ш'*, черезъ *ш'т'ш'*, напр. **нщъдъше** Остр. ев. 65 г., **нщьдъше** 99 а, **рщнвѥ** Минея XII в., Ягичъ, 20, стрк. 2 сн. (едвали можно сомнѣваться, что **щ** здѣсь трифтонгъ, а не сокращеніе вм. **шт**); Соболевскій, Лекц. 46, склоненъ понимать здѣсь **щ** какъ *ш'ш'*, что̀ по моему весьма неправдоподобно.

Случаи, гдѣ бы приходились ш и п я щ і е п е р е д ъ с в и с т я щ и м и, рѣдки. Это бываетъ во 2 л. ед. ч. возвратныхъ глаголовъ, гдѣ *шс* является въ видѣ усиленнаго средняго *с*: с́ т р и м́ й с͡с а,

н̀и с̀о͡ с̀с̀а. При чисто звуковомъ развитіи окончаніе **шн** или *шь+ся д. б. дало бы ш̀с̀а и далѣе с̀с̀а съ мягкимъ *с*, но здѣсь могло повліять отвердѣніе *с* послѣ *т* въ инфинитивѣ и въ третьеличьяхъ. Еще мы встрѣчаемъ такія сочетанія въ прилагательныхъ на с к о й, напр. в о л о́ ш с к і й, п р а́ ж с к і й, м у ж с к о́ й, п е т е р б у́ р г с к і й (если въ послѣднемъ словѣ пишутъ *г*, то это только невѣрное правописаніе, срв. п е т е р б у́ р *ж* е ц ъ [1])—здѣсь *шс* и *жс*, передъ твердымъ согласнымъ переходятъ въ простой и твердый *с*. *Ч*, сливаясь со слѣдующимъ *с*, даетъ *и*, что̀ бываетъ у тѣхъ же прилагательныхъ на с к о й, напр. м ъ л а д а́ т о͡ с к ъ й, и̯ г р а́ т о͡ с к ъ й, м ъ с к в а р а́ т о͡ с к ъ й=***млдьъскън**, *нгрьъскън, *москкорѣъскън; таково же народное к у н а́ т о͡ с к ъ й при литературномъ к у п е́ т ш̀ ь с к ъ й. Для оправданія двоякости окончанія а́тскъй и е́тш̀ьскъй можно сослаться на то̀, что **ь** между *ч* и *с* не всегда долженъ былъ онѣмѣть, а именно подлежалъ проясненію въ безчленной формѣ муж. р. **коупь̀ъскъ**, что̀ дало к у п е́ ч е с к и въ именахъ на с т в о—***коупь̀ъство**, откуда к у п е́ ч е с т в о.

У д в о е н і е или, лучше сказать, у с и л е н і е согласныхъ, каковое мы видѣли въ нѣкоторыхъ изъ только что отмѣченныхъ случаевъ, есть явленіе рѣдкое въ русскомъ языкѣ и вообще въ славянскихъ языкахъ (въ старославянскомъ, а д. б. и въ праславянскомъ его вовсе не существовало). Мы нерѣдко произносимъ усиленный *н* въ прилагательныхъ и страдательныхъ причастіяхъ: с а̀ н н ъ й, п а̀ н н ъ й, н ь и̯ р и м а̀ н н ъ й; д а̀ н н ъ й, ж ы л а̀ н н ъ й, р ъ з̀ д и л о̀ н н ъ й и т. п. Срв. выше, стр. 101. Въ прилагательныхъ этого рода дѣйствительно имѣется соединеніе двухъ *н*, изъ коихъ одинъ принадлежитъ первичному имени, а второй про-

---

[1]) Дѣйствительно содержатъ сочетаніе *гс*=*кс* или *хс* прилагательныя т а г а н р о́ г с к і й и к р и в о р о́ г с к і й, навѣрное, книжно-искусственныя, да м. б. въ живомъ употребленіи и не представляющія какофоническихъ созвучій *кск* или *хск*. Ужъ несомнѣнно книжное образованіе о с к с к і й произносится о̀ с с к ъ й. Л’е́ й п ц̀ ь *ж* с к ъ й отъ иностраннаго Л’е́ й п ц̀ ь х и т. п. въ счетъ не идетъ.

изводственной наставкѣ: **сан-ьнъ, пѣн-ьнъ, непрѣ-мѣн-ьнъ**; причастія же не имѣютъ этимологическаго права на удвоеніе, которое появилось въ нихъ, думается мнѣ, вслѣдствіе того, что они стали чувствоваться производными отъ приглагольныхъ именъ на а н і е, е н і е, напр. ж е л а н н ы й отъ ж е л а н і е. (Первоначальное соотношеніе, какъ извѣстно, обратное). Обособившіяся отъ глагола причастія л у ж о́ н ъ й, к а л ѣ́ о́ н ъ й, п р и д а́ н ъ й а и т. п. остались безъ усиленія. Усиленный л̀ представляютъ прилагательныя г у л ь - л и́ в ы й, щ е г о л ь - л и́ в ы й. Усиленное *в* получается при положеніи предлога *в* передъ зачиннымъ *в*: напр. в в а д̀ а́, в̀ в и с т̀ и́, в̀ в о л не совпадаютъ съ дат. в а д̀ а́ и съ безпредложнымъ глаголомъ в и с т̀ и́-в̀ о́ л. Подобнымъ же образомъ при употребленіи предлоговъ о т, п о д возникаютъ т̀т и д̀д: а т̀ т у́ д а, о̆̀ т̀ т ь и̯ ь л̀, а д̀ д а́ т̀, а д̀ д а́ л ъ т̀, п а т̀ т а́ й ь т̀ (срв. п о т а́ я т ь, содержащее предлогъ п о), п а т̀ т и́ б р ь т̀, п а д̀ д а́ к ь в ъ т̀, п а д̀ д ѣ́ л н ъ й (срв. п о д д ѣ́ л ь н а я б у м а́ ж к а и п о д ѣ́ л ь н а я п л а́ т а). Нѣсколько инымъ путемъ появилось т̀т въ инфинитивѣ [и] и т̀ т и́ вм. древнѣйшаго **н-тн**, а именно подъ вліяніемъ настоящаго [и] д у́. См. Сравнит. морфол., стр. 462, пр. 2. Усиленіе звука *п* слышится въ предложномъ выраженіи о̆̀ п п ъ л; но это единичный случай, т. к. предлогъ *об* передъ *п*, какъ и вообще предъ согласными, обыкновенно является въ видѣ *о*. Въ предложныхъ соединеніяхъ замѣчаются также встрѣчавшіяся намъ уже ранѣе (стр. 133) с̀с, з̀з, ш̀ш, и ж̀ж [1]). Здѣсь прибавлю еще, что есть также усиленное *ж* мягкое, которое восходитъ къ основному *зdj* или *згj*: j е́ ж̀ж у, д а ж̀ж и́, д о̆̀ ж̀ж ь к, д р о̆̀ ж̀ж и; таково же *ш* замѣняющее, по московскому произношенію, *щ*: г ў̀ ш̀ш а, п у ш̀ш у́. Усиленіе имѣетъ мѣсто также при столкновеніи *т* и *д* съ т̀ш и тс: п ъ т̀ т̀ш ш̀ и [ы] т а́ т̀, т. е. подготовиться чтеніемъ, не совпадаетъ съ п ъ т̀ ш и [ы] т а́ т̀ уважать, а т т с с ы н̀ и́ т̀ (напр. вагонъ) не совпа-

[1]) Иное с̀с мы видѣли на стр. 101.

даетъ съ а т с ы н и т (напр. домъ). Такія же «удвоенные» *ч* и *ц*, только иного происхожденія, а именно изъ т+с, т+ш, д+ш намъ встрѣтились уже на стр. 101 и 118. Въ иныхъ словахъ, какъ с а л д а т ш ь н а, с к л а т ш ь н а, н ь р и н л о т ш ь к, н ь р и в о т ш ь к, к а б а т ш ь к, усиленное *ч* восходитъ къ сочетаніямъ *тщ, дщ, чщ*: производки тутъ щина, щик, древнѣйшія **ьщина, ьщикъ**, представляющія распространеніе **ьскъ**; срв. б а р щ и н а при б а р с к і й, д е н ь щ и к ъ при д е н ь с к о й равныя основнымъ б о ј а р ь щ и н а, б о ј а р ь с к ъ, д ь н ь щ и к ъ, д ь н ь с к ъ. Этимологическое написаніе разсматриваемыхъ словъ было бы поэтому с о л д а т *щ* и н а, с к л а д *щ* и н а, п е р е п л е т *щ* и к ъ, п е р е в о д *щ* и к ъ, к а б а *чщ* и к ъ (также р а з н о *сщ* и к ъ, и з в о *зщ* и к ъ): рѣшительно незачѣмъ тутъ говорить о какомъ-то переходѣ *щ* въ *ч*, а Гротовское к а б а *к* щ и к ъ, будто-бы перешедшее затѣмъ въ кабатщикъ, а далѣе въ к а б а *т ч* и к ъ, есть совершенно невозможное построеніе.

Для усиленнаго выговора согласныхъ не безразлично ударені: безударность предшествующаго гласнаго, хотя и не исключаетъ удвоенія, но не благопріятствуетъ ему. Такъ говорится д а н н ъ й, но д а н а́, -о́,-ы́. Также усиленный *с* во 2 лицѣ возвратныхъ глаголовъ, явственный послѣ ударенія, при отсутствіи его упрощается: з д а л ъ й ь с а, н а д е́ й ь с а, с т а р а́ й ь с а, в л у́ б ь с а. Впрочемъ тутъ можетъ быть и слышится (вообще, или же иногда) нѣкоторое усиленіе; но въ 3 лицѣ при такихъ условіяхъ положительно является обыкновенное *ц*: сравнимъ глагольныя формы к у́ р и т с я, п е р е н о́ с и т с я, к а́ т и т с я, д е́ л и т с я, с т е́ л е т с я и с л а́ в и т с я съ существительными к у́ р и ц а, п е р е н о́ с и ц а, к а р а к а́ т и ц а, б е з д е́ л и ц а, м я т е́ л и ц а, к р а с а́ в и ц а—каждая пара составляетъ чистую трехсложную рифму, а первыя двѣ вполнѣ совпадаютъ. Въ словахъ пришлыхъ мы послѣ ударенія болѣе-менѣе выдерживаемъ свойственное ихъ первообразамъ усиленіе и говоримъ к а с с а, в и л л а, г р у п п а, г а м м а, но въ иномъ положеніи производимъ упрощеніе и говоримъ к а с и́ р, г р у н ь р а в а́ т, также а л е́ й а, Р а с и́ й а, а б а́ т: удвоеніе, которое слышится таки и въ такихъ случаяхъ, звучитъ вычурно.

Впрочемъ упрощеніе не разъ происходитъ и передъ удареніемъ (видно потому, что собственно-русское усиленіе является рѣдко и всегда по этимологическимъ причинамъ, и потому въ этимологически темномъ словѣ кажется совершенно лишнимъ): говорятъ напр. праф̀а́сър, кла́сы, кад̀а́ты, ва́л. Ближайшій источникъ этихъ словъ нѣмецкія Professor, Klasse, Kadett, Wall. И въ русскихъ словахъ выражаемое на письмѣ удвоеніе не всегда соблюдается въ выговорѣ: мы произносимъ напр. ру́скъй, фр а н т с у́ с к ъ й. Обратное явленіе мы отмѣтили выше (стр. 101) въ существительномъ п о р у ч и к ъ и въ нарѣчіи в п р о ч е м ъ. (Таково и прилагат. п р о ч і й: въ него, кажется, вносятъ окончаніе сравнительной степени -ш і й) [1]).

Усиленныхъ *к* и *г*, которыя попадаются въ пришлыхъ словахъ (М е к к а, к в а г г а), въ обыкновенномъ русскомъ произношеніи не существуетъ: возникшія было въ нѣкоторыхъ случаяхъ сочетанія *кк* и *гг* перешли въ *жк* и *вг*: м̀а́хкъй изъ **мякъкън**, *х* к а м у́ изъ **къ комоу**, л̀о́хкъй изъ **лыгъкън**; в г а р̀а́ изъ **къ горѣ**. Срв. стр. 112, пр. 2; но также 129. Въ памятникахъ это явленіе засвидѣтельствовано уже въ XIV столѣтіи: м я *ж* к ы Поликарп. ев. 1307 г., Ев. 1354 г., *х* к о ѥ и п р и т ч и Ев. 1354 г., *хъ* к и е в ь с к и м ъ Лавр. сп. лѣт., л. 15, стр. 13 (**хгпѳ**); также *г* к о м у Лавр. 159 об., 20, *г* к у д е с н и к у 119 об., 24, *г* к а м е н и 130 об., 23 и т. п. естественно, вслѣдъ за Соболевскимъ (Лекц., стр. 100), читать *х* к о м у и т. д.

Подобнымъ же образомъ, какъ передъ другимъ к или г, превращеніе к и г въ х и в происходитъ передъ *т* и *д* (также передъ *ч*, первый элементъ котораго есть *т*): х т о, х т а м у́, х̀ т̀и б̀а, л̀е́х̀т̀ш и ᵇ, м̀а́х̀т̀ш и ᵇ, х̀ т̀ш и ᵇ м у́; примѣры на вд см. выше, стр. 112. Однако мы произносимъ л̀а́к̀т̀и!, л о́ к̀ т̀ и. Х т о есть

---

[1]) Усиленные мягкіе созвучники (иногда впрочемъ вторично отвердѣвшіе) представляютъ нарѣчія Малорусское и Бѣлорусское на мѣстѣ болѣе раннихъ сочетаній съ j, напр. малорус. с у д̀ д̀ а́, к о л о͡ с̀ с̀ а, с̀ и͡ л̀ л̀ у, бѣлорус. с у д̀ д̀ з̀ а́, к а л о͡ с̀ с̀ а, с о͡ л̀ л̀ у (ближайшимъ образомъ изъ с у д̀ j а́, к о л о́ с̀ j а, с о́ л̀ j у—староперк. **сѫдии, класиѣ, солиѣ**).

и малорусская форма; въ памятникахъ она встрѣчается съ XIV столѣтія.

Созвучія *чн* и *щн* упрощаются въ *шн*: малóшнъй, скýшнъй, калáшнъй, бýлъшнъйа, патс͡вéшньк, клýшньтса, и т. п., авашнóй (óвъшт͡шиⁿ), тóшна (тóшт͡шьй=**тъштьн**, таскá=*тъска). Въ словѣ памóшньк *ш* д. б. произошло изъ *ч*, и написаніе черезъ *щ* слѣдуетъ признать славянизмомъ. Упрощеніе *чн* въ *шн* общерусское: по малорусски напр. сердéшний, немошний, пáсішник, по-бѣлорусски памóшник, скýшна, рушни́к. Примѣры въ письменности указываютъ съ конца XIV или съ начала XV в. (Соб., Лекц. 100). Однако существуетъ также созвучіе *чн*, появленіе котораго въ иныхъ случаяхъ можно оправдать книжнымъ характеромъ слова: брачный, злачный, млечный, мрачный, прозрáчный, алчный, первúчный, второ́чный, третúчный (м. б. сюда позволительно отнести также прилагательныя вѣчный, побóчный, порóчный), въ другихъ случаяхъ можно сослаться на охранное или же возстановительное вліяніе родственныхъ формъ: начнý (начáть), качнý (качáю), отлúчный, при- (отличúть), обы́чный (обы́чай), встрѣчный (встрѣча), неразлýчный (разлучáть), точный (точь въ точь), вьючный (навьючить), звучный (звучáть), запéчный (печь), безпéчный (не печётся), прочный (упрóчить). Есть однако случаи, для которыхъ я не вижу объясненія: попереúчный, сочный, тучный, срочный, урóчный, конéчно (рядомъ съ конéшно), истóчникъ. Впрочемъ можно думать, что здѣсь имѣется, въ родѣ того какъ въ первомъ рядѣ словъ, вліяніе письма на произношеніе. Народное произношеніе послѣдовательнѣе литературнаго (не знаю однако вполнѣ ли послѣдовательно): слышится такъ тóшна, сúрдáшнъй, истóшник (отмѣчено Колосовымъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ Вологодской губ.) и даже запéшный и вѣшный туль. Р. Ф. В., X, 31).

Зачинное созвучіе *чт* упрощается въ *шт* въ мѣстоименіи *что*: написаніе **што** отмѣчено уже въ Добриловомъ ев. 1164 г. и въ нѣкоторыхъ памятникахъ XIII в. (Соб., Лекц. 99, Р. Ф. В., XV, 9, п. 3). Но *чтить*, *чтецъ*; также между гласными: мечтá, мáчта,

по́чта. Однако въ народной рѣчи по*шт*е́нье, по*шт*е́нный. Написанье **пошт҃енїе** приведено выше, стр. 49.

Хв въ народной рѣчи иногда сливается въ одинъ звукъ *ф*, средній между *х* и *в*: отъ перваго идетъ безголосность, отъ второго—зубногубное образованіе. Такое превращеніе произошло у галицкихъ малороссовъ (фі́ст, фати́ти, фали́ти, фо́рост) и кое у какихъ великороссовъ: фост, фата́ть, фо́рост Туль. губ., туль. у. (Р. Ф. В., X, 29), «по*ф*а́льбами всѣ по*ф*а́ляются... кто чѣмъ... *ф*астаетъ» Он. был., 387. Что̀ до хронологіи, то самый ранній примѣръ на *ф* вм. *хв* изъ приводимыхъ Соболевскимъ (Лекц., 125) есть лифою въ Ев. 1399 г. Болѣе ранніе примѣры (XIII в.) имѣются на смѣшеніе въ пришлыхъ словахъ *ф* и *х*—*х*, рядомъ съ *хв*, стало обычной замѣной иностраннаго *ф* у Малороссовъ: Хома́, Хі́вря (Хавронья, Февронія), Хведі́р, Хвили́п.

Отмѣтимъ затѣмъ нѣкоторые случаи выпаденія согласныхъ. Изъ созвучій *стн*, *здн* выпадаютъ *т* и *д* (сохраняемые однако на письмѣ): стра́снъй, т҃ша́снъй, гру́снъй и т. д., пра́знъй (**праꙁдьнъи**), ба́зна, по́зна [1]). Примѣры на сн вм. с*т*н, по Соболевскому (Лекц. 102 и 103) восходятъ къ XIV в. [2]). Выше (стр. 49) мы видѣли гораздо старѣйшій, но зато сомнительный примѣръ.—С*т*л превращается въ сл: слаѣ=**стьлатн** совпадаетъ со слаѣ—**сълатн**; естьли даетъ если. Такимъ же образомъ, надо полагать, развились ма́сло, ја́сли, число́, изъ ма́с*т*ло, ја́с*т*ли, чис*т*ло́,=ма́з-тло, ја́д-тли, чит-тло́—только это произошло не на русской почвѣ, а на праславянской.—Средній звукъ опускается также изъ группы с*т*к, все равно восходитъ ли она къ **стък** или къ **ꙁдък**: ни҃ва́ска, пав҃а́ска, и҃зво́ска, маск'и́; бароска, пајаска.—Здб изъ стб, стъб дало зб въ словѣ и҃зба́=истъба, уменьш. истъбъка (**нстобкꙋ** въ Лавр. сп. лѣт., 150 б, стрк. 4 сн., 151 а, 6 и 8 св.): современное уменьш.

---

[1]) Употребляемое также, хотя и не попавшее въ письменный языкъ по́зда не представляетъ выпаденія *н*, а должно быть приводимо въ связь со староцерковнымъ **поꙁдѣ**.

[2]) У Соболевскаго въ указанномъ мѣстѣ приводится еще нѣсколько единичныхъ случаевъ выпаденія согласныхъ.

изóбка и поль. izdebka подправлены въ угоду первичницѣ избá. Мимоходомъ отмѣтимъ, что ходячая этимологія «изба отъ топить» совершенно невозможна. То же звуковое явленіе какъ изба представляетъ гозьбá пиръ олон. (Кол., Замѣтки, 201), приводимое и Далемъ, какъ новгородское, въ этимологическомъ написаніи гостьбá. Срв. серб. гòзба, болг. гóзба.

Выпаденіе передъ *н* смычныхъ согласныхъ *г*, *к*, *б*, *п*, *д* и *т* у эновыхъ глаголовъ—дѣ́нуть, тѝснуть, зѓи́нуть, утанýть, ки́нуть, вирнýть и т. п., я склоненъ считать не русскимъ, а праславянскимъ явленіемъ, объясняя выговоръ лягнýть, погúбнуть, староперк. **дѣнгнжти** и т. д. вторичнымъ, хотя бы и раннимъ возстановленіемъ изъ родственныхъ формъ, сохранявшихъ *г*, *б* и т. д. (лягáть, погибáть, **дѣнглъ** и др.). Срв. однако Лекціи Соб., стр. 31, п. 2.

Несомнѣнно праславянскимъ должно считаться опущеніе *в* послѣ *б*, при сочетаніи предлога *об* со словомъ начинающимся съ *в*: óблако, оболóчка, óбод, противорѣчіе которыхъ такимъ словамъ, какъ обвáл, обвúть, обвѣ́сить, легко объясняется тѣмъ, что утрата *в* произошла у Праславянъ (срв. староперк. **облакъ**, **обнти**, **обѣсити**, серб. о̏блāк, чеш. oblak, поль. obłok и т. п.), а Русскіе (также другіе славяне) въ словахъ этимологически ясныхъ возстановили *в* и во вновь образуемыхъ не выбрасывали его.

Противуположная выпаденію вставка—явленіе рѣдкое. Наиболѣе обычно *т* какъ посредствующее звено между *с* и *р*, но и оно по литературному произношенію присвоено одному глаголу встрѣтить и родственнымъ встрѣчать, встрѣча, встрѣчный; въ народной рѣчи весьма обычны еще страмъ и стражаться, -женіе. О вставкѣ гласныхъ звуковъ (*о* и *е* и ихъ вторичныхъ видоизмѣненій) уже упомянуто ранѣе и придется еще говорить при обзорѣ склоненій.

Отпаденію подвергается звукъ *л* съ предшествующимъ созвучникомъ. Случай къ тому представляется 1) въ мужескомъ родѣ прошедшаго времени (элеваго причастія): нос, вос, нок, стирóк, паѓúп, умьр—староперк. **несъ**, **везъ**, **пекъ**, **стрѣгъ**, **погыбъ**, **оумрьлъ**. Особое положеніе корней на *т*, *д*, у коихъ изчезаютъ эти звуки, а *л* сохраняется (пол, вол) обусловлено тѣмъ,

что *т* и *д* передъ *л* выпали въ юговосточной славянщинѣ, или м. б. даже въ праславянщинѣ, и русскій языкъ унаслѣдовалъ тожественныя со старославянскими фонемы **плелъ, велъ** [1]). 2) Отпаденіе *л*, а именно *л* мягкаго, замѣчается въ существительныхъ мужескаго рода на **бль, кль, мль**: карандь или карандъ, рунь (рун), крємь (крямъ). Въ этихъ случаяхъ однако ль иногда сохраняется (но, кажется, лишь у людей книжныхъ, подъ вліяніемъ письма), при чемъ становится безголоснымъ: карандль, рунль, журафль, крємль. Подобнымъ же образомъ возникаетъ въ исходѣ безголосный *р*: тѣатр, смотр, П'отр, Альксантр. По другому книжному произношенію: тіатръ, смотръ, П'отръ, Альксандръ, съ *гр* или м. б. правильнѣе сказать со слоговымъ *р*; народъ же въ подобныхъ словахъ, по скольку ихъ употребляетъ (едвали напр. простолюдинъ скажетъ ‹онъ подлъ› или ‹онъ мудръ›), мѣняетъ окончанія, говоря съ одной стороны тійатьр (кійатьр), какъ вѣтьр, а съ другой—П'отра, Л'ксандра.

Отпадаетъ, или же становится слоговымъ также звукъ *н* съ предшествующимъ *з*: саблас или саблазън, кас или казьнь. Пришлое окончаніе *изм* звучитъ обыкновенно изъм; простолюдины, кажется, превращаютъ его въ изма: рьвматизма. Искусственное произношеніе допускаетъ въ такихъ случаяхъ *н* и *м* безголосные.

Въ областной рѣчи нерѣдко отпаденіе конечнаго *т* послѣ *с*: хрос, пойьс, гос вм. литературныхъ крастъ, пойьст, гостъ. Срв. болгарскій выговоръ кос, пърс, грос вм. первоначальныхъ **кость, прстъ, гроздъ**. Историческія справки насчетъ отпаденія согласныхъ (Соб., Лекц. 104) весьма скудны, д. б. отпаденіе явленіе довольно новое; хотя отсутствіе *л* въ извѣстныхъ формахъ элеваго причастія теперь—общерусское.

Иногда встрѣчается, противоположное отпаденію на концѣ приставка въ началѣ, или, употребляя Гротовскій терминъ, призвукъ. А именно въ иныхъ словахъ является передъ начальнымъ *о* приставочное *в*: вотчим рядомъ съ отчим, восемь (однако восьми или осьми, восьмой или осьмой), народныя

[1]) Срв. мою статью О вставочныхъ д и т. Грамм. зам., т. I (Р. Ф. В., т. V).

вóстрый, вóспа вм. óстрый, óспа [1]). По-малорусски призвучное *в* (для котораго я впрочемъ выше, стр. 99) предложилъ иное толкованіе, составляетъ правило передъ *о* суженнымъ. Написанія вовьца, воовца Соболевскій (Лекц., 113) приводитъ уже изъ Галицкаго евангелія ок. 1266 г. Великорусскія же его примѣры (напр. изъ духовной Ивана Калиты), гдѣ «призвучное» *в* слѣдуетъ за предлогомъ *въ*, надо полагать, представляютъ лишь двукратное написаніе предлога. Призвукъ v передъ *o* господствуетъ въ языкѣ Лужицкомъ, въ обоихъ нарѣчіяхъ: voraс́ (-aś), voŕech (или vóŕech), а также въ народныхъ говорахъ Чешскаго: vorat, voř ech.

Кое-что о призвучномъ в и о праславянскомъ призвукѣ сказано въ моихъ Дополн. къ Разбору Этимол. слов. Миклошича, стр. 60—62 и 117 пр., = Р. Ф. В., т. XXII, 115—117 и XXIII, 98.

---

[1]) Приставочное *в* отчасти могло бы считаться предлогомъ—срв. одно мое соображеніе, въ Дополненіяхъ къ Разбору Этимол. слов. Миклошича, подъ словомъ otŭ, стр. 121 (Р. Ф. В. XXIII, стр. 289).

Поправки и дополненія.

Стр. 5, стрк. 17. Совпаденіе ѫ съ оу и ѧ съ ѫ проявляется и въ Архангельскомъ евангеліи 1092 года—почти полнымъ устраненіемъ ѫ (ѫ читается нпр. на л. 13, об., стрк. 10 сн.: **вьсакѫ роꙁгоу** и на 38, стрк. 6 св.: **ꙁапрѣти иемѫ**) и довольно послѣдовательнымъ употребленіемъ, независимо отъ этимологіи, въ началѣ слоговъ ѫ, а послѣ согласныхъ—ѧ, сходно съ новоцерковною орфографіей.

Стр. 10, стрк. 17. Все-таки можно предположить здѣсь отвердѣніе: какъ р҃е, л҃е, н҃е, несомнѣнно мягкія въ праславянскихъ фонемахъ **морѣ, полѣ, конѣкн**, у Малороссовъ сдѣлались полутвердыми, такъ могли отвердѣть и всѣ слоги съ *е* (также и съ *и*), если были мягкими въ общерусскомъ. Но мнѣ (наперекоръ Шахматову, Литографиров. лекціи, стр. 154) это кажется невѣроятнымъ и думается, что сначала поотвердѣли рѣшительно преобладавшіе въ языкѣ средніе слоги бе, де и т. д. и потомъ уже они потянули за собой и немногочисленные мягкіе. Указываемые тамъ же написанія съ **ѥ** вм. простого **є** (**нєбєсѥ** Стихир. 1157 г., 103 в., **естѥ** Мин. XII в., № 221, 22а и т. п.) м. б. свидѣтельствуютъ лишь о непониманіи значенія буквы **ѥ**.

Стр. 13, пр. 2. Лекціи Шахматова, § 58, стр. 161.

Стр. 15, стрк. 5 сн. Явные примѣры на совпаденіе *ы* и *и* встрѣчаются въ памятникахъ съ XIV в. Соб., Лекц., стр. 74. Впрочемъ изъ болѣе раннихъ случаевъ «очень рѣдкихъ и не внушающихъ къ себѣ довѣрія» иные мнѣ кажутся довольно убѣдительными—таковы п р о с ы т и и с ъ в ѣ т ь н ы к ъ въ Добриловомъ евангеліи 1164 года.

Стр. 16, стрк. 13 сн. Срв. поправку къ стр. 10, стрк. 17.

Стр. 21, пр. 2. Вм. к ъ р а л҃ ѣ в и е ́ т ̑ ш нужно к ъ р а л҃ е ́ в и т ̑ ш, или, лучше, к ъ р а л҃ е ́ в ь т ̑ ш.

Стр. 23, стрк. 10. Отъ слова м ̓ и ш о ́ к употребляются и подражательное м ̓ и ш о ́ т ̑ ш ь к и самородное м ̓ и ш е ́ т ̑ ш ь к.

Ст. 24, стрк. 12. Возможно, что было не **сѣдьло**, а **сѣдло**.

Стр. 25, стрк. 18. Соболевскій (Лекц., стр. 86), указывая на малорусское т р̀ и с и сѣверно-малорусское запр̀уов, приписываетъ этимъ формамъ древнее *е*, которое чередовалось съ *я*=*ѧ*, какъ въ л я́ г у-л е ч ь-л ёг.

Стр. 26, стрк. 5 сн. Разширеніе *е* въ *о* на письмѣ встрѣчается съ XII ст.: въ Словѣ св. Ипполита объ антихристѣ написано нпр. **сѣкажомъ** стр. изд. 22 (л. 17), **блажонъ** стр. 99 (л. 61), **раꙁдѣлнѣъшомъ сѧ** стр. 40 (л. 28), Соб., Лекц. 59. Итакъ разширеніе не новѣе XII в., однако сомнительно—вообще ли, или только послѣ шипящихъ.

Стр. 30, стрк. 14 сн. Еще р а́ с п р я, р а́ з в и т и р а́ с п я т, но это очевидно слова̀ книжныя; впрочемъ и къ нимъ подходило бы предлагаемое тамъ же объясненіе слова р а́ з у м. Соболевскій (Лекц. 26) отмѣчаетъ, что «въ древнихъ памятникахъ съ чистымъ русскимъ языкомъ мы всегда находимъ р *о* з, а не р *а* з».

Стр. 33, стрк. 7. Н'и р а́ д а с̀т и н, точнѣе д. б. и̇ и р а́ д ъ с̀т ь н, представляетъ столь же непонятное исключеніе въ своемъ послѣднемъ слогѣ.

Стр. 37, стрк. 11. Въ «Начертаніи славянской акцентологіи», стр. 67, я напрасно оспаривалъ этотъ взглядъ, выставленный (м. б. съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ) сербскимъ ученымъ Да ничичемъ.

Стр. 37, прим. На стр. 76, но больше въ другомъ мѣстѣ, стр. 74.

Стр. 37, стр. 6 сн. У иныхъ м. б. предударныя *е* и *и* совпадаютъ въ є узкомъ. Конечно, и мое предударное е-и, будучи не вполнѣ яснымъ, смахиваетъ на є.

Стр. 38, стрк. 7 св. Пожалуй предударное *о* хорошо выражено у Богородицкаго черезъ å, обозначающее *а* склонное къ *о*, но тогда также слѣдуетъ выражать и предударное *а*.

Стр. 41, стрк. 3. Написаніе **Нѣкъ**, также **Нѣрдинъ**, встрѣчается уже въ старославянскихъ памятникахъ. Соболевскій, Древній церковнославянскій языкъ, Фонетика, Москва 1891, стр. 138.

Стр. 42, стрк. 15. Вспомнимъ еще j и ᵎ и́ ш н ъ й и j и ᵎ и́ ш и̇ ь т с̀ а, Иногда вм. j а́ й т с а слышится въ три слога j а́ ᵎ ь т с а; эта фо-

нема является у Крылова въ басняхъ «Воспитаніе Льва», стихъ 75 и «Напраслина», стихъ послѣдній.

Стр. 48, стрк. 4 сн. Вм. «какъ отмѣчено выше,» нужно «см. ниже, стр. 57.

Стр. 50, стрк. 11. Подобныя ошибки всетаки встрѣчаются, но только при полной безграмотности, т. е. у людей, которые знаютъ лишь основное значеніе буквъ, да и то нетвердо — каковой безграмотности мы не въ правѣ приписывать стариннымъ книжникамъ.

Стр. 51, стрк. 17. Слово **Смольнѣскъ**, надо полагать, не представляетъ ѣ въ смыслѣ мягкаго знака, а ѣ вм. е: первоначально д. б. было Смо̀лнеск—Смо̀лнеска. Срв. стр. 45—46.

Стр. 55, стрк. 11. Въ **кьрьхъ, търъгъ** и т. п. случаяхъ можно говорить о «глухомъ полногласіи» — Потебня назвалъ это «вторымъ полногласіемъ». См. въ лекціяхъ Соб., стр. 27—30.

Стр. 63, стрк. 10 сн. Омѣла даетъ птичій клей, употребляемый для ловли птицъ, и походитъ на метелку.

Стр. 64, стрк. 12. Тоже слово въ формѣ jèlito, jelìto и со значеніемъ кишки есть у Чеховъ и у Поляковъ.

Стр. 67, стрк. 20. Нужно pṓdm̥, т. е. m̥ слоговой.

Стр. 69, стрк. 12. U̯ знакъ неслоговаго *у* (легкаго, чисто-губного *в*).

Стр. 83, стрк. 6 сн. Обыкновенно однако въ плавно-чистыхъ созвучіяхъ вставки не бываетъ: **срамъ, срлунца, срѣда** и т. д. Соболевскій, Древній церковнославянскій языкъ, Фонетика, стр. 128.

Стр. 87, стрк. 16. Лавровскій писалъ раньше Миклошича—въ 1855 г.

Стр. 88, стрк. 10 сн. Ѣ дифтонговый, т. е. восходящій къ oi, ai, при чемъ соотношеніе было бы такое же, какъ между греческими ἔλιπον и λέλοιπα.

Стр. 88, стрк. 6 сн. Въ добавокъ trtíya чуть ли не единичный случай, да и корень его м. б. не tri, а tr̥=tr=ter.

Стр. 131, стрк. 11. Здѣсь однако можно бы видѣть воспроизведеніе южнославянскаго смѣшенія ь и ъ.

Стр. 133, стрк. 21. **Кьꙁѧ** и т. д., приводимыя здѣсь изъ церковныхъ памятниковъ, могли бы считаться паннонизмами, т. к. паннонскіе памятники передъ узкими слогами нерѣдко пишутъ ь вм. ъ.